

ТАМАРА МАЙСКАЯ

**«ПОГРАНИЧНАЯ
СИТУАЦИЯ»**

**РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ
СТАТЬИ**

KONTINENT
Чикаго 2007

Tamara Maiskaia

«Pogranichnaya situatsiya»

Library of Congress Control Number: 2007942808

ISBN: 0-9771194-4-0

Copyright © 2007 by author

Photo copyright © 2007

Chicago, USA 2007

All rights reserved including the right
of reproduction in whole or in part in any form.

Published by “**KONTINENT**”

www.kontinent.org

СОДЕРЖАНИЕ

Исповедь эмигранта третьей волны 11

Рассказы

Money Machine	32
Perpetual Care	41
Любите ли вы лысых?	54
«Музей»	62
Swimming Pool	71
Герой	79
На кого я похожа?	84
Синяя птица	89
Замещающий учитель	92
Никто в америке этого не делает не делает	96
Кошелка	100
Next Year in Bootique!	105

Очерки

Московско-питерские картинки	114
Бригантина поднимает паруса	126
Как меня не пустили протестовать	132
Paradise	138
Жизнь в блокадном городе	150
После победы	164
«Пограничная ситуация»	168
Зайчья школа	172
Пропавший гражданин	177
Москва перестрочная	182

Статьи

Размышления на вечере поэзии	192
Несколько штрихов к портрету юбиляра	197
Достойная дочь	201
Иди дорогою свободной	205
Искаженный облик Горького	214
Урожай отчаяния	218
Ответ правдолюбца	222
Позвольте не согласиться	226
Язык — не консервы	228
Праведник	231
Клюква и топор	234
На взгляд утомленного зрителя	240
Страсти по-еврейски	246
Спасут ли нас вера, разум, талант?	248
Куда мы идем?	251
Ubi Vene, Ibi Patria!	255
Не хлебом единым... ..	259
А была ли личность то?	262
Автор проповеди: «Живи не по лжи» запутался во лжи	265
Письмо о солженицыне	277
Кто выдаст грамоте охранную грамоту?	278
Беспардонно	280
Нет прощению!!!	285
«Девиз ее жизни — красота»	290

*Материалы данной книги
были в разное время
опубликованы в русско-
язычной прессе США.*

ИСПОВЕДЬ ЭМИГРАНТА ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ

*Если кто-нибудь, прочтя мою «исповедь»,
раздумает эмигрировать в Америку,
или напротив захочет жить в США,
я буду считать, что не зря приняла участие
в создании книги «Русские в Америке».*

Я эмигрировала из Советского Союза в 1974 году, когда поток эмигрантов третьей волны представлял собой еще ручеек.

Много лет писала там подпольно, не могла публиковать свои произведения и при первой же возможности постаралась выбраться из страны, которая была для меня концлагерем.

Я бы эмигрировала на два года раньше, но никак не могла переправить свои рукописи. Только после того, как двое австрийских студентов, которым я на летних курсах в Москве преподавала русский язык, провезли два моих киносценария на Запад, я решилась, надеясь, что остальные рукописи я каким-то образом (каким, я не представляла) переправлю потом.

В Израиль я не собиралась: не выношу жаркого климата.

Я окончила филологический факультет МГУ, романо-германское отделение, хорошо знала немецкий язык и думала остаться в Вене, понимая, однако, что это нереально.

Насчет Германии я решила вопрос однозначно, еще в Москве заявив друзьям, что хотя я и люблю немецкую культуру, не могу ни жить, ни принять подданство страны, которая уничтожила шесть миллионов евреев. Как выразился один из моих знакомых: еврей, эмигрирующий в Германию — это кафкианский бред. Оставались только Соединенные Штаты Америки.

Уже заполнив в Венском ХИАС/е/ анкету на эмиграцию в США, я вдруг засомневалась и решила откровенно поговорить с тогдашним директором ХИАС/а/ господином Вальтером Хичменом. Рассказала ему, кто я такая и почему эмигрирую, и между прочим, спросила: т.к. я буду ехать через Рим, стоит ли мне опубликовать там свои киносценарии? Он категорически мне это отсоветовал. Итальянцы де плохо относятся к советским эмигрантам и вообще... в Америке вы получите больше денег. По поводу же оставленных дома рукописей заверил меня, что как только я доберусь до Америки, тут же найдутся люди, которые кинутся мне в этом вопросе помогать. Я не стала, как другие диссиденты, объявлять себя политэмигрантом, хотя таковой была.

Я не сделала этого не только из-за советов г. Хичмена, я боялась, что в Союзе может пропасть мой труд, и не хотела вредить родным.

Большинство эмигрантов стремились тогда попасть в Нью-Йорк. Я в Нью-Йорк активно не хотела, о чем теперь иногда жалею; мне осточертела Москва, и я хотела жить в тихом зеленом городе, где могла бы спокойно продолжать свое творчество. Единственное, о чем я просила ХИАС: послать меня как можно севернее. Меня направили в штат Огайо, в г. Кливленд. Это уже потом я узнала, что Кливленд расположен на широте г. Сочи, а хорошего климата для меня нет по всей Америке.

Тогда о Кливленде я знала только, что он находится на озере Эри, я надеялась в нем купаться, недалеко от г. Торонто, я думала, что буду взад вперед кататься из Америки в Канаду, и что там знаменитый симфонический оркестр, концерты которого буду регулярно посещать. Увы... озеро оказалось далеко от моего дома, машины я не вожу... и купаюсь там нечасто. В Торонто за двадцать лет мне удалось побывать только два раза и четыре раза на Ниагарском водопаде. Сходить на концерт Кливлендского оркестра могу позволить себе крайне редко. Самый дешевый билет стоит 25 долларов. Бывшему советскому человеку, привыкшему, что культура в СССР (билеты в музеи, кино, театры, концерты и т.п.) почти ничего не стоила (правда, её там мало и было) здесь кажется чрезвычайно дорогой.

Приняла меня в Кливленде еврейская община, которая дала гарант американскому правительству (почему наша эмиграция в эту страну и стала возможной) поддерживать каждого русско-еврейского эмигранта в течение двух лет. Приехала я в США одна. Мои родители, сестра, ее муж и племянница (другой семьи у меня не было) остались там. До меня в Кливленде одиночек селили в религиозные семьи, и это было для них сущим кошмаром. Потом община от этой практики отказалась. Для меня сделали исключение: нашли мне отдельную комнату. Маленькая комнатка с газовой плитой, но без кухни, крошечной ванной и туалетом. Меня это не смущало. Я приехала сюда за свободой! Община купила мне необходимую мебель, две смены постельного белья, утюг с гладильной доской и немного посуды. И стала давать мне 17 долл. в неделю на пропитание. Тогда жизнь была значительно дешевле. Мы все уезжали без денег и почти без вещей. Нас окружили волонтерами. Те возили нас в синагоги, приглашали на субботние обеды и немного обучали английскому языку. Все это было приятно.

Живя в Советском Союзе, я не чувствовала себя еврейкой несмо-

тря на бытовой антисемитизм, с которым сталкивалась в детстве и государственный, с которым столкнулась в юности и в зрелые годы. Я была русским космополитом-западником. Здесь в Америке, не отказываясь от своих космополитических воззрений и своей русскости (я прожила в России две трети своей жизни), я познакомилась с историей еврейского народа, узнала его традиции и обычаи. Я не хожу каждую субботу в синагогу, ибо не чувствую себя верующей. Я бываю там на праздновании Рош Ашоны (еврейского Нового года), в Судный день и на Песах, празднике, посвященном исходу евреев из Египта. Я прихожу в синагогу, чтобы выразить солидарность со своим народом.

Теперь нужно было подумать об устройстве на работу. В СССР я преподавала немецкий язык в школе и русский на курсах Союза Советских Обществ Дружбы, Интуриста и «Спутника» студентам и преподавателям, приезжавшим туда на практику из Западной Европы и Америки. Их приезжало летом так много, что казалось: здесь всем позарез нужен русский язык. На поверку оказалось иначе. Именно в тот год, когда я сюда приехала, вышел закон, по которому американским студентам не обязательно изучать иностранный язык. Зачем, когда столько людей в мире понимают и говорят по-английски. Мне помогли составить резюме, и я послала свои документы в три имеющих в Кливленде университета. Из всех трех я получила отказ. В двух — русского языка не было, в третьем на пятнадцать студентов вполне хватало двух профессоров и одного инструктора.

Между тем меня занимали мои писательские проблемы. Я хотела опубликовать привезенные рукописи. Накопив 100 долларов, я поехала в Нью-Йорк. Знала, что там находится издательство «Международное литературное содружество». В тамиздате мне попадались изданные ими книги.

Директор издательства мистер Клайн взвесил на руке мои рукописи и сказал: они недостаточны по объему для отдельной книги. Их можно печатать только в журнале. И дал мне номер телефона «Нового журнала» и имя его редактора Романа Гуля. Думаю, он также взвесил мою безвестность. Я жила всю жизнь в подполье, рукописей своих на Запад не передавала, и в противоположность другим диссидентам, за мной не водилось скандальной славы. По-наивности я полагала: здесь прочтут мои произведения, поймут, оценят (как это было с теми, кому я давала в Союзе читать свои рукописи), и обязательно опубликуют. За этим я сюда и приехала. Прямо из кабинета мистера Клайна я позвонила в «Новый журнал». Трубку взяла секретарь, ре-

дактора не было. Я уже запомнила, что именно я ее спросила, но отчетливо помню ее истерический вопль:

— Я секретарша в русском издательстве, сижу на полставке!

Опечаленная я побрела в редакцию газеты «Новое русское слово». Она вся помещалась тогда в одной комнате... и за фанерной перегородкой в закутке сидел ее главный редактор Андрей Седых. Единственное, чем он постарался меня утешить: дал мне бесплатно несколько номеров, включая воскресный, издаваемой им газеты.

Выйдя из редакции, я снова позвонила в «Новый журнал». На сей раз ответил редактор. Услышав, что у меня киносценарии, безапелляционно произнес:

— Сценариям не место в толстом журнале. Со сценариями обращайтесь к режиссерам.

Тут я впервые столкнулась с проблемой, которая будет меня преследовать всю мою жизнь. В Америке журналы и издательства не печатают киносценариев. В Советском Союзе их иногда публиковали. В частности, я привезла с собой книгу: «Сценарии итальянского кино». Вообще, я наткнулась здесь на такой консерватизм в русскоязычной литературе в смысле формы, какому метрополия могла бы позавидовать. Прошло 50 лет со времен Октябрьской революции, а они пишут так, будто сейчас 1917 год. Я поняла, почему бедная Цветаева вынуждена была вернуться в СССР, где и погибла. Здесь не признавали её стихотворного новаторства.

— Там нас не печатали и здесь с нами разговаривать не хотят, — заметила я Гулю.

— Так зачем же вы сюда приехали? — резонно спросил он.

Действительно, зачем?!

Пытаясь разыскать своих, (вернее, бабушкиных) родственников, я побывала в Нью-Йорском ХИАС/е/ и, между прочим, спросила: не знают ли они каких-нибудь еврейских режиссеров, которых бы заинтересовали мои сценарии?

— Чтобы их кому-то показывать, они должны быть переведены на английский язык.

— А вы представляете, сколько будет стоить перевод?

— Представляю, — отчеканила мне модная девица в длинной юбке, — Поступайте работать на фабрику...

— Я после операции.

— Зарабатывайте деньги и переводите свои рукописи за ваш счет.

Я плелась по улицам столицы мира в полном отчаянии и с ужасом думала: куда я попала? Что я буду здесь делать? Как мне дальше

жить? Я до такой степени расстроилась, что кинулась в немецкое консульство. В Германии, думала я, можно было бы обратиться за советом и помощью к немецким писателям, произведения которых я хорошо знала. Здесь огромная страна, и обращаться не к кому. Но было уже поздно. В Кливленд я вернулась подавленная.

Вскоре я получила сертификат на право преподавания немецкого языка в High School и стала рассылать свои документы в различные Board of Education. Вакансии преподавателя немецкого языка тоже не оказалось, но в одном из Board of Education, в Cleveland Public District School меня зарегистрировали замещающим учителем. В школах США есть такая система: если на урок по какой-либо причине не может прийти постоянный преподаватель, вызывают замещающего. Тот должен быть всегда наготове.

В один прекрасный вечер позвонили и мне. Назавтра надо было в одной из школ замещать преподавателя немецкого языка. Я расспросила, как доехать до школы, и на двух автобусах туда добралась. Когда я пришла в класс, оказалось, что кроме немецкого, я должна преподавать также латинский язык, а я еще не успела познакомиться с американскими учебниками. Выручили меня латинские пословицы: я старалась их запомнить как можно больше, когда в университете изучала латынь. Первый урок я сыпала поговорками, развлекая студентов. На следующий день я уже бойко вызывала их к доске переводить с английского на латынь и с латыни на английский. Через три дня преподаватель выздоровел. Но я уже пришла в школу, и меня спросили:

— Как у вас с химией?

И послали замещать учителя химии. За неделю я успела преподавать музыку, биологию, социальную науку и даже поварское искусство. Платили мне 28 долларов в день. Потом преподаватель немецкого языка и латыни снова заболел и, как оказалось, вообще не собирался возвращаться в школу. Со мной заключили контракт, и я стала постоянным замещающим учителем. Мне также прибавили жалование. Теперь я получала 32 доллара в день.

Жизнь, казалось, налаживается. Я переехала в том же доме в новую квартиру. Теперь это была полноценная студия: комната и отдельная кухня. Будучи в Нью-Йорке, я посетила организацию, которая помогает эмигрантам American Council for Emigres in the Professions, Inc. и заполнила там анкету. Они послали меня на конференцию славистов в Атланту. Кстати, там я узнала, чтобы стать преподавателем в университете, надо иметь PhD. Советскую кандидатскую степень

они к этому приравнивают, но у меня, увы, ее не было. Откуда? Я кончала университет в самый разгар борьбы с космополитизмом, когда евреев в аспирантуру не принимали.

У меня появились американские друзья. Заведующий библиотекой нашей школы М.Б. пригласил меня к ним домой на празднование Thanksgiving, познакомил со своей женой и родственниками. Это был мой первый День Благодарения в Америке. Дружба наша продолжается уже более 20 лет.

Русских удивляет, почему американцы на своих party разговаривают о пустяках: не спорят о политике и не обсуждают мировых проблем. На это жена М.Б. как-то заметила:

— Если есть проблема, и я могу помочь, я собираю подписи или деньги...

Американцы не понимают, как можно переливать из пустого в порожнее, как это делали годами мы, собираясь на своих кухнях. В те времена это было нам простительно: у нас не было реальной политической жизни.

Здесь не принято на party волноваться, впадать в азарт, портить нервы себе, гостям. и хозяйке дома. Party — это отдых и развлечение.

Однажды я спросила у отца М.Б.:

— За кого вы голосовали?

— За Форда потому, что он хороший человек.

— А ваш сын по этой же причине голосовал за Картера.

Жена М.Б. меня перебила:

— У нас в доме не говорят о политике.

Когда я занималась на курсах в городской библиотеке английским языком, со мной вместе учились студенты из разных стран: Ирана, Ливана, Тайваня, Мексики... Преподаватели нас просили: не говорить на уроках о политике и религии. Мы спорили на эти темы во время перерыва.

В школе у меня было следующее расписание: два часа немецкого языка, три часа латыни, час Study Hall — когда школьники выполняют домашние задания, а учитель за этим наблюдает, час дежурства в столовой, час для планирования и подготовки к урокам и час — перерыв на ланч, т.е. восьмичасовой рабочий день. В советской школе у учителя иностранного языка только 20 часов в неделю — ровно половина. Преподаватели там других предметов, желая заработать, если таковая возможность предоставлялась, брали по 24 часа, иногда больше. Но я не встречала в Союзе преподавателя, у которого была бы

сорокачасовая рабочая неделя.

Работая в школе, психологически я чувствовала себя неплохо. Другие эмигранты мне завидовали: я работала вроде бы по специальности. Физически я с трудом выносила нагрузку. Я приходила в школу к восьми часам утра и в пять возвращалась домой, валилась как труп, в незастеленную постель (мне некогда было ее стелить) и засыпала. Поздно вечером прсыпалась, гладила одежду для следующего дня (в Америке все служащие, в том числе учителя, переодеваются на работу каждый день), готовилась к урокам и снова ложилась спать, чтобы на следующий день подняться в семь утра.

Теперь об американских школьниках. У меня есть приятельница В.К. — тоже преподаватель. Каждый наш телефонный разговор с ее стороны сводится к тому, какая здесь ужасная система образования. В том возрасте, когда русский школьник учит уже дроби, американский только складывает $2 + 2$. Они с мужем регулярно занимаются со своим сыном математикой и другими предметами, считая, что школа его мало чему научит. Возможно, я бы думала и поступала так же, если бы у меня были собственные дети. Когда к В. К. приехала сестра из России, она с рыданиями в голосе жаловалась: ее дошкольные племянники наизусть шпарят стихи Пушкина, а ее двенадцатилетний сын только и делает, что смотрит телевизор или играет в видеоигры.

Существует мнение, что американскому школьнику дают де непозволительно много свободы. В частности, школьники старших классов могут сами выбирать себе предметы для изучения. Мне эта система нравится. Зачем, спрашивается, я, будущий гуманитарий, должна была изучать в школе органическую химию, формулы которой у нас в классе никто не мог запомнить, или тригонометрию? Таких практических предметов — необходимых в жизни, как печатание на машинке и домоводство в мое время в русской школьной программе не было. В противоположность большинству соотечественников нравятся мне здесь и взаимоотношения учителей с ученикам. Они — на равных. А что касается поведения: подростки всюду остаются подростками. Во всяком случае, здесь не считают, если в классе плохая дисциплина — виноват учитель. Здесь не наказывают учителя за то, что ученик порезал парту. А вот в московской школе номер 206, где я преподавала, наш директор на собраниях так и говорила: наказывать будем учителя.

Кончилось мое преподавание тем, что они нашли учителя латыни. Я обрадовалась (работа в школе не оставляла времени для творчест-

ва). Теперь у меня будут только два урока. Получать я стану вместо 32 долларов в день 12, но мне этого хватит. И тут выяснилось: в Public Shool нет системы part time. У преподавателя должна быть полная нагрузка. Школа мне хотела на свой лад помочь: к моим двум учебным часам мне прибавили четыре Study Hall. Расписание это было необычным, и с ним я отработала еще неделю.

Когда я получала свой сертификат, я попросила, кроме немецкого языка, сертифицировать меня также в русском. Про латынь я тогда совсем забыла. Я изучала ее только два года и уж никак не предполагала, что здесь в средней школе ее могут преподавать. Иначе совершенно автоматически, по закону я бы стала постоянным преподавателем High School. Но я об этом никогда не жалела, понимая, что не смогу физически выдерживать нагрузку.

Я продолжала работать в школьной системе теперь уже в качестве substitute per diem — однодневным замещающим учителем. Меня вызывали в различные школы. Я вставала в 6:30 а.м., к 7 я была уже готова. Звонили мне самое раннее в 7:10, 7:20, а чаще в 7:30, а в 8:10 я должна была уже быть в классе. И это при том, что я не вожу машины.

Школы, в которых я работала, состояли либо исключительно из белых учеников, либо из чёрных. Последних было значительно больше, и дисциплина там была несравненно хуже.

В 70 годы, во время моего здесь пребывания в Бостоне проводили насильственную десегрегацию школ. Белых возили на школьных автобусах учиться в школы в черные районы (их родители этому сопротивлялись), а черных привозили в белые районы. До сегодняшнего дня большинство школ в Америке остаются сегрегированы, т.к. сегрегированы районы проживания.

В Кливленде есть районы, где живут одни черные, есть районы, где их всего небольшой процент. Недалеко от моего дома останавливаются два автобуса, идущие в даунтаун. Один из них из даунтауна едет в черный район. Если я сажусь в этот автобус, я, как правило, оказываюсь в нем единственно белой пассажиркой. Меня это не смущает: я не расистка. Но я понимаю родителей, которые, покупая дом, прежде всего заботятся о районе, чтобы он был тихим и спокойным, а это значит: белым и богатым, и чтобы в нем была хорошая школа.

Некоторые состоятельные родители отдают своих детей учиться в частные платные школы. В Америке очень популярны школы, обучающие по методу итальянского педагога Монтессори.

Сначала я с энтузиазмом бежала в очередную школу. Потом, ожи-

дая звонка, стала писать... и радовалась, если его не было. Я вернулась к творчеству.

Днем и, просыпаясь ночью, я думала о том, как мне вызволить из Союза мои рукописи. Где те люди, которые по словам директора Венского ХИАС/а/ должны были мне помочь, где они? К кому я только ни обращалась. К профессору русского языка и литературы Т.У с просьбой познакомить меня со студентами, едущими в Москву (сама я с ними контакта не имела, т.к. не работала в университете).

— Мы с вами не имеем права их подводить, — был ответ. — Они родились в Америке и не знают, что такое конспирация.

— Я этого не сделаю: у меня семья.

А между тем, и он, и его студенты рисковали лишь тем, что им бы не дали другой раз визы в Советский Союз. В те времена этот риск представлялся мне смехотворным. Это я уже потом поняла, что означает для человека, работающего с русским языком, возможность ездить в страну, где на этом языке говорят и пишут. А.Л., переводчица и специалист по русскому театру, которую я попросила написать рецензию на мою книгу антисоветского содержания, не сделала этого по той же причине. Вслух она мне этого не сказала, вернее, не написала (мы живем в разных городах), но я это поняла, и думаю, поняла правильно.

Обращалась я и в Еврейскую федерацию: хотела найти инженера, который ехал в Союз (такие в Кливленде были) работать на два года по контракту. Представитель федерации мне популярно объяснил: ни один инженер не захочет рисковать работой из-за спасения каких-то рукописей. Я столкнулась с ментальновтью, когда работа, семья, материальное благополучие и душевный комфорт в жизни — главное, и этим не жертвуют. Мне, воспитанной на произведениях русской литературы и революционной романтике, такое «мещанское» (как сказали бы в России) мироощущение было чуждо. Теперь я понимаю его правомерность. Разумеется, речь идет не только о помощи мне. Тот же профессор Т.У. (потом, когда мои рукописи были уже переправлены, и мы стали друзьями) иногда говорил:

— Если Америка, не дай Бог, будет с кем-то воевать, я отсюда уеду. У меня два сына — я обязательно уеду. Правда, я не знаю, куда я уеду...

Что ж, нынешний президент Билл Клинтон таким образом избежал войны во Вьетнаме, и между прочим, ему это простили.

Среди погибших американских астронавтов была учительница Криста Маколив. Все американские школьники в тот день, сидя в классе,

смотрели по телевизору их трагически закончившийся полет.

— Как ваши мальчики восприняли гибель астронавтов, — спросила я у Т.У.

— Мы с женой им объяснили: нельзя становиться астронавтами.

Культу героизма, гибели во имя каких-то идеалов в американской идеологии нет. Напротив, есть культ выживания. Survival — чуть ли не самое важное слово в англо-американском словаре.

Здесь довольно часто показывают по телевизору, как Джон Кеннеди, обращаясь в свое время к американской молодежи, произносит: «Не спрашивайте свою страну, что она для вас может сделать. Спросите себя: что вы можете сделать для своей страны?». Не знаю, как в его время, а теперь эти слова мало кого колышат. Появилось новое поколение «яппи», для которых главное — личный успех. Тем более американцев мало трогает, что происходит в других странах. Однажды я рассказывала своим американским друзьям, — семейной паре М.Б. и К.Б. о том, как теперь плохо в России. М.Б. слушал меня, слушал... и вдруг не без иронии — спросил:

— А должен ли я об этом волноваться?

В другой раз заметил:

— Хорошо, что вас там теперь нет.

США любят упрекать, почему они освободили только Кувейт, а не весь Ирак от Саддама Хусейна, почему до сих пор не уничтожили Фиделя Кастро, почему никак не разберутся с сербами?.. На эти вопросы мне хорошо ответила одна дама, которой я пыталась объяснить, как страдает многомиллионный советский народ.

— Я не хочу, чтобы мой сын шел умирать, освобождая Россию (Кубу, Китай. и т. д.)

С этим не поспоришь. Жизнь отдельного человека — здесь величайшая ценность. Когда маленькая девочка Джессика Маклур провалилась в колодезь, вся Америка в течение трех дней не отходила от телевизора: затаив дыхание, смотрели, как ее спасали. Да что Джессика! Здесь кит как-то заплыл в бухту и не мог бедный выбраться в океан. Американские ученые ему помогли. И опять здешняя публика с волнением за этим наблюдала.

Учебный год кончился, и я снова осталась без работы. У меня были только три частных урока русского языка.

Мой ведущий дал мне направление в аптеку-магазин, там требовался продавец. Я радостно туда помчалась: коробочки... с красивыми этикетками... Хозяин меня выслушал и сказал:

— Вы знаете английский, но вы говорите книжным языком, а мои

клиенты разговаривают на слэнге.

— Я могу понять кого угодно, работала со студентами из разных стран.

— Я не сомневаюсь, что вы поймёте моих клиентов. Боюсь, мои клиенты не будут понимать вас.

Я оказалась тем, что в Америке называют *overqualified*.

— Сначала надо вымыть полки, — продолжал хозяин.

Я послушно киваю.

— Потом разложить товар...

Я снова киваю... а он смотрит на меня с недоверием: вид у меня той самой леди, которая мочалки в руках не держала.

— Сколько вам лет? — спросил он.

Так, как я молодо выглядела, я нахально соврала:

— Около тридцати.

Хозяин аптеки не постеснялся мне возразить:

— Вы не выглядите на тридцать.

Естественно: я была значительно старше.

То же самое повторилось, когда меня послали в булочную. Хозяин на меня взглянул и мгновенно понял: я не затем приехала в Америку, чтобы продавать хлеб в его пекарне.

Был со мной и такой случай: я познакомилась с официанткой еврейского ресторана «Даймонд».

— Могу ли я у вас работать посудомойкой? — спросила я её.

— У нас этим занимаются чёрные. *We can not mix the blacks and the whites in the same kitchen.**

А однажды я прочла в газете объявление, что в одной компании требуется *solicitor* (работник, предлагающий товары по телефону). Когда я туда пришла, менеджер мне сказал: на одно место претендовали чуть ли не сто человек.

Организация, посылавшая меня на конференцию, прислала мне информацию о том, что преподаватели русского языка требуются в военном институте в Монтерее. Они там требуются всегда. У них тоже сорокачасовая рабочая неделя, а я по школьному опыту знала, что для меня это неприемлемо. В университете у профессора не бывает более трех уроков в день, а публикации для меня — не проблема.

Было также место в университете в Лос-Анджелесе. Я испугалась калифорнийской жары (в Кливленде все-таки бывает зима), боялась оторваться от еврейской общины города Кливленда, которая дала мне гарант (я была здесь одна, без родственников), мне начали лечить и протезировать зубы в Mount Sinai госпитале. Словом, я не знала, что

* Мы не можем мешать черных и белых в одной кухне.

делать. Как вдруг я получаю из Кливлендского штатного университета, который в прошлом году прислал мне отказ, анкету. Я обрадовалась, зачем мне ехать в Калифорнию, если осенью я стану работать в Кливленде. Я тогда еще не знала, что анкеты здесь собирают для коллекции, на всякий случай. В России вам предлагали написать заявление и заполнить анкету, когда было уже ясно, что вас на работу берут. Когда я осенью позвонила в университет, заведующий кафедрой был удивлен, что предложение заполнить анкету я буквально приняла за предложение мне работы. Оказывается, они просто обновляли файл. Моя анкета лежит у них и по сей день.

Между тем я познакомилась с еще одним учебным заведением Институтом искусств на сей раз не в качестве преподавателя. У меня классические черты лица так, по крайней мере, считают художники.

В России они подходили ко мне чуть-ли не на улице и просили позировать. У меня было много друзей художников, и там я это делала бесплатно. Здесь я стала подрабатывать в качестве натурщицы в Институте искусств. Помимо денег, мне было интересно, как в Америке преподают искусство. Первое отличие: в Институте нет никаких теоретических предметов, не только диамата или политэкономии, но даже истории и теории искусства. Теорию преподаватель объясняет в процессе обучения. Студент сам выбирает себе предметы. Например, в понедельник у него рисование, во вторник он берет живопись, может и не брать — это его дело, в среду — акварель или скульптура... Студент уже в первый год обучения имеет полную свободу в смысле формы. Преподаватель только осторожно направляет его. Ему дают возможность свободно развиваться, его не калечат соцреализмом. Необязательно рисовать похоже.

Позировать надо было шесть часов в день с перерывом на ланч. За перерыв не платили. И опять я не встречала в России художника, который бы рисовал шесть часов подряд и при этом одну и ту же модель. И обучение, и труд в Америке во много раз интенсивнее, чем в России.

Работа эта не была регулярной т.к. позировала я только для портрета т.е. одетая, иногда в живописный костюм, который сама придумывала. К позированию я тоже подходила творчески. Платили мне гроши (это не фотография): минимум заработной платы, который тогда был 2 доллара, 50 центов в час.

Общине приходилось мне помогать. Моих денег хватало только на пропитание, а надо было еще платить за квартиру. В России я платила квартплату 9 рублей. Здесь моя студия сначала стоила 80 долла-

ров в месяц. Хозяин каждый год повышал квартплату на 10 долларов, потом дом продали, и новые хозяева повысили плату сразу на 20 долларов. Теперь я уже платила 150.

Я выписала в библиотеке адреса университетов в штате Огайо и других главных университетов страны и безнадежно посылала туда документы.

Свободной вакансии преподавателя русского языка нигде не было.

Одновременно я посылала в русскоязычные журналы свои рукописи и тоже получала отказ. Никто не хотел печатать мои киносценарии.

Общине надоело ждать, когда я устроюсь на работу профессором. Они дали мне направление на фабрику музыкальных инструментов.

Я туда пошла и спросила, могу ли я у них работать полсмены?

Мне ответили — нет.

Не знаю, чем бы это все кончилось, но как говорится: не было бы счастья, да несчастье помогло. После сложной медицинской операции, от неустroенности, тяжелых переживаний в связи со смертью в Москве мамы у меня сделалась депрессия, добавилось вредное действие сильных лекарств, которые мне выписывали американские врачи. От них у меня нарушился сон. Все это вызвало рецидив старой болезни. Община стала хлопотать для меня об инвалидности. Я не сразу на нее согласилась. Я хотела быть «лучше богатым, но здоровым, чем бедным и больным». Но что было делать? По специальности устроиться не было возможности, а работать физически я была не в состоянии. Примирилась я с инвалидностью только после одного случая. Я послала свои документы в один из университетов, где требовался преподаватель русского языка, и не указывалось, что нужно PHD, а только быть «good with students». У меня была блестящая характеристика от австрийских студентов. Ответ пришел более чем вежливый: «Мы сознаем, что много прекрасных людей ищут академическую работу, которой теперь так мало». Могла быть сотня причин, почему на это место взяли не меня, а другого, но я почувствовала, что этой причиной был мой уже немолодой возраст. Мне было за сорок. К тому же, профессор университета должен каждый год заключать новый контракт. Будет ли он продолжать работать — зависит прежде всего от количества студентов, записавшихся на его курс. Только после многолетней работы в одном и том же (если ему повезет) университете он может получить tenure т.е. постоянную должность.

Конечно, я думала, что становлюсь «инвалидом» не надолго. Вызволю свои рукописи, начну публиковаться, и будут у меня деньги.

Неожиданным образом моя жизнь в Америке устроилась: мне дали инвалидность, а с ней и пособие SSI. Каждый год к пособию прибавляют 4 процента на рост дороговизны. Денег мне хватает. Еда в Америке стоит недорого. Одежда – тоже не проблема. В противоположность Европе здесь наряду с дорогими магазинами есть дешевые, рассчитанные на бюджет малоимущего. Я переселилась в прекрасную квартиру one bedroom (фактически две комнаты) в новом только что выстроенном доме, за которую плачу 30 процентов своего дохода. Остальное доплачивает государство. Имею Medicaid — медицинскую страховку, оплачивающую визиты к врачам, выписываемые ими лекарства и госпиталь, если больной туда ложится.

Все это стало для меня возможным потому, что социальные программы, существующие в Америке давно, стали распространяться и на русских эмигрантов. Добились этого демократические политики. Вот почему, став американской гражданкой и думая не только о себе, но и о других unfortunated (неудачливых), я не будучи социалистом, голосую за демократов.

В нашем доме, помимо пожилых людей (старше 60), живут инвалиды, ставшие ими с детства. Пособие инвалид получает пожизненно, ему не требуется, как в России, каждый год проходить комиссию ВТЭК.

Два раза в неделю жильцов нашего дома на специальном автобусе возят в супермаркет, ко многим приходит home attendant убирать квартиру, некоторым приносят готовые обеды. Инвалиды и старики могут здесь вести independent living (независимое существование), а не сидеть, как в России, на шее у родных, если они есть.

С другой стороны, несколько лет назад в США вышел закон, запрещающий дискриминацию инвалидов при приеме на работу. Если инвалид в состоянии данную работу выполнять, ему не имеют права отказать. Будет ли он получать пособие в прежнем объеме, зависит от его заработка. Некоторые инвалиды, живущие в нашем доме, работают. Более того, здесь не рекомендуется употреблять само слово «инвалид», чтобы не обидеть больного человека. Я читала специальную инструкцию на эту тему. По отношению к слепым следует говорить «человек с проблемами зрения», по отношению к глухим — «человек с ограниченным слухом». Недавно инвалиды в колясках получили возможность ездить городским транспортом. Когда на остановке стоит такой инвалид, водитель автобуса спускает для него специальную панель, по которой тот поднимается в автобус, откидывает два места и пристегивает коляску инвалида ремнями. Остальные пассажиры терпеливо ждут.

Америка — гуманная страна. Помимо правительственных программ помощи, в ней уйма частных благотворительных организаций, чего, увы, все еще нет в России. С тех пор, как я живу здесь, я не испытываю больше страха перед будущим, который у меня всегда был в Советском Союзе. Я даже восстановила до некоторой степени свое здоровье. Не боюсь «республиканской революции», собирающейся отменить целый ряд социальных программ. Я живу здесь 20 лет и знаю: в Америке человеку не дадут умереть с голоду, и не оставят его без крова. Мне могут возразить: а бездомные? Все знают, что в Америке они есть, никто этого не скрывает. В СНГ их сейчас в десятки раз больше. Бездомными здесь оказываются люди, психически больные, наркоманы... которые не поддаются социальному учету. Те, кто винят в этом американское правительство, не понимают, что такое — западная демократия. Для бездомных здесь существуют специальные приюты (shelters), были случаи, когда государство платило, и немалую сумму, за отель, где бродяжки могли переночевать. Прогнать бездомного с улицы и более того, арестовать его, как это бы сделала в прошлом советская милиция, полиция здесь не имеет права. Однажды я ехала рано утром в Нью-Йорском сабвее, растянувшись на сиденьи, спал бездомный, а едущие на работу пассажиры, вынужденные из-за этого стоять, боялись его потревожить. Бывший мэром Нью-Йорка Коч отправил одну бездомную, которая ночевала на улице, делала под себя... в психиатрическую лечебницу. Она подала на него в суд за нарушение ее конституционных прав... и стала знаменитой на всю Америку. Фил Донахью пригласил ее вместе с ее адвокатом на свое шоу. Перед этим какая-то парикмахерская бесплатно сделала ей прическу, ей мгновенно нашли работу секретарши, а Гарвардский университет пригласил ее у них выступить. Мне было смешно слушать, как на шоу она возмущалась, зачем прохожие, когда она лежит на улице, бросают на нее (буквально) деньги (какое они имеют право!), ей достаточно 10 долларов в день. Я живу на три. Если бы она сама обратилась в социальную службу, ей бы нашли работу, жилье или бы оказали другую помощь. Но в том то и дело, что бездомные не обращаются к социальным работникам. Они, если так можно выразиться, погрязли в своей «бездомности», привыкли к этому образу жизни и не представляют себе другого. Конечно, у каждого из них своя история: почему они оказались на улице.

В 1980 году я получила американское гражданство и неправдами под вымышленной девичьей фамилией и выдуманной биографией (уехавших по израильской визе тогда не пускали) прорвалась с рис-

ком сесть там в тюрьму в Москву в качестве туриста. Там под одеждой сквозь двух милиционеров пронесла свои рукописи в Американское посольство. И только через два года получила их в государственном конверте по почте... из Финляндии.

В 1982 году сюда приехал мой отец. Нам сразу предложили освободившуюся двухбедрумную квартиру. Здесь не полагается отцу и дочери спать в одной спальне. Отец прожил в Америке счастливо шесть лет. Побывал в Нью-Йорке, Вашингтоне, увидел Диснейленд, который всегда мечтал посмотреть, Ниагарский водопад, Канаду... Побывали мы с ним и в Израиле. До приезда отца я не путешествовала.

После вызволения рукописей снова начались «хождения по мукам»: посылка их в редакции. Сценарии по-прежнему не принимали. Рассказы были опубликованы в русскоязычных журналах. Между прочим, многие из них потом прекратили свое существование. «Литературный курьер» дожил до 12 номера, «Точка зрения» (издаваемая женщинами), дошла только до третьего, «Новый американец» издавался два года под редакцией Сергея Довлатова и некоторое время после. «Стрелец», издаваемый Александром Глезером, просуществовал несколько лет. Больше всего я сотрудничала с «Журналом» Виктора Доброва. Он публиковал мои рассказы, написанные здесь о жизни эмигрантов. «Литературный курьер», «Точка зрения», «Стрелец» гонораров не платили. «Новый американец» и «Журнал» платили немного. Самое большее, что я получила от «Журнала» за рассказ — 100 долларов. Но и он в конечном счете вышел из бизнеса. Были журналы «Время и мы» и «Вестник», но и они перестали существовать.

Зато появилось много локальных газет.

О печатании книг за счет русскоязычных издательств (их было раз два и обчелся, и бедны они были, как церковные крысы) не могло быть и речи. Отец взял бразды правления нашего хозяйства в свои руки, и путем строгого режима экономии мы накопили деньги на издание моей первой книги. В Америке существует поговорка: «Publish or perish» (опубликуйся, или погибни). Обошлось мне это в четыре с лишним тысячи долларов.

В 1984 году вышел мой сборник киносценариев и пьес «Погибшая в тылу», т.е. через десять лет после моего приезда в Америку и через двадцать пять после написания первой вещи из этой книги.

Расходы на книгу остались некупленными. Книги здесь по сравнению с Советским Союзом стоят дорого. Покупают их в основном

библиотеки и славянские кафедры университетов. Читателей у нас здесь тоже маловато, если не сказать, почти нет. Читают только пожилые люди. Молодежь перешла на английский язык. Большинство из них вообще перестали читать книги. Им некогда: они делают деньги.

Читатели мне делали комплименты: «Спасибо за гениальную книгу», «Прекрасная книга», «В восторге от вашей книги»... В Новом русском слове» была на нее хорошая рецензия.

Я стала с надеждой посылать свою книгу в американские издательства, и увы, получала отказ. Той сенсации, которую я лелеяла во дни своего жуткого подпольного существования в Советском Союзе, ее достаивались другие диссиденты, не состоялось. Для этого мне надо было, живя там, передать сюда свои рукописи. Меня бы посадили в Союзе в тюрьму или сумасшедший дом, где я бы, наверняка, погибла, зато была бы посмертная слава. Когда ты уже находишься здесь, ты интереса не представляешь. Возможно, мою книгу отвергали потому, что это были киносценарии — мой основной литературный жанр. Я страдаю из-за своего литературного новаторства. Как бы там ни было, рухнула надежда жить литературным трудом. Пришлось с этим смириться.

В 1988 году я снова за свои деньги издала сборник рассказов «Корабль любви». Кроме рассказов, написанных подпольно в СССР, туда вошли также рассказы, написанные уже здесь о жизни эмигрантов. Помимо журналов, некоторые из них публиковались в Кливлендской двуязычной газете *Our Word* («Наше слово»).

С одобрения американских друзей я попыталась послать эти переводы в американско-еврейские журналы, такие, как *Nadassah*, *Jewish monthly* и др., думая, они их заинтересуют. Увы, в Америке, как в свое время в СССР, не любят пессимизма. Собственно, мне незачем было их туда посылать. В справочнике «Литературный рынок» под названием *Nadassah* было написано: журнал принимает документальные истории и художественные рассказы, утверждающие позитивные еврейские ценности.

«Don't write about your old mother in the new country».* А я именно на эти темы и пишу.

За последние годы я издала еще две книги, одну в России. Там вышел мой сборник «Боже, благослови Америку!», куда вошли новые рассказы и кинотрилогия об эмигрантах.

В 1995 г. в США был опубликован мой дневник с картинками «Сто дней в России»

* Не пишите нам о своей старенькой матери, как ей трудно в новой стране

Порой мне бывает горько сознавать, что я постоянно тружусь и вместе с тем не зарабатываю своим творчеством, а вынуждена находиться на иждивении американского государства. Что же, не я одна. Многие эмигрантские писатели и люди других творческих профессий, приехавшие сюда, как и я, в немолодом возрасте, находятся в таком же положении.

Зато я делаю много волонтерской работы. Мои соседи — соотечественники не знают английского языка, и я являюсь посредником между русскими жильцами и администрацией нашего дома. Я по существу много лет бесплатно работаю координатором, переводчиком, социальным работником... за что и награждена несколькими грамотами.

Однажды я пошла на семинар поэзии в городскую библиотеку и там познакомилась с американскими поэтами, стихи которых либо опубликованы в местной печати, либо не опубликованы вообще. Мне объяснили, (вернее, я всегда это знала), что здесь есть свой андерграунд — некомерческое искусство. Его представителям: режиссерам, художникам, актерам... едва ли лучше, чем мне. Из одного андерграунда я попала в другой. Да что я? Великий американский поэт Уолт Уитмен в свое время издал «Листья травы» за собственные деньги, и критика его при том обругала.

Конечно, мне бы не хватало денег на издание моих книг, если бы я не подрабатывала. Время от времени я работаю в качестве переводчика в совместной американо-русской фирме «Америсочи», продолжаю позировать в Институте искусств.

В 89—90—91 годы я преподавала русский язык в Кентском университете. Ездил, как и многие американцы, на работу в другой город. Там я познакомилась с американскими студентами. Русской писательнице Татьяне Толстой они показались «здоровыми голубоглазыми балбесами». Она же обозвала Америку бездуховной страной, обществом, где нет культуры. Я этого мнения не разделяю. Не могу сравнивать американских студентов с русскими, ибо общалась с теми давно, во времена собственного обучения в МГУ. Конечно, европейские студенты, с которыми я много работала, от них отличаются: те интеллектуальнее, культурнее, более начитаны, многие знают несколько иностранных языков, успели объездить Европу, благо путешествовать там из страны в страну — не проблема. Зато американские студенты более ориентированы в жизни, знают, зачем учатся и чего хотят. то другая культура. Если здесь такая плохая система образования, (как полагают многие), то возникает вопрос: почему в течение нескольких

десятилетия Нобелевские премии по различным наукам получают американские ученые?

Нельзя назвать бездуховной страну, где большинство населения верит в Бога, где столько церквей, синагог, храмов... и где мирно сосуществуют столько этнических групп и различных религий.

В нашем доме живут американцы англо-саксонского, итальянского, еврейского, азиатского и афро-американского происхождения. Мы живем в полнейшей дружбе. Когда бывают еврейские праздники: Рош Ашона, Ханука... администрация и жильцы дома нас поздравляют: вывешивают специальные открытки. Когда бывают христианские праздники: Рождество, Истер (католическая Пасха) то же самое делаем мы.

И культура здесь есть. В ней имеются некоторые своеобразия. Культурные учреждения, как и культурные мероприятия, базируются здесь территориально и идеологически вокруг университетов. В каждом есть свой симфонический или духовой оркестр, своя художественная галерея, свой драматический театр. Район, в котором я живу, так и называется University Circle. На сравнительно небольшой территории помимо университета, с его многочисленными факультетами, Института искусств, двух музыкальных школ есть несколько библиотек. В одной из них имеются русские газеты, журналы и книги. В нашем районе несколько музеев: Музей искусств, Музей природы, Исторический музей, Музей здоровья, Детский музей... Это так называемые nonprofit организации. Поддерживает их государство, различные фонды, частные пожертвования и члены клубов при этих музеях. В каждом музее регулярно бывают свои культурные мероприятия. В Музее искусств можно послушать лекцию, посмотреть видеофильм... Каждое воскресенье — органнй концерт. И все это бесплатно. Есть в нашем районе «Синематека», где идут иностранные фильмы, в том числе и новые русские. В Кливленде (дом его филармония находится в нашем районе) всемирно знаменитый симфонический оркестр. Каждые два года в Институте музыки проводится международный конкурс пианистов, На-днях в нашем городе открылся первый в стране Музей рок-н-рола.

Те, кто утверждает, что американцы бескультурны, не сталкивались с американской интеллигенцией.

В каждой стране есть массовая культура и элитарная. , Америка в этом плане — не исключение. Стоило русскому народу пожить несколько лет свободно, как вся его «духовность» улетучилась. Книги нынче в России читают преимущественно эротического содержания

или детективы, кино стали снимать по образцу худших американских боевиков с драками, насилием и убийствами. Уродливые явления, которые есть здесь, проявляются там еще уродливее.

Американцев, которых я знаю, никак нельзя назвать бескультурными или бездуховными. Каждый год они приобретают абонементы в филармонию, состоят членами одного или нескольких музеев, учатся на различных вечерних курсах (не для профессии, она у них есть) и за исключением новостей и передач образовательного канала, как правило, не смотрят телевидения с его массовой культурой.

Моя американская приятельница в прошлом году взяла отпуск за свой счет на год, чтобы изучать историю искусства, объявив, что важно прожить жизнь не богатым, а богаче. Причем она не знала, сможет ли после отпуска вернуться к своей прежней должности.

Не так давно я встретила на party американку, которая выйдя на пенсию, поступила учиться в университет. В США пожилые люди, senior citizen, как здесь их почетно называют, могут учиться в колледжах бесплатно.

А на-днях я была посрамлена. У нас есть общество OASIS, которое проводит лекции и семинары для пожилых людей. Был объявлен цикл лекций о России. Я решила на них записаться, но предварительно узнать, будет ли кворум, чтобы не пропал членский взнос в 14 долларов, если лекции не состоятся. Когда я пришла регистрироваться, число участников семинара о России было уже заполнено, и 40 человек записались дополнительно на waiting list.

В США нет министерства культуры, но есть государственная организация National Endowment For The Art, которая выделяет средства культурным учреждениям, раздает гранты на нужды искусства. Республиканцы хотят эту организацию упразднить.

Но даже, если National Endowment For The Art перестанет существовать, культура в Америке не погибнет. Она во все времена во всех странах поддерживалась меценатами.

В Америке огромное количество фондов и частных лиц, которые постоянно жертвуют немалые суммы на различные культурные проекты. Деньги эти списываются с налогов, так что государство и тут в некоторой степени косвенно финансирует культуру.

Между прочим, культура не нуждается в опеке, она нуждается в свободе. Там, где государство держало культуру в руках (Гитлеровский и Сталинский тоталитарные режимы), она превращалась в идеологизированную служанку.

Когда Илья Эренбург после первого съезда советских писателей в

1934 г. приехал во Францию, ему там с иронией заметили: вы проявляете такую заботу о литературе, что того и гляди задушите будущего Шекспира. В Америке таланты не душат. Они вольны развиваться. А каким путем талант пойдет, зависит в основном от него. Потребности общества разнообразны. Даже если твой культурный проект в той или иной области сейчас не покупают, не исключено, что может найтись спонсор, который его поддержит.

Помимо невозможности публиковать свои произведения, я задыхалась в СССР от недостатка информации. Здесь ее сколько угодно. Разумеется, она доступна в основном тем, кто знает английский язык. Я специально им не занималась или занималась мало. Что вошло мне в уши, то вошло. Во всяком случае, я владею английским языком настолько, что могла бы читать в оригинале американских писателей, (а если бы читала, знала бы язык лучше). Я не могу себе позволить тратить время на чтение толстых романов Нормана Мейлера, или трудных по языку произведений Джона Апдайка. Я с самого начала понимала, что американским писателем мне не стать (для этого надо было эмигрировать в другом возрасте) и боялась, и боюсь потерять русский язык. Поэтому ограничиваюсь чтением русских, или переведенных на русский язык книг. Американские газеты и журналы просматриваю.

Я не принадлежу к тем, кому требуется перевод американских телепередач. Для них здесь существует уже несколько лет русское радио и русское телевидение. Я все понимаю и, между тем, чувствую себя инвалидом на одно ухо. Не всегда могу разобрать слово, иногда не улавливаю его смысл, не зная тонкостей языка. Так я пошла в кино посмотреть пьесу «Генрих Пятый» (я люблю Шекспира) и за исключением любовного диалога Генриха и Кетрин, ничего не поняла.

Мне казалось, что покинув Москву — столицу СССР, я несколько опривинциализалась. Когда в Москве в конце 50-х годов была выставка Пикассо, я стояла два часа в очереди, чтобы на нее попасть, но я ее видела. В Нью-Йорке несколько лет назад была большая выставка этого художника (почти все его работы). В Кливленд ее не привезли. Чтобы посмотреть в Москве голландскую выставку цветов, я потратила в свое время три часа на очередь.

Что ж, я восполняю эти пробелы во время своих путешествий. Картины Пикассо я посмотрела в его Музее в Париже, голландские тюльпаны видела в Амстердаме, а новый мюзикл Эндрю Ллойд Уэбера «Sunset Boulevard» который идет на Бродвее, но в Кливленд еще не попал, я смотрела и слушала в Лондоне.

Хотя я не нажила здесь ни денег, ни славы, я эту страну люблю. Каждый раз, возвращаясь из Европы, или России, когда я приземляюсь на американской земле, мне хочется «во весь голос» запеть песню, которая в США стала вторым гимном: «God Bless America, My Home Sweet Home»!

1995 г.

РАССКАЗЫ

MONEY MACHINE

Он вынул из почтового ящика увесистый конверт. Внутри лежала брошюра. Развернул и стал читать: «КОНФЕРЕНЦИЯ с американскими ведущими экспертами успеха. ВОСЕМЬ ЧАСОВ НАПРЯЖЕННОЙ РАБОТЫ МОГУТ НАВСЕГДА ИЗМЕНИТЬ ТВОЮ ЖИЗНЬ. БЫСТРЫЙ ПУТЬ К УСПЕХУ ПРЕВРАТИТ ТВОИ МЕЧТЫ В РЕАЛЬНОСТЬ БУКВАЛЬНО ЗА ОДИН ДЕНЬ. Во время этой конференции ты научишься шаг за шагом технике: как похудеть, заработать деньги и развить свои личные таланты». К брошюре был приложен бесплатный билет. Худеть ему не требуется. Талантов у него нет. А вот «как заработать деньги» — тут они обратились по адресу.

«Дорогой друг, настроенный на успех, — пишет устроитель конференции некий Джеймс Кук, — разреши мне поделиться с тобой секретами, которые помогут тебе успешно контролировать свою жизнь. НЕ МЕЧТАЙ, А ДЕЙСТВУЙ. ЧТОБЫ ИЗМЕНИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ, ТЫ ДОЛЖЕН ИЗМЕНИТЬ К НЕЙ ОТНОШЕНИЕ. ЧЕТЫРЕ ШАГА К УСПЕХУ. КАК ПРЕВРАТИТЬ \$500 В \$5000 — \$10000 И БОЛЕЕ. Слушай внимательно, делай пометки... и ты будешь богат до конца твоих дней. ЗАХОТЕЛ — ОБУЧИЛСЯ — ДОСТИГ».

Почти как Юлий Цезарь: *veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил).

«Если же в течение дня ты не убедишься, что эти положения, правильные и для тебя срабатывают, мы вернем деньги за билет без лишних вопросов».

Билет на конференцию стоит \$69, если ты покупаешь его заранее и \$79 перед началом.

— Что ты там читаешь? — с нетерпением спросила жена. — Что тебя так заинтересовало?

— Я, кажется, скоро узнаю, как приумножить наши деньги, как сделать из них состояние, — ответил он, передавая жене брошюру.

Пока жена читала, он вертел в руках и рассматривал билет.

— Подумай, билет стоит так дорого, а мне его прислали бесплатно.

— У тебя билет только на первый день конференции. Дальше они надеются, что, заинтересовавшись, ты сам купишь билеты на другие дни. Обычный американский трюк.

— Если верить их рекламе, одного дня будет достаточно.

И как это Джеймс Кук, о котором он и слыхом не слыхал, догадался именно его, одержимого идеей разбогатеть, пригласить на КОНФЕРЕНЦИЮ УСПЕХА. Не иначе, как сам Господь Бог посылает ему руководство к действию.

В центре города в зале шикарной гостиницы собрались серьезные и деловые люди: строго одетые мужчины и женщины с портфелями-дипломатами и папками в руках.

Выступающий говорил четко, не сомневаясь, приводил примеры уверенно. Он учил собравшихся, как делать деньги из недвижимой собственности. Покупаешь дом с выплатой на 29 лет за одну цену и тут же, не расплатившись, перепродаешь за другую, разумеется, большую. Второй дом снова продаешь и так до бесконечности... пока не станешь богат.

Говоривший — его звали Скотт Вильсон — изобрел, как он сам выразился, Money Machine, машину, которая делает деньги буквально из воздуха.

Он слушал, затаив дыхание и делал пометки. Теперь он знает, как в Америке становятся богатыми.

Домой он вернулся веселый.

— Я понял, куда надо вложить наши 5 тысяч. Надо купить дом.

— Зачем нам дом? — возразила жена. — С ним много мороки.

— Я сегодня узнал секрет, как можно разбогатеть, перепродавая дома.

— Ты помешался на фантазии стать миллионером. Мы живем нормально, не нуждаемся. Ребенок наш хорошо питается...

— Это не жизнь, а прозябание.

— ТАМ ты говорил то же самое. И хотел уехать, чтобы быть свободным.

— ЗДЕСЬ я понял: свободным может быть только тот, у кого есть деньги. Мне осточертело с утра до вечера развозить пиццу... обжорам.

— Думаешь, мне приятно маникюрить лапы... разным старушенциям?

— Что это за жизнь, если не можешь купить то, что хочется?.. Я хочу иметь хорошую машину, видеокамеру, яхту...

— Не все в Америке имеют яхты.

— Хочу каждый год ездить отдыхать во Флориду... Хочу путешествовать по Европе... а не сидеть непролазно в этой дыре.

— Америка — не дыра.

— Для кого как.

— Сын наш станет богатым.

— Не станет, если не получит хорошего образования.

— Он, слава Богу, учится в «Хибру Академи» бесплатно.

— А дальше?..

— Поступит в «Паблик Скул».

— Состоятельные родители отдают своих детей в частные школы, потом посылают их учиться в престижные университеты.

Жена поняла: спорить с ним бесполезно. Точно так же они спорили в Союзе об отъезде. Она ехать не хотела, он настоял.

— Делай что хочешь. Но мне ясно: пропадут наши деньги.

— Не пропадут, — он подошел к жене и нежно обнял ее, она отстранилась.

— Я еще никогда не был так уверен в успехе.

Итак, путь к процветанию найден, осталось сделать первый шаг: приобрести небольшой, но приличный дом, чтобы его сразу же можно было продать. Он стал брать из ящика на улице, за нее не надо платить, газету REAL ESTATE.

Каждое воскресенье они с женой и сыном-школьником, его не с кем оставить, ездят смотреть дома. То дом красивый снаружи, но неприглядный внутри, то он слишком большой — трудно будет продать, то, наоборот, слишком маленький — вряд ли кто купит, то стоит очень дорого — не хватит у них денег на первый взнос, да и за «моргидж» придется много выплачивать каждый месяц, то дом слишком дешевый, и это подозрительно. Жене надоело, и она взмолилась:

— У меня уже в глазах рябит от просмотренных домов. В следующее воскресенье поедешь один.

Нашел он подходящий дом случайно. Привез по адресу пиццу и увидел перед домом воткнутую в землю дощечку: FOR SALE.

Хозяйка оказалась старушкой за 70. У нее умер муж, дети живут отдельно, и ей тяжело морально, да и материально, за дом надо платить налоги, жить в этом доме одной. Она хочет продать дом и переселиться в квартиру для «Сеньор Ситизен». Так в Америке почетно называют людей после 60. За эти квартиры старики и инвалиды платят только 30% своего дохода. Остальное доплачивает добрый дядя Сэм.

— Покажите мне ваш дом, — попросил он хозяйку. — Может, я его куплю.

— Пожалуйста, — обрадовалась старушка.

Дом двухэтажный, но односемейный. Внизу — холл: нечто вроде русской прихожей, кухня большая, с намеченной перегородкой, столовая — гостиная, спальни две: одна внизу, другая на втором этаже, ванная, два туалета, чердак, просторный подвал со стиральной машиной. На заднем дворе гараж. Спереди перед домом несколько кустов шиповника.

- Сколько стоит дом?
- 50 тысяч.
- А дешевле?

Старушка разволновалась. Дешевле она продавать не будет. Они с мужем в этом доме прожили всю жизнь, детей вырастили. Дом все время благоустраивали, регулярно делали ремонт, каждые десять лет меняли ковролин...

- Я в воскресенье приду с женой. И тогда мы решим.

Он рассказал жене, что нашел подходящий дом. И стоит он недорого.

— Хозяйка — одинокая вдова... Просит 50 тысяч, но думаю, отдаст и за 40. Уж больно ей невмоготу жить в этом доме одной.

— Ты с тех пор, как приехал в эту страну, совершенно переменялся. В России ты бы постеснялся обманывать бедных старушек.

— Кто кого обманывает?.. Это свободный рынок... честная купля-продажа.

В воскресенье они поехали с женой. Осмотрели как следует дом. Муж долго торговался, жена, как всегда, молчала. Кончилось тем, что старушка согласилась продать дом за 40 тысяч.

- А если мы не сможем выплатить? — забеспокоилась жена.

- Я не собираюсь выплачивать. Я тут же буду его продавать.

Жена махнула рукой.

Оформление покупки дома длилось долго. Банк, который согласился дать ссуду, запрашивал пиццерию и салон красоты, действительно ли купившие дом там работают и являются ли платежеспособными. Запросил он также лендлорда дома, где они снимают квартиру, и даже электрическую, газовую и телефонную компании, платят ли они аккуратно по счетам. Прошло несколько недель, пока были улажены все формальности.

На первый взнос ушли \$4000, и каждый месяц они должны были в счет уплаты «моргиджа», т.е. ссуды, вносить в банк \$200 плюс \$100 налога и \$10 за страховку дома. Супруги экономят на всем. Перестали ходить на концерты приезжих советских гастролеров, не позволяют себе кино, первый раз за три года жизни в Америке не устроили сыну «парту» на день рождения, отчего восьмилетний мальчик очень огорчился, экономят даже на еде.

— Давай переселимся в этот дом, чтобы не платить зря за квартиру, — предлагает жена.

- Я надеюсь его через месяц-другой продать.

Он дал объявление в газету REAL ESTATE. «Продается комфорта-

бельный односемейный дом... Стоит \$55000 ».

Каждое воскресенье, остальные дни он работает, он сидит в своем доме с 10 утра и до 6 вечера и ждет покупателей. Берет с собой книгу, газеты, маленький радиоприемничек с наушниками. Что-нибудь читает, а чаще мечтает под музыку. Вот они продали дом, есть у них деньги, и они с женой и сыном путешествуют по Америке на дорогой машине. Останавливаются в шикарных отелях, ловят рыбу со своей яхты, обедают в лучших ресторанах, посещают различные шоу. По вечерам сидят в барах, танцуют в дискотеках... И всю эту роскошную жизнь он снимает на кинолентку собственной видеокамерой. Особенно он любит мысленно путешествовать по Европе, здесь его фантазия неистощима.

— Ну, что? — спрашивает с надеждой жена, когда вечером намавшись за день, приезжает за ним на их единственной машине.

— Кто-нибудь из покупателей приходил?

— Пока нет. Думаю, я много запросил. Надо снизить цену.

Он дал новое объявление: «Продается дом за \$52000». И снова каждое воскресенье посвящает дежурству. Он как-то не осознает, что сидит там не только, чтобы продать дом, но и бежит от реальности: от нудных домашних дел. Жене теперь одной приходится с ними справляться, одной ездить в супермаркет за продуктами... Она стала раздражительной.

— Я хочу сегодня поехать в «Вэлю ворлд». Там объявили распродажу вещей за половинную цену.

— Ну и поезжай.

— Я боюсь так далеко вести одну машину.

— Хочешь, чтобы я поехал? А кто будет дежурить? Вдруг придут покупатели?

— Я не верю, что мы когда-нибудь продадим этот дом.

Почувствовав в ее голосе угрозу истерики, он согласился отвезти ее, куда она хочет.

Они приехали в магазин подержанных вещей. Он был поражен, сколько, оказывается, в Америке людей покупают старое барахло. Увидев, как жена примеряет сыну ношенную куртку, он возмутился.

— Уйдем отсюда. Меня тошнит даже смотреть на это вонючее тряпье.

— Подумаешь, какой аристократ! А что прикажешь ребенку носить?!

— вспыхнула жена. — Он растет. Ему каждый год нужно покупать одежду.

— Ну и покупай.

— На какие шиши?! — она перешла на крик. — У нас денег нет. Мы бухаем их в твой «золотой дом», чтоб он сгорел!

Чтобы не нарваться на скандал в общественном месте, он замолчал. Жена набрала ворох вещей, и они стали в кассу. Ему было дико смотреть, как перед ними белая, культурная на вид женщина, платила за ношенные (как такие можно на себя надеть?) трусики и колготки.

«Вырваться из этой нищеты, — подумал он с горечью, — вырваться любой ценой! Разбогатеть во что бы то ни стало!»

Следующее воскресенье он снова дежурил в доме. Раздался телефонный звонок: мужской голос подробно расспрашивал, когда дом построен, кирпичный он или деревянный, покрыт ли снаружи алюминием... и сказал, что скоро придет.

Мужчина средних лет осмотрел дом.

— Красная цена ему 40 тысяч.

— За такую цену я не продам.

— Больше вам никто не даст.

Жулик, подумал он, хочет этот дом перепродать. Он забыл, что сам именно этим и занимается. Потом пришли черные мужчина и женщина; ходили по дому, что-то громко обсуждая между собой на южном диалекте, так что он с трудом понимал, о чем они говорят. Потом сказали: в доме мало спален, а у них много детей.

Прошло несколько месяцев. Приходят потенциальные покупатели, но то дом им нравится внутри, но не нравится снаружи, то дом для них слишком маленький, то чересчур большой, то очень дорогой, то подозрительно дешевый...

В одно из воскресений к концу дня, когда он уже собирался уходить, пришла белая женщина. Осмотрела дом. Он ей понравился. Но она мать-одиночка, растит двух детей и 52 тысячи для нее дорого. Она на них не потянет, а вот за 40 она бы купила.

— Продай дом за 40 тысяч, — умоляет его жена. — Вернем наши деньги и забудем всю эту историю. Этот дом нас съедает... выжимает все соки. Никакой жизни из-за него нет.

— Я не затем покупал дом, чтобы продать его за ту же цену и иметь с этого чистой воды бульон.

В это воскресенье он, как обычно, сидел в своем доме и томительно ждал покупателей. Наступил вечер, а никто так и не пришел. Скотина этот Скотт Вильсон, подумал он, жулик... небось вместе с Джеймсом Куком зарабатывают деньги, зазывая таких дураков, как он, на КОНФЕРЕНЦИИ УСПЕХА, провались они в преисподнюю, а врет, что изобрел Money Machine. С досады он вынул пачку сигарет, хотел

закурить. Зажигалка не работала. Пошел в кухню, зажег комфорку электрической плиты, сунул туда сигарету, она вспыхнула, он дунул на нее, но она не погасла. В раздражении швырнул сигарету в мусорный ящик. Достал другую, зажег, закурил и вернулся в гостиную. Когда он снова вышел в кухню, чтобы бросить окурок в мусорный ящик, там горела бумага: русская газета, которую он берет с собой для чтения. Он хотел было плеснуть в ящик воды, стал искать кружку, но что-то остановило — словно молния пронзила его мозг: СТРАХОВКА. Как он раньше об этом не подумал? Это так просто. И не надо ничего продавать. Он пошел в гараж, надел рабочие рукавицы, чтобы не было отпечатков пальцев, взял банку с бензином. Когда он вернулся в дом, бумага в ящике догорала. Он с яростью сунул туда газету Real Estate и плеснул бензином. Потом стал поливать им стены, приговаривая вслух:

— Если я не могу тебя продать, проклятый домина, так гори синим пламенем!

Вылив весь бензин, сунул пластмассовую банку и рукавицы в горящий мусорный ящик, чтобы не осталось улик, запер дом и пошел на автобусную остановку. С полдороги вернулся: чуть было не забыл. Вынул из земли дощечку For Sale, которая осталась после старушки — первой владелицы дома, разбил локтем окно в гостиную: пусть думают, что дом поджег кто-то снаружи, и забросил туда дощечку.

— Что случилось? — в недоумении спросила жена, когда он пришел домой. — Почему ты не дождался, пока я за тобой приеду?

— Мне надоели эти дежурства. Ты права, надо продать дом за 40 тысяч — и дело с концом. Завтра же позвоню этой матери-одиночке.

— А вдруг она передумала?

Неизвестно, сколько прошло времени, когда возвращавшиеся из гостей соседи заметили, что из дома рядом валит дым. Подошли поближе, увидели разбитое окно... и вызвали пожарную команду.

В одиннадцать вечера он, как всегда, включил телевизор, чтобы посмотреть местные новости. Показывали пожар.

— Боже мой, это горит наш дом! — воскликнула жена. — Я знала, знала, что пропадут наши деньги.

— Пусть горит, — спокойно ответил муж. — Мы получим за него страховку.

— Причины пожара пока неизвестны, — сказал по телевизору диктор.

Жена взглянула на мужа и в голове ее зашевелилась страшная мысль.

— Ты что, нарочно поджег дом?... Теперь я понимаю, почему ты, не дождавшись меня, приехал домой на автобусе.

Она смотрела на него с ужасом.

— Нарочно, не нарочно, а страховку мы получим.

Жена, не слушая его, громко плакала.

Получить страховку оказалось не так просто, как он думал. Страховые компании послали своего агента осмотреть дом и установить сумму повреждений. Сгорела кухня; в гостиной, где не было мебели, обгорели лишь стены. Когда страховой агент увидел валявшуюся на полу обуглившуюся дощечку, на которой однако можно было разобрать слово For Sale, у него зародилось подозрение, которым он и поделился с менеджером компании. Тот обратился в полицию. Началось расследование. Вызывали его, допрашивали как свидетеля жену. Она лгала, что в тот день, когда случился пожар, мужа ее в доме не было: он ездил с ней за покупками. Опросили соседей. Те показали, что в доме никто не жил, но хозяева приходили туда по воскресеньям. Потом был суд. Пришлось взять адвоката. На это ушли их последние деньги. И сколько адвокат не пытался доказать, что пожар произошел случайно, ничего из этого не вышло. Улики были налицо: пахнущие бензином стены, дощечка со словом For Sale... Улик было более чем достаточно. Прокурор-женщина произнесла прочувствованную обвинительную речь: «Господин Евгений Симанович не родился в Соединенных Штатах, он эмигрировал к нам из Советского Союза. Америка его приютила, дала право на работу, «право на процветание и достижение счастья». Он отблагодарил ее поджогом!» Было тяжело и неприятно слышать эти слова. Присяжные признали его виновным в поджоге собственного дома с целью получения страховки.

Теперь он сидит в тюрьме. В 6 утра подъем и завтрак: полстакана апельсинового сока, сириэл с молоком, тост и кофе. Примерно то же самое он ел и дома. Потом работа до 11 часов: подметает и моет пол в кухне. В 11 ланч и снова работа: столярная в мастерской тюрьмы до 5 часов. В 5 обед: салат, мясное или рыбное блюдо... С 5 до 10 вечера свободное время. В 10 полагается гасить свет. Времени у него уйма. Он сидит в одиночной камере стандартной американской тюрьмы и думает о своей неудавшейся жизни. Одиночество к этому располагает. Раньше ему негде было уединиться. В Союзе они все: он, жена и сын жили в одной комнате. Здесь снимают квартиру с одной спальней. Вся его жизнь была ошибкой, ошибкой с самого начала. С детства он только и делал, что читал книги. После окончания школы поступил на филологический факультет педагогического института

(в университет не приняли) и снова уже по списку, для сдачи экзаменов, читал книги. Не прояви настойчивости первая же девушка, с которой он познакомился, он вероятно бы и не женился. Остальную жизнь до эмиграции сидел в редакции ведомственной газеты «Мастер леса» (попасть в гуманитарный журнал или издательство художественной литературы не удавалось: евреев туда не принимали). А по вечерам снова читал. Книги научили его ненавидеть реальную жизнь и мечтать о несбыточном. Родись он в Америке, он, вероятно, был бы другим человеком.

Жена навещает его нечасто. Тюрьма находится в том же штате, но далеко. Иногда она приезжает с сыном. Он пытается перед ним оправдаться, говорит, что желал им с мамой только добра и вот из-за этого нечаянно попал в тюрьму. Мальчик угрюмо слушает и смотрит на отца в арестантской одежде со страхом и жалостью. Жена приносит ему фрукты и книги для чтения. Книг он больше не читает.. и остальное просит не приносить.

— Я питаюсь здесь, наверно, лучше, чем вы. В этом смысле — это не тюрьма, а санаторий.

Как-то на прогулке в тюремном дворе, когда остальные заключенные играли в бейсбол, а он ходил по кругу, думая о своем, к нему подошел белый парень и попросил закурить. Они разговорились. Парень рассказал, что сел в тюрьму всего-навсего из-за попытки своровать джинсы из универмага. Много раз у него это проходило, а тут попался. Между прочим в разговоре парень заметил, что кончает в тюрьме колледж. Он удивился:

— Разве в тюрьме можно учиться?

Оказалось в этой Стране чудес — можно. В другой раз на прогулке он сам подошел к этому парню и расспросил, какую профессию тот изучает

— Программиста, — ответил парень. — Это нужная теперь профессия.

Он тоже решил учиться и сообщил о своем желании надзирателю. Тот передал это тюремному начальству. Теперь в свободное время вместо того, чтобы переливать в уме из пустого в порожнее, он изучает компьютеры. Вместе с ним занимаются еще четверо заключенных. Обучать их приходят в тюрьму специально преподаватели.

Выйдет советский эмигрант Евгений Симанович из американской тюрьмы с профессией. Найдет работу. И будет жить, как живут в этой стране простые люди.

1993 г.

*PERPETUAL CARE**

После десяти дней комы отец умер.

Теперь надо было думать о похоронах.

При жизни отец об этом не заботился, был уверен: община тебе поможет. И вот Она сидит в Jewish Family Service Assosiation**. Ее привез туда знакомый. Ведущая ей говорит:

— Денег на похороны мы не даем.

Потом снимает телефонную трубку и звонит в еврейский похоронный дом, расположенный на другой стороне улицы.

— Мы пишем полную стоимость процедуры, — объясняет ей хозяин похоронного дома — вальяжный, элегантно одетый, молодой мужчина. Она заметила: даже обручальное кольцо на его пальце не простое, а фигурное: треугольником.

— Тогда вельфэр покрывает половину.

— И мне ничего не придется платить?

— Нет.

Похороны были назначены на завтра во второй половине дня по самому дешевому реестру.

Утром к Ней заявился поклонник — русский из другой волны, упорно добивающийся Ее благосклонности и положил на стол, как это принято в Америке, конверт с деньгами. Она категорически отказалась их брать. Тут, как в хорошем кинофильме, раздался телефонный звонок. Звонил хозяин похоронного дома.

— Вельфэр отказывается платить за похороны. Говорят, вы вчера забрали деньги из банка с совместной с отцом сберкнижки.

— Там было всего 140 долларов.

— Все равно... 75 принадлежали не вам. Придите и распишитесь, иначе похороны не состоятся.

Этого еще не хватало! Она кинулась звонить другу с просьбой отвезти Ее в похоронный дом. Поклонник между тем заторопился, встал и ушел, оставив на столе конверт. Она вынула его содержимое и ахнула: 50-ти долларовая купюра. Ничего, Она ему за это подарит книги, в Америке они дорого стоят, с фотографиями древних русских городов: Пскова, Новгорода... Непонятно, зачем Она эти книги сюда тащила.

Не успели они с Ее другом войти в похоронный дом и о себе доложить, как хозяин выскочил к ним навстречу и, даже не пригласив в кабинет, дал Ей подписать бумагу.

— Таким образом нам удастся выудить у вельфэра деньги.

* *БЕСПРЕСТАВНАЯ ЗАБОТА.*

** *Служба Ассоциации Еврейской Общины.*

Она пробежала глазами бумагу, ничего в ней не поняла и подписала.

— Это случилось для меня неожиданно, — попыталась Она оправдаться перед хозяином похоронного дома.

— Это всегда бывает неожиданно, — цинично заметил Ей хозяин.

— И как это молодой, красивый, элегантный мужчина может работать в таком бизнесе?! — Риторически спросила Она своего друга, когда они вышли на улицу.

— Кто-то должен хоронить покойников, — резонно ответил Ей друг — математик по профессии. — Не нам же с вами этим заниматься.

Гроб должны были привезти прямо на кладбище. Прощания в похоронном доме не было. На это у Нее нет денег.

Она ехала в машине со своим другом. За ними ехал автобус, который Она заказала для желающих проститься с Ее отцом. Ехали они через весь город. Кладбище помещается на Вестсайде. Евреи в этих районах давно не живут и не хоронят там больше своих близких. Во второй половине кладбища около сетчатого металлического забора, за которым белое цементное строение и стоянка автомашин, похоронены в основном эмигранты.

На кладбище приехавшие, выйдя из автобуса, разбежались по могилам родственников и только потом подошли к яме, куда должны были опустить гроб с телом Ее отца. Яма была вырыта до половины. Раввин прочитал молитву, сказал несколько слов и предложил приехавшим с ней мужчинам дорыть могилу. Она не поняла, полагалось ли это по обычаю, или могильщикам мало заплатили. Полчаса приехавшие с Ней мужчины копали могилу Ее отцу. Ей было перед ними неловко. Наконец могила была вырыта, и туда опустили дешевый спресованный из опилок гроб. Она попросила положить на гроб камень, который они с отцом привезли из Израиля. Соседка ножницами, их предусмотрительно принес с собой раввин, разрежала воротник Ее костюма — еврейский обычай разрывания на себе одежды. Несколько слов об отце сказал Ее друг: о том, что отец был ровестником века: родился в 1900-ом году и... о том, что родных его во время еврейского погрома в Белоруссии убили соседи. Так и произнес: «Соседи». Поминок Она не устроила, друг Ей объяснил: не еврейская это традиция пить водку и нажираться после похорон.

Отца похоронили в июне. Осенью Она получила счет из похоронного дома. В нем было написано, что похороны стоили 1000 долларов, 500 уплачены, остальные 500 надлежит заплатить Ей. Выудили деньги у вельфэра — подумала Она — теперь хотят выудить у Нее, а сказали: Ей ничего не придется платить. И за что, спрашивается, такая сумма?

За жалкие несколько слов, которые сказал раввин? За то, что Ее друзья копали могилу? Это они, в сущности, похоронили Ее отца. Она решила на счет не реагировать. На следующий месяц Ей снова пришел счет... Через три месяца хозяин похоронного дома Ей позвонил.

— Неужели вы не можете платить по 10 долларов в месяц?

— По 10 — могу.

И Она стала каждый месяц аккуратно посылать чек на 10 долларов в похоронный дом. Весной Она поехала на кладбище. Добиралась туда двумя автобусами. Могила выглядела ужасно. Собственно, могилы не было, не было холма, земля сравнялась. Нет даже железной планки с именем. Украсть ее не могли, здесь не воруют. Наверное, зысыпало землей во время дождя и ветра. Она разыскала могильщика, тот обещал поставить новую планку с именем.

Ожидая автобуса, Она сидела на траве и думала: если не поставить памятник, могила зарастет и вообще исчезнет. Рядом с собой Она заметила чугунную крышку люка. На ней были выгравированы две буквы: W и N и цифра 1897. Название фирмы и год. Хозяева давно умерли, и фирмы этой, возможно, больше не существует, а инициалы остались. Это окончательно убедило Ее, что на могиле отца надо поставить памятник. Все, кто жил на земле, должны быть помянуты.

Придя домой, Она сразу кинулась звонить в похоронный дом.

— Я хочу поставить отцу памятник. Сколько это будет стоить?

— Вы не можете поставить памятник, — ответили Ей, — пока не выплатите нам долг.

Она оторопела. Вот те и на, вот тебе и бесплатные похороны... Когда Она, гуляя по улицам, первый раз увидела этот похоронный дом, Она подумала, что это самое красивое здание в районе. Вечером его мерцающие огоньки напоминали огни отеля или ресторана. Когда Ей довелось в это здание войти, Она поняла, что услуги этого дома самые дорогие. Теперь Она знает: хозяева этого дома бессовестные. Впрочем, все нормально. Она живет теперь в капиталистическом мире, где за все надо платить. Она достала счет и увидела, что должна похоронному дому 430 долларов. Это, не считая того, что придется заплатить за памятник. Где Она возьмет сразу столько денег? Из Ее пособия сотню Она платит за квартиру, остальное уходит на еду и мелкие расходы. Сбережений у Нее нет, те, что у них с отцом были, они истратили на издание Ее книг. А памятник надо поставить сейчас. Иначе потом и места не найдешь, где была могила. Надо эти деньги заработать. Но где?.. На какую работу Ее могут взять?..

Как-то, идя по улице через район «Маленькая Италия», Она увидела

в витрине недавно открывшегося магазина для художников, где по сниженной цене продавались краски, карандаши, бумага и другие канцелярские принадлежности, объявление: требуется продавщица на полдня. Она стала думать: смогла бы Она работать продавщицей? Считает в уме Она плохо... Но в Америке это и не требуется: во всех магазинах автоматические кассы. Для налогов есть специальная таблица... Пока Она раздумывала, объявление сняли: очевидно, продавщицу нашли. Она перебрала в уме другие возможности: например, мыть посуду в ресторане. Узнать, где это требуется. Она тяжело вздохнула: нечего кривить душой, не для Ее это здоровья. Здесь уже был случай, когда одна культурная дама, работавшая в Союзе во французской редакции Радиокomiteта, нанялась мыть тарелки. Хозяин ее быстренько уволил за то, что... медленно мыла.

«The Russian Lady» by artist Ann Wire

И вдруг Она вспомнила об Иснтитуте искусств. Когда-то Она там позировала для классов «живопись», «акварель», но больше всего для «живописного портрета». Она только что приехала в Америку, и Ей было интересно: как здесь преподают искусство. Она помнит, как напяливала на себя украинскую кофту, вышитую мамой, облачалась в красный трикотажный сарафан, пожертвованный еврейской фабрикой за ненадобностью, натягивала длинные итальянские сапоги, прикалывала деревянную брошь-палех с жарптицей и покрыва-

лась цыганской шалью made in Japan. Длинные волосы закалывала сзади заколкой, чтобы выглядели, как распущенная коса. Один из таких портретов под названием The Russian Lady* попал на студенчес-

* Русская леди.

кую выставку. А когда Она позировала для группы женщин в церкви: Ее пригласила туда студентка института, так там для полной экзотики Ей дали в руки корзинку с искусственными фруктами, как дополнение к Ее деревенскому наряду. И превратили Ее, как остроумно заметил ее американский друг, во *frute holder**. А однажды, это было в классе «акварель», чтобы студенты не рисовали одно и то же, Она надела черное маркизетовое платье, наткнулась на него в магазине подержанной одежды с белым жабо и белыми манжетами. Собрала волосы в пучок и заколола перламутровой заколкой. Когда уроки кончились, Она спросила преподавателя, будут ли завтра другие студенты или те же самые?

— Вы нас снова будете удивлять? — Спросил Ее в свою очередь преподаватель.

Она опешила,

— А чем это я вас так удивляю?

— Вчера вы были крестьянкой.

— Сегодня я аристократ.

Преподаватель кивнул в знак согласия.

— Но это было о'кэй?

— Это было прекрасно!

— Я что-нибудь найду.

И нашла: явилась на другой день выряженная, как индеец, с лентой вокруг головы и сережками из перьев.

Все это было забавно вспоминать... Но с тех пор прошло десять лет. Вряд ли Она за эти годы помолодела.

Платили они тогда мало: то, что в Америке называется минимум *wage*. Начав получать 2 доллара 50 центов в час, кончила на 3-х долларах 99 центов, но... тысячу долларов заработала. Потом отец Ей написал (он жил тогда еще в Союзе), чтобы Она прекратила этим заниматься: «финансовое положение ты не поправишь, а только вконец испортишь нервную систему». Нервная система у Нее давно расшатана. Просто Ее стали трамвировать портреты, которые рисовали с Нее студенты. Она уже не выглядела на них молодой, А когда отец приехал, он и вовсе не хотел, чтобы Она работала. Боялся, что Ее могут лишиться пособия. К тому же он верил в Ее литературный талант.

— Занимайся лучше своим делом: пиши.

— За это мне почти не платят денег.

— Пока я жив (отец тоже получал пособие) нам хватит. Вот если ты останешься одна...

Теперь Она осталась одна.

* Фруктодержатель.

Прошло недели две, прежде чем Она решилась переступить порог Института искусств. Подошла к секретарше.

— Мне надо поговорить с мистером Гарсия.

Она попросила вызвать преподавателя класса «живописный портрет», который форменным образом был влюблен в Ее внешность. Говорил, что не встречал натурщицы лучше Ее.

— К нему в класс уже не записывают.

— Я не студент.

Когда мистер Гарсия приближался к Ней по коридору, Она подумала, что он за эти годы мало изменился. Лысина... седые волосы... Он уже тогда, десять лет назад, выглядел пожилым.

— Могу ли я у вас снова позировать?

— Можете.

— А я не старая? Она все еще не верила в удачу.

— Нет.

Он рассеянно вопросительно на Нее посмотрел: как бы желая понять, что привело Ее сюда через десять лет. И сказал секретарше:

— Дайте Ей заполнить анкету.

Она заполнила анкету. Через некоторое время Ей позвонили и пригласили позировать для класса мистера Гарсия. Она надела сереневое платье с рисунком ручной работы батик, купленное на Арабском базаре в Иерусалиме. И все было, как прежде: и преподаватель и студенты в один голос Ей твердили: — *You are a good model* *

Ну а на то, что на их портретах она выглядит форменной Бабой Ягой, Она перестала обращать внимание. Платят они и теперь чуть больше минимума: 6 долларов в час. Позировать надо, как и прежде, шесть часов с часовым перерывом на ланч. За этот час, разумеется, не платят. Неподвижно Она сидит 25 минут, затем преподаватель объявляет: *rest*** Пять минут можно отдохнуть. Еще через полчаса мистер Гарсия произносит: *Coffee break!**** Отдых 15 минут. Он скрупулезно соблюдает этот порядок, поэтому позировать в его классе нелегко.

Вообще, художник Жозеф Гарсия — белая ворона в своей среде. Он ратует за содержательное искусство.

— Старайтесь понять психологию своего натурщика или натурщицы, — советует он студентам. — Проникнитесь их духовностью. Помните, что вы рисуете *human being*.****

Он продемонстрировал литографию портрета Веласкеса «Папа Иннокентий X». А однажды он сказал:

* Хорошая натурщица.

** Отдых.

*** Перерыв для кофе.

**** Человеческое существо.

— Хватит пополнять американские галереи абстрактной живописью.

На выставках «факульты», их как и независимые выставки студентов, регулярно устраивает институт, висит какая-нибудь одна единственная в своем роде его работа в добротной раме: портрет, выполненный в старомодной реалистической манере, лицо человека, по которому можно прочесть его судьбу. Иногда он просит студентов отложить кисти в сторону и учит их, как создать композицию, как найти нужный цвет, пользуясь только тремя красками... А иногда он рассказывает им об американском портретисте Сарженге, о художнице Мэри Кассат... Она любит слушать эти рассказы. Как-то Она принесла в класс репродукции с портретов русских художников. Мистер Гарсия знает, что Она писатель и относится к Ней, как к творческой личности.

— Можете сочинять, — говорит он Ей, когда Она в очередной раз усаживается на постамент.

Сегодня в этом же классе позирует черный парень в красной рубашке. Это всегда так: часть студентов рисуют одну модель, часть — другую. Через четыре сеанса они меняются местами. Она обратила внимание, что у парня кривые ноги. А ведь, наверняка, позирует и для класса *figure drawing*.^{*} Видно, его это не смущает: лишь бы что-то зарабатывать. В перерывах Она выходит из класса, чтобы дать отдохнуть легким, которые дышат воздухом, пропитанным масляными красками, прогуливается по коридору, стоит у окна... Из соседней аудитории вышла женщина в купальном халате и тапочках на босу ногу. Худая, некрасивая... и не стесняется позировать обнаженной. Нужны деньги. Ей тоже нужны деньги. Но позировать обнаженной она не соглашалась даже в молодости, даже друзьям. По коридору прошел парень без руки. Тоже натурщик. Не скажешь, что у него фигура Давида: щуплый, маленького роста... В Америке не могут отказать в приеме на работу инвалиду. Это расценивается, как дискриминация. Однажды Она здесь встретила глухонемую девушку. Они позировали вместе, в одном классе. В перерывах разговаривали друг с другом с помощью бумаги и карандаша. А раз сюда пришел позировать афганец. У него была интересная внешность: ярко очерченное костистое лицо и копна мелко завивающихся волос. Будучи по профессии поваром, решил подработать. После двух сеансов не появился. Подвел студентов и преподавателя. Не испытывал пиетета по отношению к искусству, как Она. Когда Она его потом как-то встретила во время фестиваля на улице, он признался:

— Я ненавижу ту работу.

^{*} Рисование фигуры.

Молодой парень. Ему надо проявлять свою энергию, а не сидеть часами неподвижно. Это Она может надолго застыть и погрузиться в свои мысли. А однажды Она позировала вместе с красивой девушкой — модельером женской одежды. Звали ее Синция. У нее были шатенистые волосы и зеленые глаза. Она только кончила институт по классу дизайна и не могла устроиться на работу по специальности. Синция причесывала волосы на один бок, работая под испанку, и дико красилась. Когда на ней была надета фиолетовая кофточка, то и щеки были густо выкрашены в фиолетовый цвет. Когда она надевала розовое платье то и щеки были розовыми.

— Зачем она это делает? Ей это не нужно, — заметил как-то мистер Гарсия.

— Профессия требует. Она модельер женской одежды.

Поговорив с Синцией, она узнала, что отец ее словак, а мать русская, и пригласила ее в гости. Синция была исключением. Больше красивых лиц среди натурщиц и натурщиков института Она не встречала. Если женщина молода и хороша собой, она не пойдет в натурщицы, постарается стать фотомodelью. За это хорошо платят. Поэтому и позируют в институте случайные люди.

В коридор вышел белокурый парень с хорошей фигурой. Поздоровался с Ней, и хотя Она его не спрашивала, рассказал, что работал строителем, уволили, так как строительство завершилось. Попозирует немного, подумала Она, и вернется к своей профессии. Это Ей, бедной, некуда деваться. Вся жизнь между молотом и наковальней.

За два месяца, позируя раз в неделю, Она заработала 250 долларов, добавила накопленные от пособия и послала чек похоронному дому. Теперь можно думать о памятнике. В еврейской газете она прочла рекламу фирмы «Фридман и сын». Самый дешевый памятник стоит 300 долларов. Служащая фирмы ей объяснила: 100 долларов берет директор кладбища за foundation* и 200 долларов возьмет фирма за камень. На памятнике будет написано: «Любимому отцу от дочери». Она попросила к годам рождения и смерти отца приписать: 1900 (Russia (— 1988 (USA) и оставила задаток 100 долларов.

Через несколько дней служащая фирмы «Фридман и Сын» Ей позвонила:

— Директор кладбища не разрешает ставить памятник, пока вы не заплатите 200 долларов за perpetual care.**

Что за черт?! Какой еще perpetual care? Она кинулась звонить в похоронный дом.

— За место на кладбище он деньги давно получил, — ответил ей, —

* Основание

** Постоянный уход

хозяин похоронного дома.

— А за что же ему надо платить?

— За *perpetual care*.

Ей хотелось спросить: а за воздух, которым покойник не дышит, вам не надо платить? Скорей бы Ей самой умереть, чтобы кончились, наконец, все Ее мучения. Опять встал вопрос: быть или не быть памятнику? Нет... умирать Ей... как поется в одной советской песне «рановато, есть у нас еще дома дела.» Она еще не осуществила всех своих замыслов. Она постаралась отогнать от себя мрачные мысли. Вот только где взять деньги на *perpetual care*?

Позировать Ее могут пригласить только осенью: все студенты класса «живописный портрет» ее уже нарисовали. Она опять стала ломать голову, где заработать деньги. И вдруг... о чудо... Ей снова звонят из института.

— Вы можете позировать по четвергам: 11, 18 и 25 апреля?

— Мистеру Гарсия?

— На сей раз мистеру Граббе.

Другому преподавателю. Она согласилась. Повесив трубку, забеспокоилась: Она ведь не спросила, как позировать, вдруг обнаженной?.. Позвонить в институт и прямо спросить Она не решается. Вроде бы они должны знать, что Она позирует только для портрета... Через несколько дней опять был звонок из института.

— Мистер Граббе просит надеть что-нибудь яркого цвета... но не слишком пестрое.

— Я знаю, позировала много раз.

Она облегченно вздохнула: пронесло. Учить Ее, как одеваться для художников, слава Богу, не надо. На сей раз Она выбрала красное котноновое платье, *made in India*, и прихватила с собой черную шелковую шаль с красными розами, которую привезла еще из Союза. Накануне всю ночь не могла заснуть, волновалась: вдруг не понравится этому преподавателю. Вскочила среди ночи, зажгла свет в ванной, взглянула в зеркало на свое лицо и ужаснулась: под глазами у Нее мешки. Расстроенная стала прикладывать к глазам лед. В какой-то косметической книжке Она читала: надо лечь на спину и положить на глаза заваренные и остуженные пакетики с ромашковым чаем. Ромашкового чая у Нее нет, есть обыкновенный. Она легла и положила на глаза мокрые холодные пакетики *Lipton*. Заснуть так и не заснула. Утром посмотрела на себя в зеркало: мешки стали еще больше. На улице Ей пришли на ум слова из песни Беранже «Она была мечтой поэта, о дайте милостыню ей»...

Преподавателя в классе не было. Он запаздывал. К Ней подошел высокий средних лет мужчина с длинными волосами и интеллигентной англосаксонской внешностью.

— Привет. Меня зовут Грег. Вы натурщица?

— Да.

— Я — тоже... Люблю позировать, — произнес он.

Не иначе, как чокнутый, подумала Она. Одна из студенток спросила Ее, в какой стороне аудитории Она будет сидеть. Наконец появился преподаватель. По тому, как он смутился, когда Она представилась ему как модель, Она поняла... что все еще красива... и успокоилась. Между прочим, они видели друг друга раньше. Когда Она бывало, выходила из класса мистера Гарсия, он в коридоре, там светлее, рассматривал и обсуждал прислоненные к стене работы своих студентов. Мистер Граббе объяснил Ей правила позирования в этом классе. Сидеть неподвижно надо час, и только потом отдых. Но во время позирования можно потянуться, размять мускулы. Она села на деревянное возвышение против окна: студенты должны были вписать портрет в пейзаж за окном. Набросила на плечо шаль и вопросительно взглянула на преподавателя. Мистер Граббе кивнул:

— Красивый рисунок.

Студенты издали нечто вроде звука о... Значит, одобрили.

Сидит Она спиной к окну. Смотреть на природу за окном, как делает обычно, не может. Напротив на стене часы, и Она невольно смотрит на них. К концу часа у Нее онемели руки, затекли ноги, устала спина. В перерыве Она больше не рассматривает свои изображения. Это класс «живописи», молодые художники самовыражаются и похоже: каждый рисует самого себя. Взять хотя бы работу девушки, которая стоит к Ней ближе всех, и рисует Ее в фас. У девушки квадратный лоб и острые черты лица. Она и Ей на портрете делает квадратный лоб, хотя лоб у Нее округлый. Рисует Ей длинный нос, хотя нос у Нее, как говорили Ее друзья: «хорошо срезанный». И даже вместо черных волос делает Ей темнооранжевые. Это еще ничего. А вон грузный парень с длинными волосами, Она приняла его за девушку, и Ее делает грузной. Вместо Ее маленьких нервных рук на коленях на его портрете лежат две лопаты. Парень подражает Леже. Но Ей это все до лампочки. Лишь бы заработать деньги на perpetual care. Когда уроки кончились, мистер Граббе ее похвалил:

— Nice job.*

Все в Америке называется «джаб». Форменный культ этого понятия. Нет здесь никакой Ее «работы». Это Бога надо благодарить за

* Славная работа.

его job, за то, что он made Ее с такой внешностью.

Не успела Она кончить позировать для класса мистера Граббе, как Ей снова дали работу. На сей раз у преподавателя французская фамилия. Она постаралась одеться как можно изящнее.

Придя в институт, взглянула в расписание, нашла нужную аудиторию. Преподаватель уже был здесь. Он обсуждал работы студентов. Он был не молод, но изящен и действительно походил на француза. Чтобы ему не мешать, Она стала у окна, предварительно спросив у девушки, стоящей рядом, тот ли это преподаватель и тот ли это класс. Девушка кивнула. Через 20 минут выяснилось, что в офисе Ей дали неправильное расписание, и Она попала не в свой класс. Она почти бегом кинулась по коридвру. Занятия в Ее классе начались. Вторая натурщица, это была миловидная черная женщина, уже позировала.

— Я попала не в тот класс, — сказала Она преподавателю и показала расписание.

— Это не ваша вина, — ответил ей преподаватель.

Она села на возвышение. Правую руку надо было держать на табуретке, стоящей рядом.

— Придадим вам несколько иной вид, — сказал преподаватель с французской фамилией и водрузил Ей на голову шляпу с большими полями, так что Ее лица совсем не стало видно. На черной тоже была шляпа. До перерыва на ланч оставался час. Она просидела его, не двигаясь. На ланч Она идет в институтский кафетерий, покупает в автомате кофе за 30 центов и ест принесенный из дому бутерброд, называемый в Америке сэндвичем.

После перерыва преподаватель Ее спросил:

— У нее, — он кивнул на черную, — правило сидеть неподвижно полчаса. Вас это устраивает?

Она кивнула. Справа от нее часы. Прошло уже полчаса... 40 минут... черная не встает, прошел час... Ей сдавило голову, напряглось тело... час десять... Она встала и почувствовала, что Ее шатает. Бросилась в кафетерий, купила шоколадку Snickers и стала судорожно ее есть. Черная смотрела на Нее с недоумением. Она в свою очередь тоже удивилась, увидев, что черная кладет на стул вязаную подстилку, чтобы мягче было сидеть, и подкладывает под спину подушку. Она каждый раз ломает голову, что бы такое надеть, чтобы студентам было интересно Ее рисовать. А Ее напарница думает о том, как бы устроиться так, чтобы комфортабельнее было работать. Больше Она не станет ее ждать, сама будет регулировать время.

В конце дня, когда они обе подошли к преподавателю подписать

ведомость, черная потянулась и сказала, что очень устала.

— Как это может быть? — изумился преподаватель. — Это cushijub.*

Вечером, когда Она, отдыхая после cushijub полулежа на диване, смотрела какую-то чушь по телевизору, позвонил один из Ее американских друзей:

- Мы видели ваш портрет в Музее искусств.
- В музее?! — удивилась она.
- Они выставили работы своих сотрудников.
- Это демократично! Это по-американски!

Музей искусств помещался против института, и после работы Она туда пошла. Внизу в подвале, где подсобные помещения: зал для показа слайдов, телефон-автомат, туалеты, в коридорчике при выходе из лобби, висели картины работников музея, и под каждой из них была надпись с указанием должности. Должности варьировались... от уборщиков... до вахтеров. Здесь Она увидела свой портрет, тот самый, который под названием The Russian Lady был когда-то на студенческой выставке. Рисовала его одна из студенток мистера Гарсия женщина средних лет, портретистка. Звали ее Кетлин. Она пришла в институт повысить свое профессиональное мастерство. Между прочим, Кетлин ездила в Советский Союз и интересовалась там русскими художниками. Вероятно, портрет The Russian Lady был навеян ей картиной Нестерова «Голова девушки». Случилось, что они с Кетлин жили рядом и встречались иногда на улице. Когда Ей захотелось послать фотографию портрета друзьям в Москву, Она как-то при встрече попросила у художницы слайд с ее картины. Та пригласила Ее к себе. Рассказала, что рисует на заказ портреты, преимущественно детей. Побывав у Нее дома, Она поняла, что Кетлин, как и Она, одинока; нет семьи. Заметила, что и живет та скромно, примерно, как и Она. Но Ей бы и в страшном сне не привиделось, что талантливый художник в свободном мире вынужден работать вахтером... пусть даже и в Музее искусств. Ладно, Она не зарабатывает на жизнь своим творчеством, так Она эмигрантка и пишет на русском языке. А предки Кетлин, небось прибыли в Америку еще на Мэйфлаузере. И, действительно, висят профессионально сделанные работы, ничуть не хуже тех, что находятся в обычных галереях музея, и созданы они вахтерами и уборщиками.

Она подошла к справочному столу.

— Где я могу найти Кетлин Торнтон?

Ей назвали номера залов: искусство Франции конца XIX и начала XX века. В зале импрессионистов Она увидела Кетлин. На той была униформа. И хотя все вахтеры музея стоят или прогуливаются по залу,

* Подушка. Работа: не бей лежачего.

таков порядок их работы, Кетлин сидела. Бедная, у нее нет сил стоять на ногах целый день. Они поздоровались. Не зная, с чего начать разговор, Она сказала:

— Я снова позирую в институте.

— Good for you!* — энергично похвалила Ее Кетлин.

— Я видела внизу свой портрет, нарисованный вами.. Вы здесь работаете part time?

— Full time.** — ответила Кетлин. — За part time мало платят.

— Почему бы вам не предложить какую-нибудь из ваших картин на Мэйшоу? (так называется проходящая в музее ежегодно выставка художников этого штата). — Ваша работа в музее не может этому помочь?

Она забыла, что это не Союз, и здесь нет блага.

— Прямо это помочь не может. Просто я знаю, к кому надо обратиться. Я сейчас рисую портрет одного мексиканца. Он художник, и у него студия в «Маленькой Италии», Он тоже работает здесь вахтером.

Что ей может помочь?! Кетлин не эмигрантка, но говорит не на том языке, на котором говорят сегодня американские художники. Она каждый год посещает Мэйшоу. На этой выставке демонстрируются работы авангардистов... а Кетлин пишет реалистические портреты. Кому нужны в наше время живописные портреты... даже великие... как у Веласкеса? Это не гробы и не памятники. Фотография достигла такого уровня, что в ней можно и создать композицию прекрасных форм... и решить проблему света и тени... и изобразить human being, со всей его глубинной психологией.

— Импрессионистов при жизни не признавали, — сказала, вздохнув, Кетлин. — А теперь их картины оцениваются в состояние.

Что ж, сама Она тоже верит в посмертное признание. Верить никому не возбраняется.

Выставка сотрудников музея длилась всего неделю. Не иначе, как кому-то стало стыдно, и они поспешили убрать этот вернисаж.

Она заработала нужную сумму и поставила на могиле отца памятник. Но если приглашают позировать, от работы не отказывается. Дниги «беспрестанно» нужны не на то, так на другое. Кетлин Она как-то встретила в автобусе. Та сказала, что в музее больше не работает. У нее был инфаркт. Портрет мексиканца, написанный Кетлин, Она видела в одной из студий «Маленькой Италии» — прекрасная работа — на Мэйшоу он не попал.

1993 г.

* Молодец.

** Полный рабочий день.

*«Любите ли вы Брамса?» —
название романа Франсуазы Саган*

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ЛЫСЫХ?

АНТИРАССКАЗ

В шесть часов вечера, когда она кончала обедать, зазвонил телефон. Незнакомый мужской голос спросил:

- Как поживаете?
- Ничего. А кто это?
- Вы мне писали три года назад.

За десять лет жизни в Америке кому она только ни писала: в русскоязычные журналы, которые хотя и редко ее печатают: не принято в каждом номере давать стихи одного и того же автора, в американские фонды с надеждой получить грант на переводы ее поэзии, хорошо было Бродскому: он сам переводил свои стихи; критикам с просьбой написать рецензию на тот или иной ее сборник, которые она издает за собственные деньги, отрывая их от живота; обращалась и к частным лицам первое время жизни в Америке.

А все-таки, кто это? — снова нетерпеливо спросила она.

— Кто, кто, — ответил ей обиженно мужской голос, — Архирейский.

Это был журналист, который «выдавал на гора» очерки об иммигрантах: как правило, о тех, кто хорошо интегрировался в американское общество, добившись в этой стране успеха. Среди прочего написал он и несколько статей на тему «Писатели в вакууме». Обидевшись, что он не прислал ей анкеты, она сама ему написала, а потом даже послала три своих поэтических сборника, о которых он положительно отозвался в одной из своих статей.

— Я собираюсь приехать в ваш город. Есть ли у вас какие-нибудь литературные конфликты?

— У нас одна газета съела другую.

— Это конфликт местный. Лариса (он назвал ее по имени), подумайте: о ком из русских иммигрантов в вашем городе я мог бы написать. А я денька через два вам позвоню. Договорились?

— Да, — ответила она.

Какое везение! Подумать только, удача, можно сказать, как снег, валится ей на голову. Если он приедет в их город, он напишет и о ней. Хватит ей прозябать в безвестности! В свое время в отличие от дру-

гих эмигрантов она активно не хотела селиться в Нью-Йорке. Хотела жить в обстановке, благоприятной для творчества: для нее это — среди природы и культуры. Примерно так она и живет. Рядом Музей Искусств со скульптурой Родена «Мыслитель» перед входом, где она регулярно бывает. Около Музея пруд, окаймленный деревьями и кустами; в нем плавают канадские гуси. Она частенько сидит здесь на лавочке: отдыхает, подбирает в уме рифмы, обдумывает замыслы. В районе несколько библиотек.

В одной из них есть русские книги, а также некоторые газеты и журналы на русском языке, которые она время от времени просматривает. И вот, оказывается, она не учла: в Нью-Йорке русские эмигрантские литераторы и другие деятели культуры собираются, знакомятся друг с другом: то чей-то творческий вечер, то встреча с очередным гастролером из России, то что-нибудь еще. Выходят уже несколько газет, появилось русское радио и телевидение. Она от всего этого вдалеке. Архирейский хочет сюда приехать, надо сделать все, чтобы его поездка состоялась.

Она стала перебирать в уме, кто из русской коммюнити их города подошел бы для его музыки. Во-первых, конечно, Галя. Этой молодой женщиной она восхищается. Окончив здесь два факультета: библиотечной науки и драмы, Галя работает в NASA в отделе информации, на хорошем счету, ездит в командировки в Вашингтон, Россию... Но и драмы не забывает: пишет театральные рецензии в самую крупную американскую газету в их городе. Издала на английском языке книгу о театре, да еще устраивает экскурсии по городам Америки для русских иммигрантов. «Открыв Америку» сама, открывает ее другим. Во-вторых, знакомый художник: этот рисует русские пейзажи по памяти и воображению, а также издает альманах «Ручей». Хотя он и не из третьей волны эмиграции, они — друзья. Помогают друг другу: она ему — по части русского языка, он ей — оформлением ее сборников. Живет у них в городе сын казацкого атамана, специалист по лошадям, выпускает на английском языке журнал «Рысак». Правда, она с ним не знакома, знает только его жену... Есть у них физик — электронщик... имеется скульптор, вырезающий из дерева фигурки на еврейскую тему. В общей сложности набралось семь человек.

Прошло два дня — Архирейский не позвонил. На третий в то же время, что и в первый, раз, раздался звонок. Она вскочила, порывисто ринувшись к телефону, зацепилась пальцами ноги за ножку стула. Теперь у нее синяк... она хромотает... а между тем — это оказался не он.

Целую неделю она ждала звонка. Набравшись смелости, решила

позвонить ему сама: нельзя упускать удачу, которая.. плывет тебе в руки.

— Я нашла вам много людей, о которых можно писать.

— В вашем городе живет мой старый приятель. Он сказал: без машины у вас — нельзя.

— Не беспокойтесь, вас будут возить те, о ком вы будете писать. В крайнем случае — мои знакомые.

— Какая в вашем городе самая удобная гостиница?

— Если вы будете жить в гостинице, я не сумею обеспечить вам транспорт. Вы можете остановиться у меня: я живу в двух отдельных комнатах.

Сказала и тут же испугалась своих слов, не представляя, как будет жить с незнакомым мужчиной в одной квартире. Вдруг пристанет? Ерунда, если женщина сама того не хочет, ничего и не будет. Хотя ей совсем немного лет, она давно уже живет только творчеством. В юности у нее была трагическая неосуществленная любовь, и на эту тему она больше не думает.

— Составьте список с телефонами этих лиц, — попросил Архирейский, — и пришлите мне.

Она обзвонила намеченные кандидатуры, выудив у каждого согласие дать интервью некому Архирейскому (никто, кроме нее, не знал, кто он такой) и послала ему список. Через несколько дней получила открытку.

«Дорогая Лариса! Очень и очень благодарен Вам за Вашу помощь по разысканию моих потенциальных героев в вашем городе. Насколько каждый из них является «да», разберемся при встрече. С интересом ожидаю и беседы, с Ларисой В. Сегодня заказал билет на самолет, пробуду у вас дней пять, остановлюсь у старого знакомого».

Слава Богу, не у нее. Отлегло от сердца.

Маститый, хорошо известный в эмиграции журналист (недели, не проходило чтобы в том или ином русскоязычном издании не появилась бы его статья или очерк) Абрам Архирейский летел в самолете и размышлял. Три года назад некая Лариса В., судя по всему — одинокая женщина, прислала ему сборники своих стихов. Разумеется, он их не читал. Мало ли он получает книжной продукции. От желающих стать героями его очерков нет отбоя. Зато ему не надо, как другим эмигрантским писателям, ломать голову, где достать деньги на издание его книг. Напишешь очерк о каком-нибудь бизнесмене, создашь ему рекламу, и он, глядишь, тебя не забудет. Не долее как в прошлом

году друзья за свои деньги издали его книгу очерков «По эту сторону земного шара».

Полистав присланные сборники, он обратил внимание на портреты поэтессы, там были не только фотографии, но и работы художников. Со всех портретов на него смотрело редкое по красоте и выразительности лицо. В одном сборнике — помоложе, в другом — постарше, но все равно — лицо красавицы.

За пятнадцать лет жизни в Америке он объездил чуть ли не все штаты, встречался с разными людьми, писал на самые разнообразные темы, но нигде у него не было освежающего «романчика», какой-нибудь сентиментальной истории, без которой жизнь становится пресной. То ли бывало в России: стоило ему отъехать «далеко от Москвы», как девицы и дамы млели: «писатель приехал». Эх, какой же он был дурак, что мало этим пользовался. Теперь бы ему такие возможности. Конечно, он был тогда молод. Но он и теперь не стар. Для мужчины — это не возраст, тем более в Америке. Он откинулся на спинку самолетного кресла, закрыл глаза и увидел: вот он входит в ее квартиру. Она с улыбкой на лице и вином и закуской на столе, он не пьяница, но выпить любит, его встречает.

— Лариса, вы оказались точно такой, какой я вас себе представлял: высокой и стройной.

Они садятся на диван, он ставит рядом магнитофон и шутивным тоном спрашивает:

— Лариса, как вы дошли до жизни такой, что стали поэтом?

Она начинает рассказывать о своей жизни. Он берет ее руку в свою, она руки не отнимает.

— Лариса, вы прекраснее ваших стихов.

— Правда?

Их руки сплетаются в объятиях, губы сливаются в долгом поцелуе. Магнитофон с дивана падает на пол. Развивается бурный «роман». Он, как ментор, дает ей литературные советы, она с почтением смотрит на него снизу вверх. Пять дней пролетают со скоростью света. Наступает минута расставания. Он возвращается домой: в столицу мира Нью-Йорк. Она идет провожать его в аэропорт.

— Лариса, я вас никогда не забуду.

В глазах у нее слезы.

Он пишет о ней восторженный очерк, так что ее замечает вся эмиграция. Она посвящает ему поэму.

Раздался толчок. Размечтавшись, он не заметил, как самолет приземлился.

Через пять дней Архирейский покинул город Н. Она подвела итоги. Все прошло хорошо. Найденные ею «герои» оказались «да». Вот только у Гали он не взял интервью. Когда в назначенное время Галин муж за ним приехал, Архирейский сказал, что устал. Хамство, конечно, но не любят мужчины писать положительно о деловых женщинах. Все они «мэйлшовинисты». Посмотрим, что он напишет о ней: обещал прислать копию его статьи.

Прошло два месяца. Почти обо всех, с кем встречался в их городе, Архирейский написал, а о ней почему-то — нет. Приурочив к случаю: ко Дню Независимости она черкнула ему пару слов и тот час получила ответ:

«Дорогая Лариса! Спасибо за милую открытку. Продолжаю писать и публиковать материалы, почерпнутые в вашем городе. Вот только с писательницей не получается... Вспоминаю свою поездку в город Н. с удовольствием. От души желаю Вам положительных эмоций».

Неужели он не напишет очерка о ней? Выходит, зря она для него старалась: подыскивала подходящих людей, звонила, договаривалась, упрашивала дать интервью. А может, редактор не пропускает материал о мало известной поэтессе?..

Абрам Архирейский утром встал, плотно позавтракал. Сел за письменный стол и включил магнитофон. Говорила Лариса В. Эта поэтесса оказалась малохольной: ни о чем, кроме своего писательства, не думает, будто на свете и нет другой жизни. Так и не удалось ее расшевелить. Зато какой материальчик для очерка! Его восторги по поводу хорошо интегрировавших в американскую жизнь иммигрантов публике, поди, надоели, приелись. Для разнообразия он напишет нечто отрицательное. На замечание этой поэтической особы: «Вы пишете только о процветающих» — он ей так и сказал: «Вы еще не знаете, что я напишу». Не только не знает, но и не догадывается. Он потерял руки. В Союзе ее не печатали, вообразила, что на Западе ее ждет литературный успех. Знаем мы этих... считающих себя писателями. От Нью-Йорка до Тель-Авива производят гигантское количество исписанной бумаги. Они этими своими бумагами и его забрасали. Иной автор даже не просит, а требует: «напишите, обо мне». Будто нет у него более важных тем. Вот он сразу о них всех и напишет. Ему за метериалом для своих очерков приходится гоняться по стране. А эти... протирают только свои штаны. Они, видите ли «самовыражаются». И при этом воображают себя гениями. Теперь у него есть возможность о таком «гении» рассказать. Биография — лучше не приду-

маешь. К тому же, напиши он такое о мужчине — можно нарваться на скандал, схлопотать по морде. А что ему может сделать эта дамочка не от мира сего? Разумеется, ее настоящего имени он не назовет.

Архирейский включил компьютер и стал строчить.

Однажды, когда она на телефонный звонок взяла трубку, услышала голос дальней родственницы, живущей в Нью-Йорке.

— Лариса, ты выписываешь газету «Русский хрен»?

— Нет, а что?

— В последнем номере есть статья Архирейского об одной поэтессе. Она не названа по имени, но биография похожа на твою.

Она кинулась к знакомым за газетой. Полторы большие страницы в еженедельнике: «Русский, хрен» были заняты очерком Архирейского о поэтессе «Р». Она читала и не верила своим глазам.

«Представление, о своей избранности и повышенной общественной ценности хранят в душе десятки и сотни “мастеров пера”».

А сам ты, между прочим, кто?

«По мнению моей собеседницы, писатель обязан отвергнуть любые заработки и материальные блага, чтобы открыть людям истину».

Что за чушь высокопарную он вложил в ее уста? Ничего подобного она не произносила. Рассказывала только о себе. Опасаюсь, за высокочтимым термином “писатель” моя коллега пытается укрыть свою лень (Ну, и ну!) и нежелание трудиться».

Точь в точь так говорили в советском суде над тунеядцем Бродском. И надо ж было ей эмигрировать в свободный мир, прожить здесь десять лет, чтобы такое о себе прочесть. И где?! В родной русской прессе. Редактор «Русского хрена» тоже хорош.

«Только ради самоутверждения (а я поэт) написала и издала за свой счет три поэтических сборника».

Можно подумать, что это преступление.

«Отрицательные отзывы специалистов о ее поэзии...»

Все отзывы были положительные.

«... не остановили эту упрямыцу». Она читала и поражалась: откуда он все это взял? Рассказывая ему о трудностях своей жизни, она никак не предполагала, что он изобразит дело так: будто она не писатель, а графоман — параноик. Впрочем, все естественно: где компилятору понять поэта? Выбирает из интервью только то, что может выставить ее в невыгодном свете. Не забыл упомянуть даже о ее личной жизни: «Боюсь созданию семьи “поэтессе” мешал повышенный индивидуализм и самомнение».

До какого маразма надо дойти, думалось ей, чтобы объявить женщине публично через газету, что замуж она не вышла «из-за самомнения». Что она ему сделала? В чем перед ним провинилась? Не иначе как это награда за ее труды «по разысканию его потенциальных героев» в их городе. Мудро сказал кто-то: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным».

Она показала очерк Архирейского друзьям. Мнение их было едино. Эпитеты разнились от «хам», «подонок», «негодяй», «подлец», «мерзавец»... до «дурно пахнущая свинья».

Несколько ночей она почти не смыкала глаз. Раскалывалась голова, ныло сердце... Вся ее жизнь представлялась ей теперь бессмысленной. Лучше бы она, как хотела в юности, покончила с собой. Утром с трудом вставала, чувствовала, что не хочет есть. Кусок не шел в горло. Пила только чай. Садилась, как обычно, за стол, пробуя работать. Дрожали руки. Сидела в оцепенении, перебирая снова и снова подробности своего разговора с Архирейским.

Его должен был привезти к ней после интервью сын казацкого атamana. Она вышла встречать их на улицу, прогуливаясь у подъезда своего дома. Наконец подкатила машина, и из нее вышел Архирейский. Вместо «здрасьте» произнес:

— А вы, оказывается, маленькая, а я думал — высокая.

Сам он был высокого роста. Что касается остального: она прекрасно его себе представляла. Видела фотографию к его юбилею в одном эмигрантском журнале.

Они поднялись наверх и вошли в ее квартиру. Обедать он отказался: сказав, что ел у «лошадника», а она зажарила битки, испекла картошку и, ожидая его, сама не ела. Вместо стула за столом, очищенным ею от своих бумаг, он плюхнулся на диван, объяснив, что ему так уютнее. Она, сжавшись в комочек села на другой конец дивана.

— Лариса, — обратился он к ней шутливым тоном, — кем были ваши родители и почему вы решили стать поэтом?

— Родители мои никакого отношения к литературе не имели, а писать я стала, наверное, потому, что родилась в стране с тоталитарным режимом. Живи я в Америке, я, возможно, занималась бы чем-нибудь другим: например, работала бы в области моды. Это она, потерпевшись от своего призвания, покривила душой. Ей было на роду написано стать поэтом.

Она рассказала Архирейскому о своей трудной жизни в Советском

Союзе, о своем подпольном там писании... о том, что и здесь ее мало знают: ибо не живет она в Нью-Йорке и потому не имеет возможности общаться с другими эмигрантскими литераторами. Заметила, что его к ней, наверное, прислал сам Бог. Спыхватившись, что сгустила краски, вынула кипу русскоязычных журналов и газет с напечатанными ее стихами, достала изданные сборники, показала рецензии на свои книги. Тут то она и поняла, что он не читал ее сборников. Явился писать очерк о поэте, не удосужившись перед этим познакомиться хотя бы с парой ее стихотворений. Припомнила также, когда она читала Архирейскому восторженный отзыв о ее книге одной читательницы из Германии, разыскавшей ее через газету, заметила на его лице болезненное выражение, как-будто ему неприятно было это слушать. Живя уединенно и не привыкши бывать в обществе других литераторов, она не знала элементарной истины: ординарность никогда не признает и не простит исключительности. Если ты не такой, как другие, значит, ты никакой, в лучшем случае — у тебя паранойя.

И вдруг ее осенило! Как она могла не обратить внимания на такую деталь, сочтя ее не существенной? Через пять минут, после того, как Архирейский комфортабельно устроился на ее диване, он задал ей странный, не имеющий отношения к литературе вопрос:

— Вы не очень не любите лысых?

Она опустила глаза и еще сильнее сжалась в комочек. Ее собеседник был лысым из лысых. Ни одного волоска. Как-будто они у него и не росли вовсе. Голова, как вылепленная из глины, переходит в шею. Выделяется на этом скульптурном лице только длинный горбатый нос. Он походил на монстра. Она сделала вид, что не расслышала его слов.

Ну не дура ли?! Тут бы ей и кинуться в его объятия. Получился бы «сюжет для небольшого рассказа»... в стиле «Дамы с собачкой». Но что поделать, если она действительно не любит лысых.

Читатель, а ты?

1997 г.

«МУЗЕЙ»

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Автобус ехал по болотистой равнине. Позади остались Варшава и Ясна Гора, где в монастыре хранится икона Божьей матери: Матка Боска Ченстоховска, которой поляки поклоняются. Существует поверье, что икона эта спасает от сатаны. Евреев, живших в Ченстохове и его окрестностях, она не спасла: дьяволы-нацисты почти всех их уничтожили.

Как только отъехали от столицы, исчезли красивые старинные дома. Полякам удалось полностью по чертежам и фотографиям воссоздать старый город. Был даже введён на всех жителей Польши налог на восстановление Варшавы. Поэтому город такой же, каким он был до войны. Показалась типовая застройка, напоминающая отечественную, стали попадаться обшарпанные здания — один к одному советские бараки: приметы 40 лет существования в Польше социализма.

Она отправилась в это путешествие, чтобы познакомиться с Восточной Европой, в Западной она бывала. В основном ей хотелось посмотреть Будапешт и Прагу, но в тур была включена и Варшава, где, кстати, родилась её мать.

По мере приближения к Освенциму, сердце у неё ныло и ныло... В 1922 году (Гражданская война к тому времени кончилась) её отцу было 16 лет. Семья их жила в Белоруссии в деревне «Ручаевка» Лоевского уезда Гомельской области. Отца как старшего сына послали в г.Лоев подыскать квартиру: опасались погромов и хотели на время переселиться. Когда отец вернулся, он нашёл всю семью: отца, мать, двух сестёр-подростков и грудного брата зарубленными топором. На трупах лежала мёртвая собака, а на столбе красовалась надпись: «Я, Иван Голак, убиваю и буду убивать жидов». Зарубленными были ещё 15 родственников. Отец рассказывал, как он взвалил эти трупы на подводу и повез их хоронить в братскую могилу. Она этого видеть не могла: родилась через 5 лет после случившегося, но всякий раз, когда она сталкивается с антисемитизмом в той или иной форме, у неё перед глазами возникает страшная картина: подвода с убитыми евреями, её родственниками. Возникло это жуткое видение и теперь. За что мир так ненавидит её соплеменников? «Евреи распяли Христа». Да был ли такой Христос, а если и был, так уж никак не мог быть Богом. Для еврейской религии человек, называющий себя Божеством — кощунство! Да и не евреи его распяли. Последнее слово принадле-

жало Понтию Пилату, римскому прокуратору Иудеи. Христос называл себя — King of Jews, т.е. «Король иудеев». Хотя «Царствие его не от мира сего», утверждать такое — для правителей-римлян было преступлением. Да и толпа, по легенде кричавшая «распни»! состояла из людей разной национальности. Христос проповедовал милосердие, сострадание, непротивление злу насилеием... Если бы он снова явился на землю (некоторые христиане ждут второго Пришествия) и увидел, что веками творят его единоверцы с родным ему племенем, он, наверное, сам пригвоздил бы себя к кресту. И как это христиане не понимают: ВСЯКИЙ РАЗ, КОГДА ОНИ УБИВАЮТ ЕВРЕЯ, ОНИ РАСПИНАЮТ ХРИСТА.

Автобус приближался к Освенциму, и гид уже выдал:

— Не думайте, что в концентрационном лагере Освенцим уничтожали одних только евреев. Там также убивали цыган, гомосексуалистов... и вообще strange people, т.е. странных людей.

Одни отрицают Холокост, заявляют, что его вообще не было, другие хотят снизить, приуменьшить эту трагедию еврейского народа. Общеизвестно: наци планомерно уничтожали евреев.

Гид объявил: — У нас будет маленькая остановка без экскурсии в Биркенау. Потом мы посетим основной лагерь.

Автобус остановился, и перед глазами возникла картина, которую она много раз видела в кино и по ТВ в документальных и художественных фильмах Освенцим 2 — Биркенау: самый большой лагерь смерти. В 1944 г. здесь находились 100000 узников. Пустынная местность, болотистая почва, ноги вязнут в мокрой траве. Слева — каменные бараки, много барак... Они строились без фундамента: вместо пола — утрамбованная земля, превращавшаяся в трясиину. На этой голой земле узники и жили. Из 300 барак... сохранились 67. Вдали видны остатки 2 крематориев, которые немцы, стараясь скрыть следы своих преступлений, взорвали. Справа — забор из колючей проволоки и сторожевая вышка.

В Биркенау эшелонами свозились евреи из разных стран оккупированной Европы. Здесь, прямо на платформе (в 1944 г. немцы подвели сюда железнодорожные пути) им устраивали селекцию. 75% узников: стариков, детей, больных и слабых сразу отправляли в газовые камеры. Здоровых направляли на работу. Теперь это всё — музей. В конторе продавались путеводители на разных языках, в том числе и на русском. Туристы ходили по территории, щелкнули пару раз фотоаппаратами и сели в автобус.

Она задумалась: ведь это надо, объявить неполноценной целую

нацию и уничтожить 6 миллионов её представителей!!! Сколько гениальных, талантливых, умелых людей погибло, которые так много могли бы дать человечеству. Холокост — не только трагедия еврейского народа, это позор для всего мира, который это допустил. Бредовые теории нацистов о превосходстве арийской расы: блондины с голубыми глазами. Как-будто Гитлер был блондином? И где его голубые глаза? В германских школах на уроках биологии измеряли черепа, пытались установить эталон арийца. И как это немецкому населению не приходило в голову, что три четверти из них даже отдалённо не подходят под этот образец. Если где-нибудь в мире и сохранилась чистота арийской расы, то в Дании, Швеции, Финляндии... но никак не в Германии. Как-то она читала книгу, в которой была приведена цитата польского писателя Бруно Ясенского: «Как и все немецкие интеллигенты, он походил на еврея». В Германии днём с огнём надо искать человека с арийской внешностью. Одна топ-модель Клаудия Шифер на всю страну. Когда кто-то про неё сказал, что она «воплощение, здоровья и, чистоты расы», помятуя, что это означало в гитлеровские времена, Клаудия обиделась.

Этот тур начинался во Франкфурте. Принимал их в гостиницу худой белобрысый парень, подтянутый, одетый с иголочки, надменный, с высоко поднятой головой. Вот она арийская раса — с неприязнью подумала она. Возвращая ей паспорт, он вдруг на чистейшем русском языке спросил:

— Вам комнату курящую или не курящую?

Нечто подобное произошло и при отъезде во Франкфуртском аэропорту. Допрос, что она с собой везёт (он был особо строгим через несколько дней после 11 сентября) вела белокурая подтянутая дама в форме, вопросы которой её раздражали. Дама не выдержала и по-русски произнесла:

— Я всего навсего служащая аэропорта и выполняю свою работу.

Это и были два «арийца», которых она встретила в Германии.

Убийства людей нацисты начали с эвтаназии неизлечимо больных. Вот по этой их теории неполноценности в первую очередь и следовало бы уничтожить фашистских главарей: эпилептика и извращенца Гитлера, доведшего до самоубийства свою, между прочим, любимую племянницу Гели Раубаль, Гёббельса, этого «малютку-доктора», как его называли, тщедушного человечка с деформированной ногой, гомосексуалиста Геринга... Против эвтаназии больных в Германии выступила церковь. Против экстерминации евреев церковь открыто не протестовала.

Подъехали к лагерю Освенцим 1. Гид снова повторил свою версию: уничтожались не только евреи, а вообще — «странные люди» Вышли из автобуса. Вот они эти ворота с циничной надписью: Arbeit macht frei. Труд освобождает. Лагерь окружали два ряда колючей с пропущенным через неё током проволоки. Когда узник подходил к ней близко, на вышке загорался огонёк, и жертву убивало. За воротами их уже ждал экскурсовод — польская средних лет женщина. Она думала: гидами будут бывшие узники этого концлагеря, но прошло уже много лет после окончания войны, и мало кто остался из них в живых. Экскурсовод начала свой рассказ:

— Большинство людей знают, что было 2 концлагеря Освенцим. На самом деле было 40 филиалов Освенцимского лагеря, расположенных вблизи шахт, металлургических комбинатов, фабрик... Узники работали там при добыче угля, производстве оружия и химикатов, на строительстве промышленных объектов... В частности, такой лагерь недалеко от Освенцима был расположен на территории немецкого завода IG Farbenindustrie, где использовали бесплатный труд заключённых.

Возмутительно, что владельцев этой фирмы не судили после войны как преступников. Экскурсовод продолжала рассказывать:

— Помещения Освенцима 1 до войны были казармами. В 1940 г. после оккупации Польши немцы отправили туда несколько сот польских заключённых, т.к. тюрьмы были переполнены. С 1942 г. сюда стали свозить евреев из разных стран оккупированной Европы. Нашли здесь свою смерть и 21000 цыган, которых немцы считали также неполноценной расой. Вопреки нормам международного права были в концлагере и советские военнопленные. Из 12000 8000 были убиты разными способами. 95% узников были евреи. Трудно установить точное число погибших в Освенциме т.к. большинство евреев сразу без регистрации отправляли в газовые камеры. Приблизительное число — 2 миллиона. С ростом числа заключённых лагерь расширялся: строились новые корпуса и бараки, надстраивались этажи... Всё это делалось руками заключённых. Лагерь постепенно превращался в огромный комбинат по уничтожению людей: крупнейший центр истребления европейских евреев.

Прибывали узники в зарешеченных запломбированных вагонах, где 7—10 дней находились скученными, без еды, воды и воздуха. Когда двери вагонов открывались, часть их уже были мёртвыми, остальные в состоянии крайнего истощения. По прибытии у узника отбирали одежду и личные вещи, остригали волосы, ставили на руке татуиров-

кой номер регистрации (татуировка применялась только в Освенциме). Человек превращался в жалкое подневольное существо. Ветхая одежда в полоску, не защищавшая от холода, скудное питание: утром — бурда, под названием кофе, днём — суп из гнилых овощей, вечером — кусок чёрного глинистого хлеба (вспомнила: нечно подобное она ела в дни Ленинградской блокады), тяжелый непосильный труд, изнурительные поверки, длившиеся часами, телесные наказания, постоянные издевательства, скученность: в помещении, где едва могло бы поместиться 40—50 человек спало около 200 узников на трёхъярусных нарах по два человека, крысы, насекомые, эпидемии — всё это было рассчитано, чтобы узник не прожил более трёх недель. Комендант лагеря Рудольф Гесс заявлял им в первый же день приезда, что они «прибыли в концентрационный лагерь, из которого только один выход: через трубу крематория». В 1947 г. Рудольфа Гесса судили и привели приговор в исполнение: повесили на территории бывшего лагеря на виселице, на которой это чудовище вешал других.

— Если кто-то из узников пытался бежать — ему это не удавалось, — произнесла экскурсовод.

Она вспомнила, что читала это в книге об Освенциме «Фабрика смерти», написанной двумя чехами, которые были в лагере политзаключёнными и работали там электриками. По их описанию: решительно всё — болотистая почва, малярийный климат... были против узников, а местное население их настолько ненавидело, что если кто-нибудь из узников бежал, его выдавали. Наверное, так оно и было, если вспомнить, что произошло в деревне Едвабна в июле 1941 г., когда не немцы, а польские мужики согнали 1600 евреев в амбар и живьём сожгли. Были в те времена, да и позже и другие случаи убийств и погромов евреев поляками. Совсем недавно польская церковь и правительство попросили за эти преступления прощение у еврейского народа, а население извиняться не хочет: нечего де возводить поклёп на польский народ.

— Однажды бежал один человек, — начала рассказывать экскурсовод. — Его поймали в городе, отвели к тем, с кем он работал, и заставили выдать всех, кто ему помогал. В результате в этот лагерь посадили 50 человек, и среди них был мой дядя. Для меня это не просто работа, а миссия.

Утром перед работой и через 10 часов после неё узникам устраивали проверки. Длились они часами и часто сопровождались издевательствами: узников заставляли стоять на коленях, сидеть на корточках, держать протянутыми руки... Чтобы немцам было сподруч-

нее считать заключённых, в маленьком скверике рядом с кухней лагерный оркестр, состоящий из музыкантов-узников, которых потом уничтожили, играл марши.

Изображение этого оркестра она видела на картине польского художника Ксаверия Дуниковского, когда в Москве в 60-ые годы была его выставка в Музее изобразительных искусств. На полотне были нарисованы скелеты в полосатых одеждах, так выглядели узники, с музыкальными инструментами в руках. Были там и другие картины, изображавшие быт концлагеря. Вокруг картин стояла публика и возмущалась:

— Что это он нарисовал?!

— Ночью испугаться можно!

— Он нарисовал, то что видел и пережил, — с гневом возразила она.

Спорить, однако, с советскими бабами было бесполезно. Ксаверию Дуниковскому было уже около 50-ти и был он художник с мировым именем, когда попал в Освенцим. Он отсидел там 4 года от звонка до звонка. Его не уничтожили: он не был евреем. Но, как пережив такое, он мог после этого плодотворно творить ещё 20 лет?!

В основном лагерный оркестр заставляли играть музыку Вагнера. Этот махровый антисемит писал: «Еврей должен быть счастлив, если ему дают возможность умереть». Вот Вагнеровский марш «На смерть Тангейзера» узники — музыканты и должны были там исполнять. Под этот марш евреев отправляли в газовые камеры. Кстати, термин «окончательное решение еврейского вопроса» принадлежит Вагнеру. Через 70 лет другой антисемит «этот вопрос решил»: уничтожил 6 миллионов евреев.

Они вошли в корпус. Полумрак. Урна с горстью пепла, взятого на территории лагеря, увековечивает память о погибших, под ней цветы. Экскурсовод подвела их к витрине: чемоданы узников, с которыми они прибыли в концлагерь, на них фамилии и адреса. Бедные её соплеменники: они думали, что их везут на Восток Европы «на поселение». Евреям из Греции и Венгрии немцы продавали несуществующие участки земли под постройку или сельское хозяйство. Люди везли с собой самое ценное и необходимое. Витрина с домашней утварью: чайники, кастрюли, детские ночные горшки... Детей уничтожали сразу. Некоторых постарше отправляли работать и обращались с ними, как со взрослыми. Из 6 миллионов евреев, погибших в Холокосте — 1,5 были дети. Витрина с обувью узников: мужские ботинки, дамские туфли, детские сандалии... Всё надрезано: немцы искали в них брил-

лианты. Ужасает большая куча очков, хотя часть её немцы успели уничтожить. Огромная витрина, протянувшаяся в длину от одной стены помещения до другой, заполнена волосами, преимущественно женскими, а рядом сотканная из них бортовка. Освобождая концлагерь Освенцим в 1944 г., советская армия обнаружила 700 кг. волос, упакованных в мешки. Это были остатки, которые лагерные власти не успели отправить на фабрики Третьего Рейха.

Экскурсовод вела их от экспоната к экспонату. Ноги у неё стали ватными и не хотели дальше идти, а здоровое сердце болело так, точно готово было разорваться. Наверное, не один человек получил в этом «Музее» инфаркт.

За малейшую провинность узника наказывали снижением рациона питания, а то и просто морили голодом, били кнутом, посылали на самые тяжелые работы, сажали в карцер... Они спустились в подвальное помещение и по одному входили в крохотную комнатку 90х90 см.. Пол в ней был перегороден балками на четыре части. Сюда помещали четырех узников, которые, должны были стоять. Им не хватало воздуха, и часто они, как и в газовой камере, умирали от удушья. Всё в этом концлагере было рассчитано, чтобы тем или иным способом убить жертву. Иногда жертва, не выдерживая мучений, сама бросалась на проволоку и погибала.

— А теперь молча, — попросила экскурсовод, — Мы входим в газовую камеру.

Раздевалка оказалась просторнее, чем камера. На 210 кв.м. нацисты помещали 2000 человек. Камера имитировала баню. Узникам говорили, что их ведут мыться. Под потолком расположены душевые головки, из которых никогда не текла вода. Двери камеры закрывались, и через отверстие в потолке поступал Циклон Б. После освобождения Освенцима на лагерных складах были обнаружены пирамиды использованных банок этого газа смерти. Через 15-20 минут люди умирали. Она закрыла глаза и представила себе, как умирает от удушья. Из газовой камеры она вышла, шатаясь.

— У мёртвых вырывали золотые зубы, — продолжала рассказывать экскурсовод, — переплавляли их в золотые слитки и отправляли в Третий Рейх. Трупы транспортировались к печам крематория. За ночь сжигали 350 тел. Прах сожжённых использовали для удобрений и засыпания болот.

У практичных немцов ничего не пропадало — с горечью и злостью подумала она. Ей показалось, что она сама превратилась в обугленный труп.

Экскурсовод вывела их во двор и подвела к корпусу, где помещалась лагерная больница. Узники называли её «предверием крематория». Больных там не лечили. Ослабевших и не подающих надежды на быстрое выздоровление отправляли в газовые камеры, либо умертвляли уколами: вводили в сердце фенол. Работавшие в Освенциме врачи были заняты другим: помимо регулярных селекций, они проводили на узниках преступные эксперименты. Про врача-изувера Менгеле, делавшего опыты на детях-близнецах, она знала. Его так и не поймали. После войны он жил в Южной Америке, пока спустя много лет не утонул. Оказывается, были и другие, вот уж во истину убийцы в белых халатах. Так «профессор» Клауберг с целью разработки быстрого метода биологического уничтожения славян, которых немцы считали «недочеловеками», (нацисты начали с уничтожения евреев, но не собирались на этом останавливаться) проводил на еврейках преступные опыты стерилизации. Во время этих «врачебных» экспериментов погибли сотни узников и узниц, а те, кому удалось выжить, остались с увечьями.

— В продолжение существования лагеря, — продолжала рассказывать экскурсовод, — в нём находились и польские политзаключённые. Они жили в отдельных корпусах. Раз в месяц приезжал военно — полевой суд и выносил приговоры — чаще смертные. Приговорённых расстреливали у стены, которую узники называли «стеной казни».

Около стены лежали цветы, а рядом висели фотографии польских офицеров, которые были казнены за то, что установили контакт с местным населением и хотели помочь узникам.

На этом их экскурсия в Музей Освенцим завершилась. Ей хотелось подойти к экскурсоводу и пожать той руку. Эта польская женщина так проникновенно и с таким участием рассказывала о погибших в этом лагере. В притивоположность их гиду, она неоднократно повторяла, что в Освенциме в основном и больше всего уничтожались евреи. Подойти? Неудобно было выделяться. Вдруг видит: девушка-филиппинка из их группы подошла к экскурсоводу и не только пожала той руку, но и протянула доллар. О чаевых в такой обстановке она и вовсе забыла. Потянулись к экскурсоводу с чаевыми и другие туристы. Тогда подошла и она.

— Я русская еврейка.

Экскурсовод взглянула на неё сочувственно.

— Мои дедушка, бабушка и другие родственники были убиты во время погрома.

Экскурсовод участливо вздохнула.

— Сама я пережила Ленинградскую блокаду... Но такого ужаса как здесь...

Не договорив, она громко зарыдала. Польская женщина-экскурсовод посмотрела на неё испуганно. А она отошла в сторону и дала волю своим слезам. Она рыдала и рыдала... и никак не могла успокоиться. Она плакала о погибших в Освенциме, о своих зарубленных топором родственниках, которых никогда не видела, о родных, оставшихся в России, где в любой момент может произойти еврейский гром, плакала о себе... и о своём несчастном народе.

Туристы вышли из ворот с циничной надписью Arbeit macht frei и сели в автобус. Она продолжала плакать, заслонив лицо ладонью, чтобы другие не видели. Она вдруг почувствовала отчуждение от остальной группы туристов. Только она здесь прокажённая. Кроме неё, евреев в группе не было.

За обедом одна англичанка обратилась к ней с вопросом:

— Узнали ли вы сегодня что-то, чего не знали раньше?

— Я знала, но не видела многих вещей воочию. Одно дело читать, другое увидеть собственными глазами.

— И как это люди по отношению к другим людям такое могут творить?! У нас после войны на ферме работали пленные немцы. Их хорошо кормили... Разрешили привезти семьи.

Другая очень культурная и симпатичная англичанка подошла к ней после обеда.

— Как вам, наверное, тяжело было всё это видеть и слышать?!

— Очень тяжело. Я разрыдалась.

— Многие женщины плакали.

Кроме себя, плачущих она не видела.

2002 г.

SWIMMING POOL

Надоело все: получать SSI, таскаться по врачам, накачиваться лекарствами, соблюдать диету, ходить на дешёвые и невкусные лэнчи в JCC, а главное, всегда быть окруженной стариками. Сама себя Она старой не ощущает: Ей кажется, со времён юности Она не изменилась, во всяком случае — внутренне. Что бы такое придумать, чтобы жизнь не была такой пресной?

Узнала от знакомых: за символическую плату можно ходить плавать в бассейн городского университета. Вода на Нее действует благотворно. Отдыхать для н Нее — значит купаться. За много лет жизни в Америке Она так и не нашла места, где можно было бы пассивно отдыхать. Да и кто тут пассивно отдыхает? Как-то в разговоре с американскими друзьями Она произнесла: When I was in a rest home (то бишь, в доме отдыха), те решили, что речь идёт о богадельне.

Знакомые Ей сказали, когда будет регистрация, и Она поехала в университет. Оказалось, что и платить ничего не надо: все абсолютно бесплатно. Заполнила анкету, ввели Ее данные в компьютер, сфотографировали поляроидом и выдали карточку-пропуск. По расписанию: занятия плаванием для начинающих с восьми до девяти утра (Она в это время только встает) и с десяти до одиннадцати. Жаль тратить драгоценные утренние часы на плавание. По велению долга Она отдаёт их творчеству.

Занятия начинались 21 мая, прошло недели две, а Она никак не соберётся плавать: то неотложные дела, то нет сил, а то жара на улице нестерпимая. Наконец Она себя пересилила и поехала в бассейн в основном, чтобы разведать: нельзя ли ходить туда во второй половине дня.

Народу — никого, пустая раздевалка. Два бассейна: один громадный для умелых пловцов и нырящиков, другой маленький. Около бассейна сидят девушка и парень. Она показала карточку — пропуск и объяснила, что пришла учиться плавать.

— Вы столько пропустили! — недоуменно заметил парень. — Вам теперь придется нагонять. Но это неважно, лишь бы вы научились плавать.

— Лишь бы я была в воде.

Девушка иронически улыбнулась. Как только Она произнесла свою фамилию, парень спросил:

— Вы из России?

— Да.

— А я из Болгарии. Учил русский язык в школе, он похож на болгарский. Моё полное имя Валемир, но вы можете называть меня Вэл.

Он дал ей заполнить анкету, где Она отметила, что никаких болезней, мешающих Ей плавать, у Нее нет. Она ожидала, что учиться плавать будет целая группа, а здесь всего пять человек. Во всю длину бассейна — одинаковая глубина. И Она одна на линии, не то что в ЖСС, где на маленьком пространстве барахтается группа пожилых женщин, не умеющих плавать. Тренер, т.е. Вэл, подходит к каждому в отдельности.

— Покажите, что вы умеете.

На воде Она держится, но не умеет правильно дышать: и потому быстро теряет силы.

— Опустите лицо в воду и попробуйте делать бабл-бабл.

Она чуть не захлебнулась. Утонуть можно и в ложке воды. На днях по ТВ показывали сумасшедшую мать, утопившую в ванной пятерых своих детей. Она здесь в первый и последний раз. Смешно в Ее возрасте чему-то учиться.

На следующий день, не понимая, что с Ней происходит, презрев своё творчество, Она поехала в бассейн. Какая-то сила потянула Ее туда. Придя раньше, Она решила поплавать сама, без всякой учебы. Подошёл Вэл и объяснил, что плавать нельзя, пока в бассейне нет гарда — спасителя.

— It is the law, — и по-русски добавил, — закон.

Пришел парень, работающий гардом — спасителем, сел на вышку. Она вошла в воду, и Вэл стал методически шаг за шагом учить Ее, как набрав воздух в легкие, опускать рот в воду. На второй день Она разглядела его внешность: стройный, хорошего роста, довольно правильные черты лица, нос с едва заметной горбинкой, но это его не портит, приятная улыбка, брюнет и вместе с тем европеец.

Он также учит Её сильно дрыгать ногами, а не плавать по-лягушечьи, едва их сгибая.

— Выпрямите ноги... вот так, не балансируйте, а «кикайте»... Сильнее... Good job. На сегодня хватит.

Она сходила в магазин и, не пожалев денег, купила красивый купальный костюм с твердыми чашечками. Теперь забыв о своем творчестве, Она каждый день мчится в бассейн. Летит туда, как на крыльях. До начала занятий сидит перед большим бассейном, наблюдая, как ныряют настоящие пловцы: молодые юноши и девушки. Приятно на них смотреть. Старается выполнять все указания Вэла и выходит из бассейна помолодевшей. Она не заметила, как стала мысленно

сочинять рассказ: молодая девушка — студентка этого университета пришла учиться плавать и влюбилась в тренера. Само собой, Ее героиня должна быть красивой, иначе рассказ, то бишь любовь, не получится. «Мир спасёт красота» сказал когда-то Достоевский, но не объяснил, как именно это произойдет. Героиню надо сделать блондинкой, раз Вэл брюнет. Контрасты сходятся.

— Попробуйте плавать на спине. Положите голову мне на руку.

На мгновение Она почувствовала необычайную легкость, но испугалась и быстро встала на ноги.

— Вы не доверяете мне, — сокрушенно заметил Вэл.

— Это надо было делать моим родителям, когда я была грудным ребёнком.

— Учиться никогда не поздно, — возразил он.

— Вы студент этого университета?

При Ее не изжитой советской ментальности не хотелось, чтобы он оказался штатным тренером.

— Да. Я не американец. Я здесь учусь.

— Какой у вас главный предмет?

— Экономика.

— Потом вернетесь в Болгарию?

— Не сразу. После того, как заработаю немного денег.

Счастливые настали времена! Она вспомнила, как однажды в кампусе на почте встретила парня из Болгарии. На ее вопрос, как ему удалось оттуда вырваться, рассказал: они с отцом на траке пробили пограничное ограждение и таким образом бежали на Запад. Нынешнему поколению Восточной Европы это не требуется: могут ездить, куда хотят. Бывшему королю Болгарии Симеону не только вернули собственность, но и избрали его премьер-министром. Хороший народ болгары: во время Холокоста не подчинились требованиям Гитлера: депортировать своих евреев. 50-тысячная еврейская община была спасена. Вспомнился куплет из советской песни: «Хороша страна Болгария»...

С чего начать роман между Взлом и Ее героиней? Прежде всего надо придумать ей имя. Назову её Натали — так звали жену Пушкина и героиню романа «Война и мир Толстого». Это имя любят и американцы. Была у них актриса, русская по происхождению, Nataly Wood. Кстати, как и Она, боялась воды и утонула, упав с собственной яхты в океан.

Роман между ними можно начать так: Натали стоит на остановке автобуса, Вэл предлагает ее подвезти. Не пойдёт. Мало того, что Она

плавать не умеет, так ещё и машину не водит. Героиню надо сделать храброй, наделить ее чертами, которых нет у Нее самой. Лермонтов успехом у женщин не пользовался, а Печорина изобразил сердцеедом. Пусть будет наоборот: у Вэла нет машины, и Натали подвозит его. Инициатива должна исходить от женщины. Если это сделает мужчина на своём рабочем месте — его могут обвинить в сексуальном домогательстве. Бедные американские мужчины боятся пропустить женщину вперед, уступить ей место, открыть перед ней дверь... Как-то она пришла в бассейн во второй половине дня, не учиться, а просто поплавать и застала Вэла.

— Вы здесь дежурите целый день?

— Да. Трудно. Я не американский гражданин, другой работы получить не могу.

Литературный ход: Натали подвозит его на машине — не годится. Он находится в бассейне с утра до вечера. Надо придумать что-нибудь другое. Например, они вместе идут есть ланч в университетское кафе и вместе смеются над американскими гамбургерами, для которых надо широко разевать рот, будто это звериная пасть. Вспомнила, как в Вене во время эмиграции Ее студенты пригласили в кафе, где Она ела бутерброды ножом и вилкой. Однажды она заметила, что Вэл во время работы ел сэндвич. И этот, столько раз использованный в кино трафарет, отпадает. Придумала: Натали пригласит его на концерт в Северенс холл — Кливлендскую филармонию. Раз в год Институт музыки устраивает там бесплатный концерт. Билеты надо иметь: их требуется заказать по телефону, и тебе их пришлют по почте. У нее как раз есть два билета. Нет, сама Она его приглашать не станет. Другое дело, если бы Она могла переставить цифры своего возраста: вместо 72 на 27. Вспомнила, как во времена оны, когда Ей еще не требовалось переставлять цифры своего возраста, Она пошла приглашать молодого человека, в которого была влюблена, о чем тот не догадывался, в Большой зал консерватории. В Москву приехал итальянец Вилли Фереро и дирижировал Третьей симфонией Бетховена Ее любимого композитора. Вместо этого Она протянула к любимому руки, а он с таким страхом от Нее отпрянул (испугался Ее сексуальности, как объяснил Ей впоследствии врач-психоаналитик), что, Она забыв о приглашении, бросилась без оглядки бежать... и больше не пришла. С тех пор Она ходит на концерты одна. Что это у Нее «она» да «она»... Хватит думать о прошлом. «Прошлое — прочла Она в одной психологической книге — это застывший кристалл в котором ничего нельзя изменить». В рассказе Она может переставлять кри-

таллики, как угодно.

— Вэл, вы хотите пойти на концерт в Северенс холл? У меня есть билеты

— Какая там программа?

— Американский композитор Копланд «Портрет Абрахама Линкольна» и Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского.

— Не похоже, что он интересуется классической музыкой. Наверное, ходит на поп и рок-н-ролл концерты. Несколько лет назад в Кливленде открывался новый стадион Jacobs Field, вот на открытие Натали его и пригласит. Кстати, там тоже играл симфонический оркестр. А что, если пригласить его просто на какой-нибудь матч. Спорт он, наверняка, любит. Сегодня в новостях показывали, как американские солдаты в Афганистане, где они борются с террористами, смотрят по ТВ игру Superbowl. Вот только Она в спорте ничего не смыслит и спортивные передачи по ТВ, кроме фигурного катания, на дух не переносит. Причем здесь «она»? Ее героиню зовут Натали.

Сегодня они занимаются в большом бассейне: маленький занят. Она барахтается с краю у самой стенки, отойти от неё не может, вода покрывает её с головой: глубина семь метров, а в ней росту всего 153 сантиметра. Вэл взял шест, велел Ей держать за второй конец и тянет. Её потянет, как в русской сказке дед с бабой — репку. А Ей кажется, что они плывут рядом в Крыму или в Болгарии на Золотых песках, и Натали ничуть не отстаёт от Вэла.

Кроме Нее, учатся плавать две девушки. Одна из них китаянка, до того худая, что смотреть на неё страшно. Однажды они разговорились.

— Легко ли приехать из Китая в Америку?

— Легко.

Сама она студентка этого университета, муж её работает в фирме.

— Как вам нравится Америка?

— Трудно привыкать к другому образу жизни, когда тебе уже двадцать пять лет.

А какого было Ей, приехавшей сюда в сорок пять?

— Но в общем жизнь в Америке мало чем отличается от китайской

— Как это так? — возмутилась Она, — США свободная страна, а у вас студентов расстреляли на площади в Пекине.

Похоже, китаянка этого не знала.

— Есть политическое давление, но если не заниматься политикой, жить можно. С экономикой — всё хорошо.

Упрекают русских деятелей, почему они не пошли по китайскому

пути? Говорят, экономику надо было преобразовывать постепенно. Как-будто при русской ментальности это было возможно? Интеллигенции нужна была свобода слова, народу — немедленные преобразования. Молодёжь хотела жить хорошо сейчас, а не в будущем. *We want it all and we want it now.** Наивно думали: стоит уничтожить советскую власть, как жизнь преобразится. Что ж, небольшой процент этого добились: разбогатели и стали «новыми русскими».

Натали и Вэл пошли на матч. Сидят на стадионе и смотрят игру кливлендской команды Browns с командой Indians. Американский футбол т.е. soccer — дикий. Захватывают мяч руками, вырывают его друг у друга, падают, встают и снова играют. Хорошо, что каска на голове, и тело защищено особым костюмом. При каждом забитом голе Вэл вскакивает. Его интузиазм передаётся Натали, и она смотрит матч с интересом, а главное, ей приятно, что рядом красивый молодой человек. После матча Вэл холтел пригласить Натали в ресторан Jacobs Field, но она, понимая, что у него мало денег, предложила пойти к ней домой. Она специально приготовила обед. Интересно, что могла приготовить Натали? Сама Она уже не готовит, ест ланчи в JCS. Ну конечно же — украинский борщ... к нему пирожки с картошкой... жареные, печеные — не такие вкусные. На второе — можно кисломолочное мясо, которая так вкусно готовила Ее бабушка. А на десерт? Сама она, то бишь Натали, печь не будет. Купит либо cheesecake, либо applepie** — два американских фаворита. По голливудской традиции после еды между героями должна произойти любовная сцена. Поужинали и — в постель. Эта скорополительность Ей не нравится, ни тебе пококотничать, ни поиграть во флирт, не засомневаться: любит, не любит... Ее герои будут встречаться долго, по крайней мере — столько, сколько Она учится плавать, пока между ними что-то произойдёт.

Сегодня Вэл дал Ей водные очки и учит, как опускать голову в воду.

— Не бойтесь воды.

— Это вода меня боится.

— Лицо в воду вы уже опускали. Теперь опустите всю голову и пробудьте под водой пять секунд.

Она опустила голову в воду. Так странно смотреть под водой в очках. Сосчитала до пяти и вынырнула.

— А теперь попробуйте, плавая, опускать лицо в воду.

В отдельности у неё получается, а вместе — никак. Вэл отошёл к другим своим студентам-пловцам, а она стала плавать по своему и сочинять эпизоды для своего рассказа.

* *Мы хотим все и мы хотим это сейчас.*

** *Творожный кейк и яблочный пирог.*

В следующую субботу, можно и в воскресенье, Натали и Вэл пойдут на artwalk в район Little Italy, рядом с которым она живёт. Каждый первый уикенд месяца художники открывают свои студии для посетителей. Можно увидеть много интересного. Потрясающая галерея стекла. Даже в Венеции Она такой не видела: там фабрика, а здесь авторские работы. Есть и ювелирные изделия из стекла. Она всегда подходит к витрине ими полюбоваться, но быстро отходит, боясь вопроса продавщицы *May I help you?* *

Интересно, кто за такие безумные цены может их покупать? По дороге туда Натали закажет пиццу в ресторане *Mama Santa*. Само собой, Вэл не любит абстрактного искусства, а Натали нравится все современное.

Он снова пытается научить Ее плавать на спине, но Она то и дело вскакивает.

В рассказе обязательно должна быть сцена на природе. Нигде одинокий человек не чувствует так своего одиночества, как среди природы. Нигде он так не жаждет счастья. Натали и Вэл на берегу озера. Разделись. Оба стройные, красивые, а главное, молодые. Учение пошло Натали впрок: она прекрасно плавает, и Вэл смотрит на неё с восхищением. Выйдя из воды, сели есть ланч, который Натали заботливо принесла в корзиночке: бутерброды, фрукты, салфеточки — все так красиво уложено. Пусть здесь и произойдёт любовная сцена... Тяжело описывать ее тому, у кого она не состоялась. После войны они потеряли квартиру и жили все в одной комнате. Она стеснялась кого-нибудь к себе пригласить. Вспомнила, как гуляла с мальчиком на бульваре. Пошёл дождь, и они спрятались в парадной. Там на лестнице и целовались. Ну а дальше... в парадной, разумеется, ничего не могло произойти. То, что у неё происходило в жизни потом, лучше и не вспоминать: до того это было уродливо.

После страстных объятий и свершения Натали и Вэл лежат на траве и смотрят в синюю гладь неба. По небу плывут перистые облака, и они фантазируют на их тему.

— Вот замок, где заключена прекрасная принцесса, — произнёс Вэл.

— А это рыцарь во главе войска, который идет ее спасать, — заметила Натали. И положила голову на грудь любимому. Неосуществлённая её мечта.

Последний день занятий плаванием. Она подарила Вэлу книгу своих рассказов с надписью: «Хорошему тренеру от неудачного пловца». Он был польщен. Вэл раздал ученикам анкеты, где они должны были

* *Могут ли я вам помочь?*

дать оценку его занятиям. На все вопросы Она ответила знаком “А”, т.е. perfect. На следующий день пришла в бассейн просто поплавать, а заодно и придумать конец для своего рассказа. Сегодня Натали сделает Вэлу предложение. Она американская гражданка, и он должен согласиться. А дальше они будут жить, как в американской сказке, happily ever after.* Она, как всегда, пришла чуть раньше, а Вэла все нет и нет. На вышку сел незнакомый парень. Плавать стало неинтересно. Выйдя из воды, Она спросила:

- А где Вэл?
 - Finished.
 - Что значит finished?
 - Кончил работу и ушёл на каникулы.
 - И больше сюда не придет?
 - Нет
- Стало грустно.

Она научилась сильно «кикать» ногами и опускать лицо в воду. В бассейн она больше не ходит. Зачем?

2005 г.

* Счастливо.

ГЕРОЙ

Этот рассказ, написан еще в Советском Союзе в 1968 г. по следам чешских событий. Он оставался у меня в черновике и нигде не был опубликован. После перестройки мне удалось вывезти из России свой архив. Там был и этот рассказ.

Ему хотелось совершить что-нибудь такое, чтобы эти «дураки» наконец поняли: им не удалось Его оболванить. Вся их пропаганда и давление на личность — ничто. Он все равно думает иначе. Он носил свой кукиш в кармане и мысленно любовался им. За это время Он успел окончить институт, поступить на работу, приобрести стаж, жениться и даже произвести на свет двух детей. И все это время Он на что-то надеялся. То Ему казалось, умрет Сталин, и все вокруг изменится. В те годы Он был еще молод. Тиран умер, разоблачили «культ личности», но ничего от этого не изменилось. Разве, что теперь Он мог свободнее разговаривать со своими сотрудниками. То Он надеялся, что какая-то группа военных вот, вот устроит заговор, который должен принести Ему облегчение, то возлагал надежды на американцев, то ждал появления нового Наполеона, который спасет Его и страну.

Каждый день Он ходил на работу и выполнял все, что от Него там требовалось. За 20 лет стажа Он привык быть образцово послушным животным. Зато вечером Он преображался. Сбрасывая с себя дневной гнет, Он включал приемник, слушал иностранное радио и чувствовал себя человеком. Он и без них знал, каково Ему живется у себя на родине. Ни тебе свободы заниматься по — настоящему научной деятельностью, ни возможности посмотреть тот фильм или прочесть ту книгу, которую хочешь, не говоря уже о том, что нельзя высунуть нос зарубеж, попутешествовать, увидеть другие страны... Единственной свободой, которой Он обладал, была свобода молчать, и всю жизнь Он молчал, как рыба. Все-таки тот факт, что на Западе знают о Его страданиях, приносил Ему некоторое облегчение. Он черпал в этом моральную поддержку. Невыносимый гнет, который Он терпел, научил его радоваться всему, что подрывало авторитет Его страны в мире. Поссорились мы с Китаем — хорошо. Значит наступил раскол в коммунистическом движении и, может, скоро ненавистному режиму придет конец. Откололась от нас Албания — хорошо, ушла из под опеки Румыния — еще лучше... Он научился ненавидеть свою страну. Наслушавшись передач иностранного радио, Он, бывало, начинал

произносить про себя гневные филиппики: ругал руководителей своего правительства, разоблачал существующий порядок вещей... Но проходили годы, кругом ничего не менялось. Порядок вещей оставался прежним. И Он по-прежнему молча ходил на работу, на ту самую, куда Его распределили после окончания института. По вечерам, как всегда, слушал радио.

Однажды по иностранному радио передали: в Советском Союзе арестованы два писателя (никто не слышал их имен), которые в течение 10 лет под псевдонимами печатали свои произведения за-рубежом. Он не верил своим ушам. Неужели у нас в стране нашлись такие смельчаки? Правда, теперь эти смельчаки находились под следствием, но их арест всколыхнул весь мир. Он был уверен: мир не даст им погибнуть. Своим поступком эти два героя откроют дорогу на Запад произведениям других подпольных писателей, за советским интеллигентом утвердится право печататься, где он хочет. Каждый день радиоприемник приносил новости. Он жадно впитывал их в себя. Против «незаконного» ареста протестовали все: видные деятели культуры, студенты, коммунистические партии других стран...

Да что там мир... Даже сотрудники их Института, осмелев, написали письмо «к своему правительству» с просьбой освободить арестованных. Ему дали прочесть... и рядом с другими подписями Он поставил свою: Николай Павлицкий, почувствовав, что раз в жизни Ему все же удалось совершить нечто человеческое. Он продолжал жадно слушать передачи иностранного радио, которое старалось информировать советских граждан, и ловил сведения по «подводным каналам».

С нетерпением ожидал, что произойдет на суде. Впервые за всю историю советской власти подсудимые на политическом процессе не признали себя виновными. Коля узнал это от тех, кто присутствовал там в качестве свидетелей. И все три дня, пока длился суд, ходил именинником. Но «именины» скоро кончились. Несмотря на то, что вина подсудимых не была доказана, одному из них дали 7, а другому 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Мир продолжал протестовать и после вынесения приговора. В Москву приезжали отдельные видные деятели западной культуры. Целые корпорации просили советское правительство помиловать или хотя бы облегчить участь заключённых. Гнусное правительство оставалось непреклонным. Мир стал забывать их, занялся своими делами. Теперь Коля слушал по иностранному радио только последние известия.

Через несколько лет — снова суд. Какой-то литератор, известный

в «левых кругах» (Коля лично его не знал), собрал «Белую книгу»: материалы о предыдущем процессе, а трое других даже осмелились издавать подпольный журнал «Феникс 66». И снова Он с жадностью ловил информацию. Шума и крика на сей раз было меньше. «Бумажек» в Институте уже никто не подписывал. За них стали увольнять с работы. Жизнь стала совсем тоскливой. Некоторое время моральный дух Коли еще поддерживали польские писатели и студенты, которые устраивали сидячие ночные забастовки, желая этим добиться свободы. Но и с ними было покончено. На них натравили собственный рабочий класс. И снова никакой надежды...

А тут Чехословакия! Преобразования! Реформы! И подумать только, в стране отменили цензуру! Интеллигенция получила возможность высказываться... Казалось, еще немного и то же самое произойдет у нас...

Он никогда не читал советских газет, но сообщение ТАСС Он прочёл: «Пять стран Варшавского договора по просьбе чешских руководителей (какая чудовищная неправда) ввели свои войска на территорию Чехословакии, чтобы помочь чешскому народу (наглая ложь) справиться с контрреволюцией». Контрреволюционеры — это те, которые непрошено врываются в чужую страну, чтобы подавить там свободу. Мало того, что свободы нет у нас, так хотят ее задушить во всём мире. Это было похоже на то, что сделал Гитлер с той же Чехослованией в 1938 году.

В груди у Него всё клокотало. Он с трудом дождался вечера, чтобы включить приемник.

— Граждане, советские танки подходят к нашему зданию, — передавало чешское радио, — Мы вынуждены прекратить наши передачи.

Он понял, что никто из чешских граждан советские танки не приветствует, наоборот весь народ оказал им пассивное сопротивление. Он был так восхищён мужеством чешского народа, что в этот же вечер написал об этом стихотворение.

Назавтра у них в Институте устроили митинг. В актовом зале собрали сотрудников. Они должны были одобрить вступление наших войск в Чехословакию. Неужели Он и теперь молча проглотит этот кошмар, теперь, когда весь мир возмущен «нашим вторжением»? Хватит! 20 лет Он молчал. Другие могут молчать и дальше. Он больше не в силах. Он решил заговорить.

Своё выступление на митинге Николай Павлицкий начал так:

— Родину себе не выбирают, но мне стыдно за свою страну!

В зале пришло замешательство... После митинга члены партбю-

ро долго обсуждали «это выступление», не зная, что им делать.

Он пришел домой опьяненный. Никогда еще Он не чувствовал себя так превосходно, за всю жизнь у Него еще не было столь великолепного настроения. Взяв бумагу, кисточку и краски, Он написал плакат: «За нашу и вашу свободу!». Он решил идти с ним на Красную площадь. Теперь Он уже не мог остановиться.

Их было 7 человек, вышедших на площадь. И среди них был Он. Он чувствовал себя героем. Они сели у Мавзолея, и каждый развернул свой плакат: «Руки прочь от ЧССР!», «Свободу Дубчеку!», «Долой оккупантов!»... Сначала никто из окружающих не понял, кто они и чего собственно хотят. Потом к ним подошли какие-то люди и стали их избивать. Затем появилась милиция.

— Сидел бы ты, дурак, дома, — сказал Ему милиционер, — тогда бы мог жить спокойно.

Как-будто все 20 лет сознательной жизни, «сидя дома», Он «жил спокойно»...

Из милиции его отпустили. Вечером за ним прошли. Обыск был поверхностный. Черная краска и кисточка — Он и не думал их прятать — лежали сверху.

Именно в этот вечер друзья Его, еще не зная, что Он вышел на площадь, решили собраться у Него и обсудить, как вызволить Его из беды за столь необдуманное выступление на митинге. Друзей предупредила свояченица. Первая, узнав об обыске, она ждала их на углу улицы. Затем, прибежав домой, схватила колины стихи, посвященные мужественному чешскому народу, Он отдал их ей на хранение, хотела, было, их сжечь, но испугалась: пойдет дым, соседи могут подумать, что случился пожар, порвала их на мелкие кусочки, размочила в консервной баночке и, осторожно выйдя из дому, выбросила банку в помойку за овощным магазином.

Судили только пятерых. Двоих признали невменяемыми. Среди пятерых был Он. Он чувствовал себя счастливым и гордым. Им предъявили обвинение в нарушении общественного порядка, клевете и измышлении на советский строй.

Родственники наняли адвоката. Друзья тут же решили собирать деньги Его семье. Сотрудники постарались достать приличную характеристику с места работы. Ни блестящая речь адвоката, ни ссылки подсудимого на Конституцию СССР, в которой советскому человеку гарантируется право на свободу слова, печати и собраний, не сыграли никакой роли. Это был марионеточный суд, где все было предрешено. Коле дали три года. В последнем слове подсудимого Он сказал:

— Я чувствовал себя на Красной площади свободным и готов подарить вам за это три года.

Время идет, и жизнь продолжается. Пока длились следствие и суд, чехословацкие руководители, «вынужденные считаться с реальностью», ратифицировали договор, по которому в Чехословакии должно оставаться 100 тысяч войск стран Варшавского договора. 7 тысяч чешской интеллигенции эмигрировали, остальные боятся ареста.

Коля сидит в тюрьме. Сотрудники его каждый день ходят на работу. Друзья собирают деньги Его семье. Положение в Чехословакии, судя по советским газетам, «нормализуется».

Стихи, посвященные свободолюбивому чешскому народу, гниют в помойке за овощным магазином.

1968 г.

НА КОГО Я ПОХОЖА

ОПЫТ ЮМОРЕСКИ

В детстве мне говорили, что меня украли у цыган. Я верила и опасалась, вдруг цыгане захотят забрать меня обратно. Я не хотела ночевать у костра под открытым небом. Мне нравилось жить в нашей отдельной трехкомнатной квартире в Ленинграде, которую во время войны незаконно заняли, и в результате я очутилась в Москве в цыганских условиях коридорной коммуналки.

Как-то я шла по улице со школьным портфелем. Это было во 2 классе. У меня были черные волосы, заплетенные в две косички, заканчивающиеся колечками. Лент и бантиков я не носила.

— Смотрите, цыганочка в школу пошла, — воскликнул мне вслед какой-то дяденька.

А однажды меня не узнала родная мать. Я обула ее длинные, со шнурками сапожки, сохранившиеся еще с дореволюционных времен, натянула на себя три маминых платья, чтобы юбка была трехэтажная, как носят цыганки, и когда мама пришла с работы, встретила ее у дверей:

— Барыня, давай погадаю.

Мама не сразу сообразила, что перед ней родная дочь. Да что там... цыганский табор раз принял меня за цыганку. Это было в эвакуации на Урале. Я вместе с подругой работала летом на пункте по сбору грибов и ягод. Мы переплывали на пароме Каму. На паром сели цыгане. Смотрят на меня и шушукуются. Я была босиком, на шее у меня белели бусы, на голове кокетливо повязана косынка.

— Они тебя принимают за свою, — шепнула мне подруга.

Все цыгане, как и я, были босые. Только одна цыганка обута в тапочки, в ушах ее сверкали золотые серьги-кольца, на шее блестела золотая цепочка. И звали ее соответственно: Бриллианта. Рядом с ней сидел степенный цыган, ее муж, вожак табора. Бриллианта спрыгнула с парома в привязанную к нему лодку, где были два парня и стала с ними флиртовать. Муж и бровью не повел. Но и парни не обращали на нее внимания. Вернувшись на паром, она указала рукой на меня:

— Вот с кем надо заигрывать.

Мне было четырнадцать лет. А когда паром чуть-чуть не дошел до берега, и я стала перелезать через перила, другая цыганка пыталась оторвать от перил мои руки, чтобы я упала в воду. Они меня приревновали: я была в их стиле, но оказалась красивее.

Перед самой войной мама взяла меня на Кавказ. В Батуми грузин, у которого мы покупали мне сандалии из лосиной кожи, спросил маму:

— Эта девочка наша?

На голове у меня была ковровая тибетейка.

— Нет, моя! — ответила мама.

— Наша! — сказал грузин, как отрезал. — Отец, наверняка, наш.

Мама не стала спорить. А однажды двое грузин (я была уже взрослой, и было это в Москве), ругались при мне матом по-грузински, считая, что я нарочно не хочу признаваться, что я их национальности.

Так оно и шло. Когда я была в международном молодежном лагере «Ласточка» в Ереване, все кругом твердили, что я вылитая армянка. Стоило нашей группе через двенадцать дней переехать в Баку, как все хором стали уверять, что я... ну точно азербайджанка.

Сама я не нахожу, что похожа на кавказских женщин. Глаза у меня другие. У них — непроницаемые, как маслины, а в моих застыла мировая скорбь, запечатлелась трагедия народа, которого веками преследовали, изгоняли, душили в газовых камерах...

— Твою национальность можно опознать по пессимизму, — любила повторять сослуживица моих родителей и моя большая приятельница.

И тем не менее не было на Востоке народности, за которую бы меня не принимали. Раз на озере Иссык-Куль ко мне подошла группа туристок-пенсионеров:

— Тамара, вы случайно не японка? У вас даже походка японская.

Я носила тогда высокий шиньон, напоминающий японскую прическу. И стоило мне изменить прическу, как менялась и моя национальность.

Никогда не принимали меня только за самое себя, отчего я подчас вынуждена была выслушивать «комплименты» в адрес моего народа.

— А вот правильно Гитлер считал, что всех евреев уничтожить надо, — выдал мне однажды мой ученик 8 класса, когда мы остались с ним одни.

— Это почему же их надо уничтожать? — поинтересовалась я.

— Вам, наверное, мало приходилось с ними встречаться...

— Я сама еврейка, — огорошила я своего ученика.

Но он, увы, не смутился и продолжал развивать антисемитские теории.

Незадолго до эмиграции я отдыхала под Москвой в пансионате «Березки». Там одна дама, жена советского профессора и сама про-

фессорша, всерьез решила, что я турчанка и как-то раз мне поведала:

— Тамара, мы каждый день уходим в заповедник к ланям, чтобы не видеть эти еврейские рожи.

Можете себе представить интеллект этой «профессорши», которая, видимо, решила, что в подмосковный пансионат я попала прямоком из турецкого гарема. До сих пор не могу себе простить, что я ей тогда не ответила:

— А от вашей собственной рожи лани наутек не кидаются?

Впрочем, за турчанку меня приняли не единожды. Как-то мы с другой ночью у нее в квартире готовились к экзамену по греческой и римской литературе: читали «Освобожденный Прометей» Эсхила. Утром соседи резюмировали: «Был шабаш, и приходила какая-то турка». Я была в лыжных штанах.

Но самое забавное произошло со мной, когда в качестве эмигрантки я приземлилась в аэропорту Кеннеди. Я шла в толпе советских эмигрантов. Нас было человек 80. Я была единственная, кто нацепил на себя хиасовской значок. Остальные его не надели, боясь террористов. Я волновалась: меня не узнали уже в Вене. Вдруг ко мне подходит молодой человек в форме, служащий аэропорта, улыбается, берет за ручку и подводит совсем к другому окошечку: он решил, что я итальянка, приехала путешествовать в Америку и случайно затесалась не в свою группу.

И даже мои заокеанские соплеменники не желали принимать меня за свою.

— Вы совершенно не похожи на еврейку, — удивленно заметила моя американская волонтерша.

— Может, я не похожа на русскую еврейку, — робко возразила я, — но похожа на израильскую?

Она, объездившая весь мир, отрицательно покачала головой...

А одна моя соотечественница, тоже эмигрантка, увидев меня первый раз на уроках английского языка в Еврейском Центре, решила, что я «русская жена какого-то еврея». Я прожила в России большую часть своей жизни, я еврейка ассимилированная, воспитанная на русской культуре, которую люблю, я русский писатель. Но как можно, будучи «вылитой грузинкой, армянкой, азербайджанкой, цыганкой, турчанкой, японкой и...» походить одновременно на русскую?

Чаще всего я оказывалась похожей на испанку. В МГУ вместе со мной учились испанские дети — жертвы их гражданской войны. Все кругом думали, что и я «испанский ребенок». Однажды я пересдава-

ла экзамен. Я сидела около аудитории и ждала профессора. Рядом со мной сидела незнакомая девушка. Когда я с ней заговорила, она была поражена.

— А я приняла вас за испанку. Сажу и думаю: как она будет сдавать экзамен, ведь она, бедная, наверное, русского языка не знает.

— Вы итальянка или испанка? — спрашивали меня ученики, когда я, работая в Кливленде в системе «Паблик Скул» замещающим учителем, в очередной раз входила в класс.

— Я из России, — отвечала я, не вдаваясь в подробности. Мне надоело уточнять.

В Институте искусств, где я позировала для классов «живописный портрет», я как-то для экзотики накинула на плечи русский расписной платок.

— Это прекрасно! — восхитился преподаватель. — Это нечто испанское.

Предки его были родом из Барселоны.

— Это типично русский дизайн, — уточнила я. — Просто я в этой шали не выгляжу русской.

— Вы выглядите, как испанка.

— Это потому, что евреи вышли из Испании, — отпарировала я.

Не весь еврейский народ вышел из Испании. Обе мои фамилии: отца и матери — ашкеназийские. Не все испанские евреи, изгнанные из страны в 1492 году (как раз в тот год, когда снаряженная на деньги богатых еврейских купцов армада Колумба отправилась открывать Новый Свет), переселились в Марокко. Часть из них ушла в Португалию, Турцию, Болгарию, Германию, Польшу... В конце концов добрались и до России. Кто знает, может, и в моих жилах течет их кровь.

Словом, я купила туристическую путевку и поехала в Испанию искать свои корни, установить, на кого я, наконец, похожа.

Стюардессы и прочий обслуживающий персонал аэропорта стали со мной разговаривать по-испански уже в Нью-Йорке... и говорили так всю дорогу туда и обратно. Так что я, бедная, то и дело должна была оправдываться.

— Я не понимаю по-испански, — лепетала я. — Я говорю только по-английски.

О том, что я говорю еще и по-русски, я на время забыла.

В Испании, помимо осмотра многочисленных достопримечательностей, я впивалась взглядом в лицо каждой испанской женщины, решая свой гамлетовский вопрос: похожа или не похожа? Какое-то сходство есть. Ну хотя бы — маленький рост. Черные прямые волосы...

Правда, они у меня уже перестали быть прямыми: поредели, распушились и лежат волнами. Профиль похож... только до переносицы. Носы у них малость подлиннее моего. Он у меня хоть и прямой, но короткий. Это ведь только в России, где большинство носов — картошкой, считают, что отличительный признак еврея — длинный с горбинкой нос. В мире полно национальностей, у которых носы куда длиннее и горбатистей.

В Мадриде я увидела девушку ну точно с моим носом. Может, он у нее был чуточку потолще. Мало того, как и у меня в молодости, два верхних передних зуба у нее были длиннее остальных, и когда она говорила или улыбалась, чуть выдавались. Американская стоматология исправила мне этот недостаток. Девушка была гидом: она вела экскурсию в королевском дворце. И я, не понимая ни слова, она говорила по-испански, двигалась за ней от экспоната к экспонату, сравнивая ее с собой в юности. Такие же густые брови, как у меня, такие же ресницы... Лба я не могла разглядеть: он был закрыт челкой. Но у девушки была плотная кожа, более полный, чем у меня, чувственный рот... Она была необыкновенно хороша собой, бросалась за версту в глаза... но это была более грубая работа.

Я принадлежу к древнему народу, гораздо более древнему, чем те, с кем меня сравнивают. В чертах моего лица отразилась вековая культура. И мне надо было жить в такой дикой стране, как Советский Союз, где публика считала, что делает мне комплимент, когда говорит:

— Вы совершенно не похожи на еврейку, вы вылитая...

Подставляй любую другую национальность бывшего СССР... и глотай «комплимент».

Я не зря ездила в Испанию. Я нашла там свое «идентити». В городе Кордова, в бывшем в древности еврейском квартале, на узенькой улочке Маймонида, у стен полуразрушенной старинной синагоги в сувенирном ларьке «Сефард» я купила серебряную звездочку Давида... и буду ее носить, чтобы ни у кого не было сомнений, на кого я похожа.

1994 г.

СИНЯЯ ПТИЦА

ЮМОРЕСКА

Как-то в Ленинград, где я жила до войны, приехал на гастроли МХАТ. В числе прочих спектаклей играли и «Синюю птицу», мистическую пьесу Метерлинка, из которой «по системе Станиславского» сделали детскую сказку. Родители мои решили, что я обязательно должна посмотреть «Синюю птицу». Они решили это задолго до гастролей МХАТ/а/. Не знали, бедные, куда это меня, несчастную, уведет. Мне было тогда девять лет. С трудом достав билеты на спектакль, мама специально везла меня с дачи два с половиной часа в поезде.

Я сидела в театре, не шелохнувшись и, затаив дыхание, смотрела на сцену. Детям моего возраста, брату Тилю и сестре Митиль, снится сон: будто они покинули родимый дом и отправились на поиски Синей птицы. Теперь я запомнила, да это и неважно, зачем именно им понадобилась Синяя птица: кажется, чтобы вылечить больную девочку.

Где?! Где они найдут Синюю птицу? — думала я... и почему-то решила: ее должны найти в Царстве Ночи. Сцена погрузилась во мрак, поблескивали только нарисованные на декорациях звезды. Ребят встретила прекрасная Царица-Ночь, а кругом летали (не знаю, как это было сделано с точки зрения театральной техники) таинственные птицы. Но стоило ребятам такую птицу поймать, как она мгновенно в их руках становилась мертвой.

И каково же было мое удивление, разочарование и недоумение, вам этого не понять, когда в конце спектакля Синяя птица... оказалась дома. Правда, она очень быстро улетела, но это уже другая история. Я не поверила в это тогда... и не верила никогда: для меня Синяя птица всегда жила за морем.

Вот почему, друзья, я очутилась за океаном.

Я попала сюда в тот год, а может, годом раньше, когда Элизабет Тэйлор полетела в Союз для участия в советском фильме (Зачем ей это понадобилось?) по сказке, которую я смотрела в детстве. Она играла там Царицу-Ночь. В Москве Лиз заболела, и Ричард Бартон — ее великая любовь, с которым она к этому времени была уже разведена, прилетел к ней в Москву. Они снова поженились: и Лиз уже в который раз схватила за глотку Синюю птицу... в том месте (после войны мы жили в Москве), где я даже не пыталась искать.

Я не нашла здесь Синей птицы. Не всем же такое везение, как Лиз

Тэйлор. Мелькнув передо мной в Риме, где все мы ждали визы за океан, только птицы могут летать по миру без виз, она вильнула хвостом... и улетела в другую сторону. Ей, бедной, долго пришлось меня ждать.

Что ж, я научилась жить по-американски. Не мечтаю больше о пустяках. Проснусь утром, солнышко в окно светит, погода хорошая: температура +90 по Фаренгейту. Иду завтракать: ем «сириэл» с обезжиренным молоком и пью кофе... с сахарином. Второй раз, можно сказать, блокаду переживаю, на сей раз добровольно. Потом усаживаю себя за письменный стол и заставляю писать. Зачем? Что я с этого имею? Последние гроши на издание своих книг трачу. А покупают их только библиотеки. Наш брат-эмигрант, привыкши в Союзе платить за книгу 1 руб. 50 коп., на книгу за 15 долларов не раскошелится, даже если у него и есть деньги. Такое в его мозгу не укладывается. А молодежь, так та вообще перестала книжки читать. Им некогда... в погоне за Синей птицей.

В полдень вместе со всей Америкой ем ланч: жую тощий творог... с мацой вместо хлеба, хотя еврейская Пасха давно прошла. После ланча совершаю ритуальную прогулку: тащусь целую милю, а то и полторы, пешком в продуктовый магазин. Это вместо гимнастики. Прохожу мимо кафе-мороженого Баскин и Роббинс и решаю сакраментальный вопрос: есть или не есть мороженое? Решаю его почти как Гамлет свой: «Быть или не быть». Прихожу к выводу, что есть не стоит. Хоть Синей птицы у меня и не предвидится, а толстеть все равно не хочется. Иногда у витрин магазинов одежды останавливаюсь (внутри не захожу), моду изучаю. Это чтобы потом нечто похожее на благотворительных базарах в синагоге или церкви найти... за приемлемую для меня цену... до двух долларов.

Придя домой, готовлю обед немудреный, без разносолов: птиц мне кормить не надо. Обедаю и слушаю разговорное шоу с Филом Донахью. Они там иногда такое обсуждают, что с телевизором наедине краснеть приходится. Вчера, например, одна дамочка в сапогах и ковбойской шляпе, слегка прикрытая сеточкой, учила аудиторию, как делать стриптиз перед... собственным мужем, чтобы он тебя крепче любил. Синей птицы нема, вот и изощряются.

После обеда полтора часа слушаю и смотрю новости: где кого убили, где кого изнасиловали, над кем свершили праведный суд, а над кем и неправедный. Начинается с местных убийств и кончается бойней международной — Синюю птицу поделить не могут.

Такого наслушаешься... тошно становится. Начинаешь крутить кноп-

ку телевизора, у меня «кейбл», чтобы отвлечься. Наткнешься на что-нибудь вроде... даже названия не помню: что-то китайское.

Понимаешь, что чушь, а смотришь. В «мыльных операх» герои всегда находят Синюю птицу. Не «словили» в этом эпизоде, можно не волноваться: поймают в следующем.

По воскресеньям полдня убираю квартиру. Зато в субботу устраиваю себе развлечение: отправляюсь на очередной «гараж сейл». Купишь что-нибудь из домашней утвари за 50 центов... и радуешься, будто и в самом деле ухватил за хвост Синюю птицу.

Так вот и живу. Иногда вспоминаю свою племянницу. Когда ей было девять лет, я тоже повела ее на этот знаменитый спектакль во МХАТ.

— Леночка, как тебе понравилась «Синяя птица»? — спросила я ее, когда мы выходили из театра.

— Лучше бы мы пошли в кино, — деловито ответила Лена. — Дешевле стоит... и больше шансов увидеть детектив.

Наверное, лучше бы и мне было не смотреть в детстве этой сказки.

Друзья! Если вы нашли свою Синюю птицу, поделитесь со мной, как вам удалось ее поймать.

1994г.

ЗАМЕЩАЮЩИЙ УЧИТЕЛЬ

Вы, конечно, помните книгу Бэл Кауфман, внучки Шолом Алейхе-ма, «Вверх по лестнице, ведущей вниз», где она необычайно остроумно изобразила американскую школу. Книга пользовалась огромным успехом, по ней был снят фильм, Бэл Кауфман стала знаменитой. И вот через шесть лет после выхода в свет книги в 1971 году она решила вернуться в школу и посмотреть, что там делается. Школы, в которых ей доводилось теперь преподавать, были привилегированными. Пальто ее вешали в директорском кабинете, ланч она ела за особым столом... и сохранять инкогнито ей не удавалось. Ученики ее спрашивали:

— Вы про нас тоже будете писать книгу?

Тогда, вспомнив, что у нее сохранился школьный сертификат на ее прежнюю фамилию, она зарегистрировалась как Mrs. G. в восьмидесяти нью-йоркских школах в качестве *per diem Sub*, то есть однодневным замещающим учителем.

В американской школе есть такая система: когда по какой-либо причине отсутствует постоянный преподаватель, в класс приходит замещающий. Первый урок, на который ее послали, была гимнастика.

— Что я буду делать на уроке гимнастики? — недоуменно спросила Бэл Кауфман.

— Вам ничего не надо делать, — ответили ей. — Отмечайте присутствующих и свистите в свисток.

За четыре месяца работы Бэл Кауфман преподавала английский язык, французский, испанский, биологию, естествознание и даже счетоводство. Она пришла к выводу, что американская школа дошла до ручки. Как заметил ей один из преподавателей: «Ваша книга по сравнению с теперешней школой изображает утопию». Если раньше самым тяжким преступлением учеников было жевание на уроке резинки и курение в уборной, то теперь Бэл Кауфман была рада, когда в три часа дня покидала школу целой и невредимой. Не осталось больше никакого взаимопонимания между учителями и учениками. Нельзя ничего добиться любовью к детям, как это удавалось героине ее книги учительнице Сильвии Баррет. О своем разочаровании Бэл Кауфман написала статью «Снова вверх по лестнице, ведущей вниз» (*McCalls*, Feб. 1972), закончив ее словами: «Это не только журнальная статья, это прощание с Сильвией Баррет, которую я создала в лучшие времена».

Статья эта была переведена на русский язык и опубликована в

журнале «Иностранная литература». Случилось так, что перед своей эмиграцией в 1974-м году я эту статью прочла. Мне тогда только снилось, что я окажусь в Америке... и более того, сама буду здесь работать замещающим учителем. Но сны иногда сбываются.

Как и Бэл Кауфман, с семи часов утра я уже дежурила у телефона. В восемь, а то и позже раздавался звонок: мне сообщали адрес, а в 8:30 я уже должна была быть в школе. Я мчалась до угла улицы (машину я не вожу), садилась в автобус, потом пересаживалась в другой и кое — как добиралась до школы. Подобно Бэл Кауфман, сегодня я преподавала латынь, завтра — химию, послезавтра — немецкий язык. Когда я однажды замещала преподавателя кулинарии, друзья мои, зная, как я «люблю» и «умею» готовить, стали смеяться, что теперь я уже могу замещать президента.

В первой школе, в которую я попала, учились итальянцы вместе с черными. То еще сочетание. Они друг друга не выносят. Как-то на уроке музыки один из учеников крикнул:

— Драка!

Я увидела двух сцепившихся черных подростков. Не долго думая, я подошла к ним, просунулась между ними и развела их в разные стороны. Надо было видеть взгляд, которым меня смерил белый парень. Это уже потом я поняла: когда черные между собой дерутся, белым лучше не вмешиваться.

На уроке немецкого языка одна черная девочка стала причесывать другую, между прочим, еврейку. Попалась мне одна такая в классе. Евреи тоже иногда бывают бедными. И сколько я ни пыталась объяснить черной девочке, что школа — это не парикмахерская, она продолжала заниматься этим весь урок. А белая девочка боялась ей и слово сказать.

Та же черная на одном из уроков написала на доске: «Я вас ненавижу». Я расстроилась, а учительница французского языка меня успокоила, рассказав, что раньше она приходила в ее класс и писала на доске то же самое.

— Это типично, — объяснила мне коллега.

А раз она меня спросила: почему я второй день прихожу в том же платье. В Америке принято переодеваться на работу каждый день. Я же только переехала на новую квартиру, и у меня не было времени распаковать вещи.

— Это не твое дело, — ответила я ей.

— Нет, это мое дело, — сказала мне моя ученица. — Вы должны быть привлекательны.

Через несколько дней она сделала мне комплимент:

— У вас есть красивые вещи.

Я поняла, что из моего класса она не уйдет.

Как-то я дежурила в школьном кафетерии, где должна была раздавать талоны на бесплатный обед нуждающимся ученикам. Я бодро раздаю талоны, радуясь, что нет у меня проблем в понимании и произношении имен. Потом я узнала: пользуясь тем, что я не знаю их в лицо, ученики подошли ко мне, назвали чужие фамилии и получили бесплатный ланч те, кому он не полагался. Как вы понимаете, Америка от этого не обеднела.

А в одной из школ старшекласники на моем уроке уселись играть в карты.

— Если вы не прекратите, я сейчас же иду к директору!

— Мы это учтем, — ответил один из учеников, вынув из кармана и показав мне нож.

Ничего не оставалось, как сидеть тихо, будто не они, а я здесь ученик, и смотреть, как они играют в карты.

А однажды, это было в период моей работы в «паблик скул», у меня из рук вырвали сумку. Я шла мимо булочной. У входа стояли два подростка. Они мне показались подозрительными. Не успела я дойти до угла, как один толкнул меня так, что я упала в снег, а другой выхватил мою сумку. Там было всего четыре доллара, как раз столько, сколько им, вероятно, понадобилось, чтобы купить в булочной пирожные. Они стояли и ждали жертву. Ею оказалась я. Через несколько дней мне позвонили и сообщили, что мою сумку нашли в уборной «хайскул».

Вечером ко мне явились два детектива и показали мне альбом с фотографиями школьников. И тут я ахнула, если в Москве в школе, где я преподавала, на учете в милиции стояло несколько человек, то тут на учете в полиции была треть школы. И не только черные, но и белые. Я сказала, что никого не могу опознать.

И вот приезжает в Кливленд, город, где живу, Бэл Кауфман. Рассказывала о своем знаменитом деде, сыпала остротами из его книг и своими собственными, остроумия ей не занимать. В частности, рассказала эпизод, как, работая замещающим учителем, она однажды вдруг заговорила на родном русском языке:

— Это безобразие, как вы себя ведете! Мне стыдно за вас!

— Вы нам подходите, — ответил ей американский школьник. — Можете приходить завтра.

После выступления я к ней подошла и сказала, что ее книга пользо-

валась большим успехом в Советском Союзе.

— Я знаю... я была в России... Кроме книги, я написала статью...

— Я читала вашу статью.

— Вы читали?! — обрадовалась она.

— Теперь я работаю замещающим учителем, и все время вспоминаю вас.

— О, благодарю вас.

Она была тронута и крепко пожала мне руку.

1993 г.

НИКТО В АМЕРИКЕ ЭТОГО НЕ ДЕЛАЕТ

В американской психологической науке существует понятие: культурный шок. Употребляется здесь этот термин довольно часто. Вам, наверное, не раз приходилось слышать, иногда и в свой адрес: «С ним/ней произошел культурный шок». Имеется в виду, что человек, попавший в непривычную для него обстановку, чаще всего эмигрант из другой страны, сталкиваясь с американской действительностью, обалдевает.

Хочу рассказать две правдивые истории в которых действующее лицо действительно было повергнуто в шок.

Однажды со своей американской приятельницей, китайкой Син, у которой Она работает переводчицей, они поехали на ярмарку минералов, драгоценных камней и ювелирных украшений.

Это уже не в первый раз они вместе посещают такое мероприятие. Сошлись характерами: обе любят красивые вещи.

По дороге заехали в китайский продуктовый магазин, где Син в числе прочего купила сэндвичи с приготовленным по-китайски мясом.

На ярмарке они первым делом зашли в буфет: выпили по чашке кофе, съели сэндвичи и пошли смотреть на выставленные товары.

Ярмарка располагалась в огромном помещении, так что ее невозможно было окинуть одним взглядом. И чего только на ней не было: украшения из желтого и белого золота, платины, серебра, жемчуга, драгоценных и полудрагоценных камней... бусы, кулоны, серьги, браслеты, броши, цепочки, медальоны... всего не перечислишь. И было много оригинальных изделий, которых не встретишь в магазинах. Воистину, здесь можно было найти «то, чего нет на свете», как говорила в своих стихах Зинаида Гиппиус: «Хочу, то, чего нет на свете, Чего нет на свете».

Они с Син, договорившись встретиться через час, разошлись в разные стороны. Состоятельная Син пошла искать, чего нет в магазинах, а Она полюбоваться красивыми вещами, а может, и найти что-нибудь, что окажется и Ей по карману. Цены на ярмарке оптовые.

В Америке Она отучила себя тратить деньги на вещи, без которых можно обойтись. В Союзе, если Ей в художественных салонах или другом месте попадалось что-нибудь уникальное, Она, не задумываясь, покупала. Не то здесь. Постоянной работы у Нее нет. Она то преподает в университете русский язык, если пригласят, то работает у Син переводчиком, когда к той приезжает кто-нибудь из русских партнеров ее совместного с ними бизнеса. Платит Ей Син немного: 10

долл. в час. Но Она с самого начала решила: относиться к ней не как к работодателю, а как к подруге. У Нее не так много друзей-американцев. Так оно и получилось: они подружились. На основное денег Ей хватает, но раскошествовать не приходится: все время надо экономить. Да самой Ей ничего и не надо. «Драгоценности» Она покупает на «сейлах» в церквах или синагогах за 1-2 доллара. И между прочим, выглядит в них отлично. Так, по крайней мере, считают окружающие. Кто-то из французских модельеров сказал: «Быть красиво одетой — это всегда вопрос вкуса, а не денег». Допустим, что это так.

Вот только приближается день рождения сестры, которая осталась в России. Хотелось бы ей что-нибудь подарить. Син собирается скоро в Москву и сможет передать подарок.

Она ходила по ярмарке и приглядывалась, но все, что Ей нравилось, стоило дорого, не по Ее деньгам. Она уже было отчаялась найти что-нибудь подходящее, как вдруг увидела симпатичные цепочки, которые продавались всего за 2 доллара. Конечно, это не solid gold, а всего лишь позолота, но продавец уверяет, что она не сойдет. Подумала, что может подарить сестре кулон. Когда сестра гостила в Америке, и они ходили по нью-йорскому «Чайна таун», в одном магазине той понравился эмалевый медальон. Она хотела тут же его ей купить, но сестра запротестовала: не хотела, чтобы Она тратила деньги. Теперь сестры рядом нет, и никто Ей не помешает купить. Она приобрела цепочку и пошла искать кулон.

Длиннущий в несколько метров стол. Китаец продает жемчужные ожерелья, браслеты, нитки бус из аметиста, ляпис лазури, розового кварца... На другом конце стола Она увидела медальон, точно такой, какой понравился сестре.

— Сколько стоит медальон? — спросила она у правовца.

— Какой?.. Покажите.

Легко сказать «покажите». Хозяин стоит у одного конца стола и, не отходя, разговаривает с покупателями, а нужный Ей товар лежит на другом конце на расстоянии не менее пяти метров. Она взяла осторожно двумя пальцами медальон и поднесла его к китайцу.

— 5 долларов, — ответил ей он.

Цена для Нее подходящая. Она понесла медальон на место. А про себя восхищенно подумала: надо же, стоят столы, полные драгоценностей, и никто не ворует, как это было бы на Ее бывшей родине. Вот Она, например, запросто может положить этот медальон в карман, и никто не заметит. Она положила украшение на стол и откры-

ла сумку, чтобы вытащить только что купленную цепочку и посмотреть, пролезет ли та в ушко медальона. Неожиданно перед ней вырос полицейский.

— Вы положили что-то в сумку, — грозно произнес он.

Она, оторопев, вытаращила на него глаза, открыла от удивления рот... и пролепетала

— Are you crazy?!*

Полицейский даже не улыбнулся.

— Это цепочка, которую я купила вон там, — и зачем-то добавила: — за 2 доллара.

Очевидно затем, чтобы объяснить полицейскому: что и Она, бедная эмигрантка, может что-то купить, хотя и за 2 доллара.

— Держите руки над прилавком — посоветовал ей полицейский.

Они еще несколько минут недоуменно смотрели друг на друга. Потом он развел согнутые пальцы Ее левой руки (не хотел поверить в свою ошибку) и ничего не обнаружил, кроме промокшей бумажной салфетки, которой Она вытирала лицо (на ярмарке было жарко).

— Держите руки над прилавком, — еще раз строго сказал полицейский. И отошел.

Син, видевшая эту сцену, быстро подошла к ней.

— Что случилось?!

— Я полезла в сумку за цепочкой, чтобы примерить ее к медальону, а он подумал, что я что-то украла.

— Никто в Америке этого не делает.

В смысле: не примеряет это к тому и то к этому. Здесь стандартизация: заранее известно, какая дырка к чему подойдет. Это только Она является в магазин с одной тряпкой... и просит пропустить Ее с ней в примерочную, чтобы приложить ее к другой тряпке, которую собирается купить. Никак не изживет привычку подбирать вещи цвет в цвет, тон в тон, тютелька в тютельку. Еще когда эмигрируя, ехала через Италию, Она раз купила в Остии оранжевую купальную шапочку к своему белому в оранжевый горох купальному костюму. Придя домой, обнаружила: оттенок шапки не соответствует оттенку горошин. На завтра не поленилась, прихватив с собой купальник, потащиться по жаре в магазин. И целый час рылась там, пока не нашла нужный Ей оттенок. Показала обе шапки продавщице, жестиами объясняя (по-итальянски говорить не умела), почему хочет один товар поменять на другой. Продавщица без слов Ей обменяла, но при этом посмотрела на Нее, как на ненормальную.

* Вы в своем уме?!

В Америке существует понятие dress casual.* Наденет на себя какая-нибудь леди фиолетовые брюки, красный жакет, обуется в зеленые туфли, повяжет на шею желтый шарф и в таком виде выходит в свет, и хоть бы хны.

Настроение было испорчено. Пропала охота что бы то ни было покупать. Мало того, что Она не в состоянии приобрести что-нибудь действительно стоящее, дорогое... так Ее еще приняли за воровку. Неужели Она на нее походит?

Всю обратную дорогу Она молчала, отвечала односложно только на вопросы Син, купившей на ярмарке очень красивую (Ей она тоже понравилась) раскрашенную серебряную цепочку-ожерелье за 70 долларов.

Домой пришла расстроенная... и несколько дней не могла придти в себя.

Медальон сестре Она так и не подарила.

1997 г.

* *Случайная одежда*

КОШЕЛКА

Звонит мне раз моя соседка, 85-летняя эмигрантка из России, Мария Абрамовна и взволнованным голосом сообщает:

- Вы знаете, что со мной случилось!
- Что?! — испуганно спрашиваю я.
- Меня забрали в полицию.
- Вас?! В полицию?! За что?!
- Вы не заняты?
- Нет.
- Я сейчас иду к вам.

Мария Абрамовна вошла в мою квартиру и заплетающимся языком стала рассказывать.

— Поехала я, как обычно, с нашим автобусом (в домах по 8-ой программе жильцов организовано возят в магазин) в «Райнаст».

Так называется в нашем городе самый популярный супермаркет.

— Моя «махатейнес» попросила меня купить ей рыбу салмон, колбасу салями и голландский сыр.

— Зачем вы в вашем возрасте соглашаетесь на поручения?

— А что делать, если просят?.. Слушайте дальше. Я взяла с собой вот эту кошелочку.

Мария Абрамовна продемонстрировала мне холщевую сумку явно советского производства.

— Я всегда ее беру, чтобы не перепутать, кому что я покупаю.

— Мария Абрамовна, сколько лет вы живете в Америке?

— Пятнадцать... а что?

— И до сих пор не усвоили, что в американский супермаркет не ходят с русскими авоськами?

— А как я потом разберусь, сколько я платила за свои продукты и сколько за чужие?

— Для этого существует чек.

Мария Абрамовна даже обиделась:

— Это вы можете читать чеки, а я по-английски не понимаю. Так я кладу то, что меня просили купить, в кошелку, плачу отдельно и туда же кладу чек.

— Что было дальше?

— Дальше было вот что: я выложила из коляски на прилавок свои продукты, чуть подальше положила кошелку и сказала кассирше: «за это я буду платить отдельно». Она мне посчитала за мои продукты, я заплатила, их упаковали и положили мне в коляску. Потом я хотела

заплатить за то, что было в кошелке. Положила на прилавок деньги...

Мария Абрамовна продемонстрировала мне две 20-долларовые купюры.

— Деньги на прилавок не кладут. Их могут украсть.

— В это время в магазин с улицы вбежала наша жиличка, черная, высокая, что живет со мной на одном этаже, и крикнула: «Мария, автобус!» Я испугалась, что уходит автобус, машинально схватила деньги и кошелку. Не помню, чи я... чи продавщица положила ее в мою каляску — и к двери. Меня остановил работник магазина, забрал у меня кошелку, позвал полицейского, меня повезли в полицию, вызвали из Еврейского центра (благо он напротив) переводчицу, составили акт. Словом, что вам сказать... вот:

Мария Абрамовна протянула мне две официальные бумаги. На одной было написано, что такого-то числа в такое-то время в «Райнасте» по такому-то адресу служащий полиции по фамилии... при таком-то свидетеле, снова фамилия... задержал Марию Зильберман, которая намеревалась «повредить собственность хозяина на сумму 41 доллар, 3 цента.»

— Как назло, подукты были дорогие, — пояснила Мария Абрамовна.

На другой бумаге было указано число и время, когда Марии Зильберман надлежит явиться в Муниципальный суд по делу о мелкой краже. В случае неявки — на все ее имущество будет наложен штраф в 2000 долларов. О, Господи! — подумала я.

— Вы можете пойти со мной в суд? Не хочу, чтобы мои дети об этом знали. Они скажут: «Сиди, старая, дома. Мы будем покупать и приносить тебе продукты».

— И чем плохо?

— А что хорошего, — с сердцем возразила Мария Абрамовна, — сидеть в четырех стенах?! Куда я хожу, кроме магазина?..

Я согласилась и первым делом позвонила в организацию «Еврейский конгресс». Их юристы обслуживают неимущих бесплатно. Нам предложили адвоката, с которым я и договорилась встретиться в здании суда перед началом слушания дела.

Все эти несколько дней до указанной в повестке даты Мария Абрамовна не спала и почти ничего не ела. Одна картина ужаснее другой проплывала перед ее мысленным взором. Она уже видела себя заключенной в ГУЛАГ.

Меня между тем вызывали в офис нашего дома и расспрашивали: что случилось с миссис Зильберман? Почему ее забрали в полицию? Они о ней беспокоятся.

Наконец этот страшный для нее день настал. Мы пришли в здание суда. Марию Абрамовну зарегистрировали и дали ей подписать бумагу «Права и обязанности подсудимого». Единственное, что умела писать по-английски миссис Зильберман — это свое имя и фамилию. Я пробежала глазами эту бумажку и взяла экземпляр себе, чтобы на досуге ознакомиться. Кстати, я обратила внимание, что в Америке вместо слова «подсудимый» употребляют слово *defendant* т.е. «подзащитный». Здесь в противоположность России, где все наоборот, существует презумция невиновности. Преступника нельзя называть преступником до тех пор, пока суд его таковым не признает.

Между тем появился адвокат. Он оказался молодым и очень симпатичным мужчиной. Долго объяснять ему: что к чему не понадобилось. Он мгновенно понял суть дела и постарался нас успокоить:

— 80-летнюю женщину в тюрьму не посадят.

— Я не понимаю работников магазина, — заметила я. — Если они видели, что старушка что-то кладет в свою сумку, а это не положено, почему они не подошли к ней и не сказали: «Простите, мэ, этого делать нельзя.»

— Я не скажу, что я с вами не согласен, но это не те игры, в которые они играют.

— Выходит, они за ней следили, — возмутилась я. — Их действия были бы оправданы, если бы вместо нее была молодая особа.

Адвокат объяснил нам, что он не будет говорить *non guilty* т.е. «не виновен», ибо в этом случае понадобится судебный процесс с присяжными, а скажет *contest*. Я думала, что это слово употребляется только, когда речь идет о конкурсах. Оказалось, *contest* — значит, что ты «тягаешься» с обвинением, отстаивая свою правоту.

Открыли двери, и мы прошли в зал суда. Кроме моей соседки, были еще несколько подзащитных. Их по очереди вызывали, и они вместе со своими адвокатами подходили к столу, за которым сидела судья в мантии: белая женщина среднего возраста. Подошла очередь и Марии Зильберман. Мы все трое подошли к судье. Я представилась как переводчик. Судья прочитала вслух обвинение в мелкой краже, которое магазин «Райнаст» вчинил миссис Зильберман, задала Марии Абрамовне несколько вопросов, на которые та и ответила с помощью моих переводов. Адвокат произнес слово *contest*. Однако оказалось, что миссис Зильберман надлежит придти в суд еще раз. А пока ее направили к *probation officer*. Это инспектор, наблюдающий за поведением условно осужденных. Из этого мы поняли, что тюрьма, как и говорил адвокат, моей соседке не грозит. Если ее и осудят, то условно.

Инспектор оказался итальянцем. Он подробно расспрашивал Марию Абрамовну: с кем живет? Есть ли у нее дети? И так, как Мария Абрамовна категорически не хотела посвящать в это дело своих детей, мы солгали (да простит нам правосудие!), что ее дети живут в другом городе. Объясняя инспектору, как это случилось, что честную женщину приняли за воровку, я пыталась ему втолковать, что русская женщина не выходит из дома без кошелки. Она привыкла к этому в Советском Союзе: вдруг где-то что-то «дают».

Оказалось, что в Старом свете и итальянская женщина поступает так же.

Снова потянулись тяжкие для Марии Абрамовны дни ожидания. Как я ее ни успокаивала, она продолжала мысленно видеть себя в тюрьме.

Наконец день судебного заседания настал. В зале опять было много народа. На этот раз попросили подойти к судье только адвоката и меня как переводчицу для объяснения сути дела, поскольку сама Мария Абрамовна объяснить это не могла. По словам моей соседки, я желая доказать судье ее невиновность, с таким сердцем, так горячо и громко говорила (когда я волнуюсь, я начинаю говорить громче обычного), что все присутствовавшие меня слушали. Судья оказалась человеком: она все поняла.

— Здесь сказалась разница в культурах. У миссис Зильберман не было намерения что-то украсть.

И произнесла желанное нам слово *dismissed*, означающее, что «судебное преследование прекращается.»

— Поблагодарите судью, — шепнул мне адвокат.

Я сказала: *Thank you, your Honour.**

И мы, счастливые, вышли из зала суда.

На радостях Мария Абрамовна обняла адвоката и подарила ему, хотя он настаивал, что это — лишнее, маленький сувенирный самоварчик «Фор дайне киндерлах».

На этом, однако, дело не кончилось. Через несколько дней моя соседка получила письмо, где в категорической форме ей предлагалось в течение 30 дней уплатить магазину «Райнаст» за то, что она хотела унести без разрешения хозяина его собственность: товар на сумму 41 доллар, 3 цента — штраф в размере 200 долларов.

Ну и ну, — подумала я.

В противном случае ей предстоит гражданский суд (как 0 Джей Симпсону) за попытку кражи. И тут ей придется оплатить еще и судебные издержки.

* Благодарю вас, Ваша Честь

Я позвонила адвокату, и он попросил переслать это письмо ему. Когда Мария Абрамовна получила аналогичное письмо второй раз, где ей давался срок 7 дней на уплату штрафа, даже адвокат был поражен зловредной настырностью хозяина магазина «Райнаст».

— Second time?! Are you kidding?!* — спросил он меня по телефону.

Я переслала ему и это письмо, и он все уладил.

Кошелку свою Мария Абрамовна выбросила в «гарбидж», то бишь, на помойку.

1997 г.

* Второй раз?! Вы шутите?!

NEXT YEAR IN BOUTIQUE*

Дом у нас по восьмой программе — исключительный! Чего в нем только нет. Даже магазин подержанных вещей имеется. Одни жильцы приносят туда ненужное им барахло (одежду и прочее) — другие это нужное им барахло (одежду и прочее) покупают. И называется он у нас Snoop Shop.

В переводе: Snoop Shopping — «совать нос». Руководит этим магазином на волонтерских началах одна наша жиличка, черная, по имени Рорлин. Нас, русских эмигрантов, она не жалует. Сниму я с вешалки платье — не подходит — повешу назад, она обязательно подойдет и с раздражением поправит вешалку. Захочет моя приятельница (у нее большой размер) что-нибудь интересное купить...

— Это уже продано, — ехидно заявляет Рорлин.

На каждом собрании жильцов (оно бывает у нас раз в месяц) она отчитывается: сколько заработал Snoop Shop и передает эти деньги в нашу казну. Иногда здесь же на собрании устраивает лотерею. Так однажды я выиграла талончик на 50 центов в ее магазин. Пришла и увидела черную футболку на пуговичках, спрашиваю:

— Сколько стоит?

— 50 центов, — отвечает Рорлин.

Я даю ей талончик и беру футболку. Пошлю, думаю, ее племяннице в Москву. Через несколько дней встречает меня Рорлин у почтовых ящиков и злобным тоном произносит:

— Ты мне должна 50 центов: та футболка стоила доллар.

Разумеется, я с ней спорить не стала: занесла ей в Snoop Shop 50 центов. Когда я рассказала об этом другой черной, которая напротив к «нашим» хорошо относится, та стала меня уверять, что Рорлин вредная по натуре, и это ее проблема. Вообще-то, я ее понимаю: чтобы получить на старости лет пенсию и субсидируемую квартиру, они вкалывали всю жизнь, тогда как многие наши «эсэсайщики» не положили в этой стране и кирпича. Так что мы стараемся с ней не ссориться. Нет, нет да и сунем нос в наш Snoop Shop.

В прошлом году Рорлин впервые устроила в нашем доме «Показ мод». Жильцы демонстрировали свои наряды. Умора! А между тем шоу имело большой успех. Даже наш офис в нем участвовал в лице администратора и секретарши. А меня обошли: не только не пригласили, но даже и не информировали о готовящемся мероприятии. Наверное, потому, что я белая, самая из них худая, да еще и на лицо ничего, как считают окружающие. О «Показе мод» мне сообщила ло-

* В следующем году в бутике!

ьяльная негритянка.

— Я ей намекаю: а Таня? — рассказывает она мне, — а Рорлин молчит.

Молчит, и ладно. Навязываться — я не собираюсь. Мне ихний «Показ мод» нужен, как рыбе зонтик. Это же надо: в доме по восьмой программе, где живут старики и калеки, устраивать подобное зрелище. Только в Америке могут до такого додуматься.

Я здесь как-то по ТВ видела балет, исполняемый неподвижными больными на колясках. Да, да — это называлось «балет». А несколько лет назад родственница Кеннеди, мать Марии Шрайвер, той Шрайвер, которая замужем за знаменитым актером суперменом Шварценеггером, устроила Олимпийские игры для инвалидов. Надо было видеть эту картину: как после окончания игр, мадам Шрайвер, обнявшись с двумя парнями с болезнью Дауна, рассказываясь из стороны в сторону, пели *We shall overcome!** И она повторяла:

— Времена дискриминации кончились!

Конечно, если у тебя есть деньги — можно устраивать все, что угодно. Хорошо, что эти Олимпиады пока еще не приравняли к настоящим Олимпийским играм. Тенденция уравнивать больных со здоровыми имеется.

Гуманизм, как и демократия доведен здесь до абсурда. Женщина должна была родить двойню. Врачи установили с помощью рентгена, что один ребенок здоровый и полноценный, а другой — нет. Врач проделал сложную операцию: умертвил больного и неполноценного зародыша в утробе матери и дал возможность женщине родить здорового ребенка. Врача судили за убийство! Вы такое понимаете? А что здесь творится с подключением медицинских аппаратов к умирающему, чтобы не дать ему спокойно помереть. Молодец доктор Кеворкян: изобрел машину для прекращения жизни, а стало быть, и страданий неизлечимых больных. Осуществляет на свой страх и риск эвтаназию, разумеется, по отношению к тем, кто это сам желает. Его судят, а он не сдается. Что касается равенства черных с белыми, то их здесь переуравнивали. В точности, как в книге Оруэлла «Скотский хутор»: «Все животные равны, а некоторые (в романе — это свиньи) еще равнее». Черным всюду преимущества: при поступлении в колледжи... при получении там стипендии... при принятии на государственную службу... Хорошо, что частная собственность здесь имеется, а то пропал бы белый человек... совсем. А черным все мало. Хотят на свой лад весь мир перевернуть. Вон афроамериканские ученые проповедуют: незачем в школах и университетах изучать западную культуру».

* *Мы это преодолеем.*

туру. Это всего лишь культура белого мужчины. А посему зачем читать, например, Шекспира? Читать и изучать надо стихи некоей черной поэтессы: она черная и к тому же женщина, а что стихов писать не умеет — несущественная деталь. Культура бывает разная. А вообще-то, это — расизм наоборот.

На собрании жильцов отметили: «Показ мод» имел грандиозный успех и решили устроить его и в следующем году. На сей раз я себе сказала: дискриминации белого человека не потерплю. В конце концов, я живу в свободной стране. И заявила о своем желании участвовать.

Рорлин собрала нас, будущих манекенщиц, и объявила, что мы будем демонстрировать не свою одежду, а вещи из La femme Boutique. Ну, это совсем неинтересно, подумала я и хотела ретироваться, но побоялась, если я откажусь (нас и так всего пять человек), то Рорлин меня облает, и отношения окончательно будут испорчены.

— Ты что не покупаешь билета на наше шоу? — спросила она меня своим обычным недовольным тоном, когда я зашла в Snoop Shop.

Я опешила:

— А разве тем, кто демонстрирует, тоже нужен билет?

— А ты думаешь, все делается бесплатно?

Прожив, в Америке более двадцати лет, я, ей-Богу, так не думала.

— Я и то плачу.

— Пожалуйста, нет проблем.

Вынула два доллара и получила билет, на котором было написано: «Рорлин Купер представляет весенние моды от La femme Boutique такого-то числа в таком-то месте». Не иначе, как наша Рорлин вообразила себя Кристианом Диором.

— Я хочу, чтобы во время демонстрации ты распустила волосы.

Час от часу не легче.

— Я стара, чтобы ходить с распущенными волосами.

Вспомнила: как много лет назад впервые в жизни пошла в парикмахерскую покраситься: ранняя седина в нашей семье наследственная. Парикмахерша красить меня не хотела (насилу я ее упростила), а хотела меня постричь.

— Вас седина не старит, вас старит пучок.

— Вот я и хочу покраситься, чтобы можно было иногда ходить с распущенными волосами.

— Распущенные волосы — до двадцати, — безапелляционно заявила работник московской парикмахерской «Чародейка», пучок — до тридцати, а дальше — короткая стрижка. Или, как заметила моя

приятельница, — хоть помирай.

За два дня до «Показа мод» Рорлин повезла нас в La femme Boutique. Интересно, какой это магазин решил дать нам для демонстрации в основном пенсионерам свой товар?

Неужели кто-то надеется, что наши старушки будут это покупать? Небось привезет в какую-нибудь «лавку (так по-французски переводится слово boutique) с ношенными вещами. В связи с подорожанием таких «бутиков» развелось масса.

Мы приехали в пустынный район, который белые покинули, а черные еще не успели заселить. Хозяйка, как я и предполагала, оказалась негритянкой. А вот насчет вещей я ошиблась. Они были не только новыми, но и модельными: каждая в своем роде и в единственном числе. И стоили, начиная от 100 долларов. Хозяйка разрешила выбирать и примерять любой наряд, за исключением вещей белого цвета. Но что я могу здесь выбрать? Я с тоской оглядела магазин. Розово-алые, оранжевые, а то и ядовито-зеленые костюмы из синтетического шелка с аппликациями, платья, усыпанные блестками, прозрачные, шитые золотом, накидки... Если бы мне еще приплатили 100 долларов, я бы такое не надела. И вдобавок большинство вещей не моего размера.

Наши супермодели уже бойко примеряют, а я никак не могу найти хоть мало-мальски подходящее. Я открыла рот, чтобы спросить Рорлин, можно ли мне вместо демонстрировать свои собственные вещи, и тут же его закрыла. Если Рорлин хочет представлять товар из La femme Boutique, стало быть, у нее здесь свой бубновый интерес. Потом я узнала: одна наша новая жиличка оказалась подругой хозяйки этого магазина. А что с этого, кроме престижа, будет иметь Рорлин, я так и не поняла. Наконец я сняла с вешалки суровый полотняный костюм с длинной юбкой, черные атласные брюки со штрипками, к ним золотой вязаный свитер, а также взяла модное (один размер для всех) платье с многоэтажными широкими воланами стиль балахон из сверкающей синтетики.

— Ты уже подобрала себе? — спросила меня Рорлин.

Я примерила полотняный костюм.

— Как случайное — сойдет.

Черные брюки с золотым свитером, ворот у которого открывает чуть меньше половины груди, ей понравились очень. Еще бы — традиционная одежда чернокожих.

— Посмотрите на эту сексуальную леди! — обратилась она к окружающим.

Про платье с воланами сказала:

— Это будет как вечернее.

Через некоторое время дает мне примерить бледно-бежевый костюм из хлопка с аппликацией.

Вижу: он хотя и маленький, но мне велик. Ворот оползает на плечо.

— Тот костюм по размеру мне подходит больше.

— Ты возьмешь этот, — начальственным тоном отрезала Рорлин.

И мне ничего не осталось, как подчиниться. В самом деле, при чем здесь я и мой размер? Мы же демонстрируем товар La femme Boutique, а не сами себя. Я продолжала бродить по магазину и рассматривать вещи. Увидела еще одно платье покроя балахон, только меньшего размера.

— Можно, я его примерю? Оно такое же, как то.

— Не такое же, — отчеканила Рорлин. — То подходит после «файф о'клок», а это — нет.

Я поняла: спорить с «экспертом» — бесполезно. И когда мы уже шли к выходу, я заметила брусничного цвета шелковый пиджак — что гораздо лучше подошло бы к черным брюкам.

— Нет! — железно сказал наш диктатор.

И все засмеялись.

Назавтра у нас было производственное совещание и нечто вроде репетиции. Мы спустились на первый этаж в общественную комнату, где наш «супер», хотя у него был выходной день, по указке Рорлин расставлял столы, а выбранный жильцами президент сервировала их яркими бумажными салфетками и пластмассовыми приборами. Значит, будет и угощение. Билет для гостей не из нашего дома стоил пять долларов. И уж Рорлин постаралась разрекламировать этот «Показ мод» в своей церкви и всюду, где только могла.

Пришла жиличка, играющая на рояле.

— Мы что, будем ходить под музыку? — Испугалась я, видя, что дело принимает серьезный, оборот.

— Не задавай лишних вопросов, — оборвала меня Рорлин. — И смотри, чтобы я обруча на твоей голове не видела.

— А заколку можно

— И заколку нельзя.

— Ты хочешь, чтобы я выглядела, как старая ведьма?

— Что это с ней?! — возмутилась Рорлин. — Смотрите какие у нее красивые волосы. Я хочу, чтобы они у тебя разлетались.

Я, если куда иду, специально не мою голову, чтобы волосы лежали ровно. Но приказ есть приказ. Придется устроить внеочередную го-

ловомойку. Рорлин показала наш будущий маршрут: с какого места начинать шествовать, в какой точке покрутиться, где повернуться, как пройти между столами... Смотрю, наши супермодели ходят легко и картинно, виляя бедрами. А я, бестолочь, не могу даже уразуметь, каким плечом поводить, когда поворачиваешься вправо, и какое выставить, когда делаешь шаг влево. А уж крутить задом — с этим надо родиться.

— Таня, ты ходишь с печальным видом, — заметили мне — Надо улыбаться.

«Ведь улыбка — это флаг корабля» — вспомнила я песенку из любимого в детстве кинофильма. Я так сосредоточилась на «левая, правая где сторона», что о выражении своего лица и не подумала. Не забыть бы вовремя скалить зубы и произносить про себя слово, которое по-русски означает «сыр». Какой бес меня попутал втравиться в это «черное дело»? В нашем доме достаточно и белых жильцов, и никому, окромя меня, не пришло в голову разыгрывать из себя на старости лет манекенщицу. Не избежать мне позора.

Когда все в нашем доме уснули, а кое-кто и видел приятные сны, я на цыпочках, чтобы не услышали, пробралась в общественную комнату и стала репетировать. О ей-Богу, перед сдачей госэкзаменов в МГУ и даже перед интервью на получение американского гражданства я так не волновалась.

День шоу, как и всякий другой, настал. Мы собрались на первом этаже в нашей сверкающей чистотой и ароматной уборной, где есть зеркало и можно переодеваться. Принесли платья: вчера, в субботу, ими еще торговали. К каждому наряду я подобрала соответствующую бижутерию. У меня ее навалом. Выглянула в общественную комнату и ахнула: полный зал народу, все места заняты. Зашла Рорлин и объявила: в каком порядке мы будем выходить. От сеанса к сеансу она этот порядок меняла.

Выхожу на подиум. «Смело, товарищи, в ногу!»! Стараюсь ступать как можно непринужденнее. Покрутилась, повернулась, прохожу между столами, улыбаюсь, иду назад... и не верю своим ушам: за моей спиной раздались дружные аплодисменты. Отлегло от сердца. Дальше я уже ступала уверенно, как-будто и в самом деле родилась манекенщицей.

Из предложенного *La femme Boutique*, публике больше всего понравилось платье с воланами, которое выбрала и демонстрировала я. Когда я в нем проходила между столами, сидящие протягивали руки, стараясь поймать наклейку и узнать цену. Что ж, может, кто-нибудь и

захочет купить дорогое платье. Одна наша модель таки решила приобрести костюм, который демонстрировала. Черные к одежде относятся серьезно, не то что белые. Посмотреть, какие нарядные они идут в воскресенье в церковь: в шляпах, перчатках и даже в норковых накидках. Мой американский друг объяснял мне это так: когда у человека нет своего крупного бизнеса, приличной суммы в банке, виллы во Флориде, то ему хочется хотя бы ездить в машине, на которую обращают внимание и быть ярко и красиво одетым.

В конце «Показа мод» мы вышли одна за другой в вечерних туалетах и выстроились в ряд перед зрителями. Рорлин громко и при всем честном народе поблагодарила нас за участие.

— А мы хотим сказать «спасибо» тебе, — сообразила ввернуть я и захлопала в ладоши. Остальные модели последовали моему примеру. Когда, отнеся домой бижутерию, снова вышла в общественную комнату, я услышала голос Рорлин, стоявшей у стола с угощением:

— Таня, иди сюда!

И надо же! Поставила меня перед собой в очереди за куриными крылышками и салатом из тунца. Жаль только десерт уже был съеден. Но настроение мне это не испортило. Все меня хвалили, говорили, что я была на высоте. И я чувствовала себя, как олимпийский чемпион. Где это написано, что наслаждаться жизнью могут только молодые и здоровые? «Времена дискриминации кончились!» И не все ли равно, какого ты цвета? Жизнь есть соревнование. В будущем году снова буду участвовать в «Показе мод!».

1998 г.

ОЧЕРКИ

МОСКОВСКО-ПИТЕРСКИЕ КАРТИНКИ

В 1992 году, после долгих лет эмиграции, я посетила Москву и Петербург и опубликовала о своей поездке очерк в журнале «Вестник» и книгу «Сто дней в России», дневник с картинками. Через четыре года я снова побывала в родных когда-то пенатах.

Москву и Петербург не узнать, особенно Москву. Город стал относительно чистым. Часть домов вновь покрашена, некоторые реставрированы. Во многих местах идет ремонт и перестройка зданий. Приведенные в порядок старинные московские домики и церквушки, которые, живя там, я не замечала, заиграли вдруг яркими красками.

Реставрируют дома выборочно. Восстановили Храм Христа Спасителя. По мнению моего друга скульптора — зря. Храм не представлял художественной ценности, и денег на это ухлопали уйму. А вот Румянцевский особняк (Дом Пашкова) — старое здание Российской (бывшей Ленинской) государственной библиотеки — в полном смысле слова разваливается.

На Поклонной горе, в Парке Победы, где праздновалось ее 50-летие, возведен целый комплекс: скульптурная группа «Защитникам земли русской», монумент «Георгий Победоносец», Храм святого великомученика Георгия Победоносца, который мне очень понравился. Главный архитектор Москвы Зураб Церетели в своих работах соединяет русский и грузинский стили, а также элементы модернизма. Есть там монумент «Пропавшим без вести», стелла «Штык», высотой 141,8 м, символизирующая 1418 дней войны, Музей Великой Отечественной войны 1941-45 гг. и скульптурная композиция «Трагедия народов».

Изображена очередь наголо обритых мужчин, женщин и детей (фигуры выше человеческого роста), кто-то из родителей закрывает глаза детям. Напротив печь. Около нее валяются сделанные из камня ботинки, кукла... Явно имеется в виду Освенцим или другой лагерь уничтожения. Позади последней фигуры в беспорядке разбросаны камни с памятной надписью на русском и других языках народов бывшего СССР...

Почему такой эвфемизм? Только евреев и цыган Гитлер уничтожал по национальному признаку.

Собираются построить на Поклонной горе (уже построили) мечеть и синагогу. В Парке Победы разбита сеть фонтанов, есть ресторан «На Поклонной», кафе, ларьки с сувенирами, едой и питьем. Публика приезжает сюда не только почтить память погибших, но и отдохнуть, погулять...

Я слышала: на строительство всего комплекса истрчено 600 млн. долларов. Сумма умопомрачительная. Мэр Москвы Юрий Лужков божится, однако, что это левые деньги, что он никак не ущемляет (пойди, проверь) материальные интересы москвичей. Не иначе как Лужков сооружает себе рукотворный памятник.

При входе на Красную площадь возвели под старину красные ворота с узкими проходами, так что коммунаки не смогут больше устраивать на этой площади демонстрации. Рядом построили часовню Иверской Богоматери.

За воротами с фасадом на площадь появилась новая церковь — Казанский собор. Весь Манеж перед Красной площадью разрыт.

«Здесь будет город заложен» подземный в три этажа, которые собираются отделать под XVII, XVIII и XIX века — с ресторанами и магазинами. И опять мои знакомые художники возмущаются. По их мнению, из этого уголка Москвы, наиболее посещаемого туристами, следует убрать всякую торговлю, кроме продажи сувениров.

Здесь же, перед Историческим музеем, поставили памятник маршалу Жукову — банальный: герой на коне.

В Москве и Петербурге появились и другие памятники: на Пушкинском бульваре — Есенину и Высоцкому. На Неве, напротив печально известной тюрьмы «Кресты» — памятник жертвам политических репрессий работы А. Шемякина. Два сфинкса с изуродованными наполовину лицами стоят друг против друга. На гранитных постаментах выгравированы строки из произведений Солженицына, Ахматовой, Гумилева... У самых перил — каменный крест.

В Петергофе поставили памятник невинно убиенному царевичу Алексею.

На Литейном проспекте, в доме, где жил Бродский, висит (кто бы раньше мог подумать) его мемориальная доска.

Украсили оба города сделанные в Германии и поставленные для удобства на всех автобусных и троллейбусных остановках стеклянные кабинки со скамейками.

В Санкт-Петербурге, на Невском, появились будки с телефонными аппаратами, по которым можно звонить по карточке и за рубеж. Всюду пооткрывали пункты обмена валюты.

Но что действительно преобразило Москву и Питер — это многочисленные летние кафе со столиками под зонтиками, расположившиеся прямо на улицах. Теперь здесь, как и в Париже, можно уютно, сидя под открытым небом, что-то выпить и поесть. Такие кафе появились даже на дачных станциях. Ничего подобного ни в городе, ни

за городом раньше не было. В 1992 году идешь, бывало, по Москве, захочешь пить, с трудом найдешь бутылку лимонада. Открывать ее надо было о булыжник и пить из горлышка.

Баночка кока-колы и других наших напитков (отечественных в продаже не видела; газированная вода исчезла, как класс) стоит на наши деньги 50 центов. Для нас — нормальная цена. Для России, где средняя заработная плата 60 долларов, а пенсия и того меньше, — дороговато. Однако я наблюдала: многие покупают эти напитки и сидят в летних кафе — возможно, потому что и в Москве, и в Санкт-Петербурге большое количество как отечественных, так и иностранных туристов. По предложению Лужкова, в Москве открылись русские бистро с пирожками, расстегаями и другой полузабытой русской выпечкой.

Изменился лик толпы. Люди не кажутся больше такими хмурыми, лучше одеты. Стиль одежды приближается к нашему: свободный и простой. При входе в транспорт теперь не толкаются, не пихаются, не обзывают... Улыбаются на наш манер только продавцы покупателям.

На рынках и в магазинах полное изобилие. Нет только птичьего молока. Продукты и промтовары все импортные. Судя по торговле, непонятно, производит ли сегодня Россия что-либо, кроме сувениров.

Цены на продукты примерно в два раза ниже американских.

Если учесть мизерную пенсию и зарплату россиян, которую еще и задерживают подчас на несколько месяцев, то многим людям жить довольно трудно.

Цены в различных магазинах и на рынках — разные. И те, у кого мало денег, преимущественно пенсионеры, вынуждены гоняться по городу, чтобы сэкономить на каждом килограмме.

Одна особенность российской торговли: продавцы не упаковывают товар. Надо всюду приходиться со своими пакетами. В крайнем случае за пакет, как и за бумажный стаканчик, взимается дополнительная плата.

Барахолка исчезает. Торговля все больше и больше становится организованной. У продавцов на рынках теперь свои постоянные будки и палатки. На рынках висят «Правила торговли» и «Права покупателей». Не чувствуется более там засилья лиц кавказской национальности. Овощи и фрукты привозят из Московской области, Тулы, Рostова, Молдавии...

Любо-дорого глядеть, как крестьяне продают плоды своего труда. Есть и импортные фрукты, их мало покупают: они красивее на вид,

но безвкусные. Русские эту особенность американской еды уже поняли и теперь гоняются за отечественными продуктами.

Промтовары продаются в красиво оформленных салонах и торговых домах. В Москве, на углу Тверской улицы и площади им. Пушкина, есть магазин фирмы Levi's, где низвергается водопад, как в Трамп-Тауер в Нью-Йорке. Цены на одежду и обувь даже не американские, а как в самых дорогих европейских магазинах. Кто там покупает — не знаю. Увидела как-то красивую юбку, спросила сколько стоит. Продащица мне ответила:

— 200 долларов

— Долларов?! — удивилась я.

— Долларов, — отчеканила продавщица. — Это итальянская фирма.

Зашла в Петровский пассаж. Раньше там невозможно было толкнуться к прилавку. Теперь пусто, народа нет. Демонстрация-продажа импортных кухонь, да такой красоты и комфорта, каких я и в Америке не видывала.

Пошла в «Детский мир» (где очередь обычно устанавливалась с первого этажа по третий, и не одну из них я там в свое время выстояла за детским костюмом джерси — у меня маленькие рост и размер — или свитером, которые стоили в два раза дешевле, чем на взрослых). В 1992 году магазин был наполовину пуст, там продавали автомобили. Теперь здесь снова детский магазин. И чего в нем только нет! Какие платица и костюмчики! Какие туфельки и сапожки! Детские коляски, велосипеды, манежи, маленькие автомобили, бассейны с пальмами... Огромное количество великолепных игрушек. Мы таких в детстве даже не видели. Я ходила и восхищалась. Потом стала приценяться. Ползунок на грудного ребенка стоит 5-6 долларов, а костюмчик на 8-летнего 15-20 долларов.

И я вспомнила: в начале моей жизни в Америке со мной в одном доме жила эмигрантская пара, у которой родилась двойня. Детскую одежду им присылали из Ленинграда: в Союзе она стоила копейки. Теперь не так. Переняли западный образ жизни — платите за детские вещи в два раза дороже, чем за взрослые!

Когда я увидела китайские тапочки красного и сизо-голубого цвета, которые у нас не покупают, и цену на них 10 долларов, у нас они стоят, самое большое 5, я решила: мне пора оттуда уходить.

Перешла на другую сторону улицы. Рядом с памятником первопечатнику Ивану Федорову появились три причудливые, сделанные из черного зеркального стекла торговые палатки. В них я даже не за-

шла. Направилась в родной (когда-то я рядом с ним жила) ГУМ. Пройдя магазин «Роскошь», заглянула в фирменный продуктовый и увидела — колбаса салями стоит 10 долларов за кг.

В ГУМ/е/ был вывешен плакат: «Зонты из Лондона в Москве». В салон «Кристи», где объявили новую коллекцию женской одежды, стояла очередь длинноногих красоток. Есть в ГУМ/е/ и русские товары: гжель, матрешки, павло-посадские платки, янтарные изделия... Цены на все это дикие. Вышитый передник, за который в 1992 году я заплатила 2руб. 50 коп., теперь стоит 6 долларов. Да что передник! Цена на самую простую сорочку из ситца — 5 долларов.

Моя соседка поручила мне купить горчичники. В 1992 году они стоили 2 коп. за штуку. Теперь же они называются горчичными пакетами, завернуты по 20 штук в целлофан и стоят 1 доллар.

Беднота (две трети российского населения) отоваривается на многочисленных базарах и ярмарках. Самый популярный из них — Черкизовский рынок. Когда я там очутилась, у меня голова закружилась от количества барахла (в буквальном смысле этого слова) под открытым небом. Ничего подобного Москва не видела за всю свою 850-летнюю историю. Сюда так называемые челноки привозят дешевые и некачественные товары из Турции, Польши, Венгрии, Китая... Торгуют здесь также вьетнамцы, индусы и другие иностранцы.

Поздно вечером около метро, в подземных переходах, когда постоянные продавцы уже ушли, убрав свои столики, стоят люди и держат в руках батоны, сосиски, копченую селедку (кто во что горазд)... и продают эти, видимо, купленные в близлежащем магазине, продукты с небольшой накидкой. Для тех, кто не успел что-то вовремя купить (мы с сестрой раз так купили батон) — это хорошо. Однако смотреть на людей, которые занялись мелкой перепродажей, очевидно, не от хорошей жизни — тяжело и неприятно.

Тяжело смотреть и на нищих. Их за эти годы не убавилось. Существует мнение, что не все они — настоящие. По телевидению в одной из передач «Смехо-панорамы» ее ведущий Евгений Петросян пародировал нищенку:

— Отстала от поезда... в 1937 году. Ты кто — старший лейтенант? А я здесь от майора сижу. Ты меня не трожь, я на задании...

Я от души смеялась. Когда же вышла на улицу и увидела это явление воочию, стало не до смеха: сидит мальчик лет семи, на шее у него дощечка: «Помогите Христа ради. Хочу кушать».

Теперь не увидишь щитов со словами «Вперед к победе коммунизма»! Отовсюду на вас смотрят Синди Кроуфорд или Клаудия Шиф-

фер, рекламирующие косметику Revlon.

В Санкт-Петербурге я видела щит с такой рекламой: «Одежда для независимых и сильных»! И я подумала: нарождающийся в России капитализм — для независимых и сильных. А что делать слабым или, как их теперь принято называть, социально незащищенным?

В Петербурге я слышала анекдот:

— Как поживаете?

— Живем на три «д» — доедаем, донашиваем, доживаем.

Кто-то из русских журналистов додумался утверждать в прессе, что не бывает социально незащищенных: у родителей есть дети, у бабушек и дедушек — внуки, у каждого — родственники. Пусть они им и помогают.

В Москве тем, у кого маленькая пенсия, Лужков доплачивает. Для пенсионеров бесплатный городской транспорт, (в Питере и пригородный — электрички), половинная плата в кино, музеи, на экскурсии. Имеют повышенные пенсии и различные льготы (половинную плату за телефон) участники войны, инвалиды, блокадники. Моя кузина имеет Медаль за Оборону Ленинграда. Она получает повышенную пенсию, положенные ей льготы и, по существу, является кормильцем семьи.

В Москве, на Арбате, в кинотеатре «Художественный» каждый понедельник и вторник два утренних сеанса для пенсионеров — бесплатно. Все это — капля в море. Однако вспомним: при советской власти и того не было.

Немного о нынешних нравах на нашей бывшей родине. Мы читаем в газетах о том, что преступность в Россия возросла. Недавно передали, что в Москве убили американского бизнесмена, имевшего совместную фирму с русскими. Не иначе как это сделали (непосредственных убийц не нашли) его партнеры, с которыми он судился и выиграл дело. Как заметил комментатор: «Не сумев победить его юридически, они его убили».

Принято считать, что жертвами чаще всего оказываются члены различных мафий (при их разборках), богатые бизнесмены, видные журналисты, пытающиеся разоблачить коррупцию и рэкет.

А вот как эта криминальная атмосфера отражается на жизни обыкновенных российских граждан.

Мой двоюродный брат работал уже много лет главврачом в стоматологической поликлинике. Однажды, когда он прогуливал свою собачку, к нему подошел какой-то молодой человек и вежливым тоном заявил:

— Уйдите с работы. Вы нам мешаете. Нужно ваше рабочее место. Имейте в виду: мы также знаем, где ваша семья.

У него первая жена и дочь в США.

Брат заявил в милицию. Ему там сказали:

— Пока мы никаких мер принять не можем. Проследите, кто это.

Как-то ночью брата разбудил лай собаки: на лестнице у дверей его квартиры горел половик. Брат этот сигнал понял и решил уйти от греха подальше: подал заявление об уходе «по собственному желанию». Работает теперь в другой поликлинике простым врачом. Он знает, кому понадобилась его должность, но заявить об этом в правоохранительные органы боится. Они теперь никого не охраняют.

Внучка моей знакомой учится в школе с девочкой, отец которой был врачом и работал в морге. Препарируя один из трупов, он поставил диагноз — убийство. Бандиты, которые это убийство совершили, подкараулили врача и нанесли ему несколько ножевых ран. Врач погиб в результате исполнения служебных обязанностей. А что было ему делать: поставить неправильный диагноз? Могли уволить с работы.

У дочери моей приятельницы муж — бизнесмен. Его нельзя буквально назвать «новым русским», но живут они неплохо. Вот только двухкомнатная квартира им мала: подрастают две дочери. За стеной — такая же двухкомнатная квартира, только коммунальная. Живут в ней жилец и жиличка. Вот она и говорит зятю моей приятельницы:

— Давайте убьем соседа. Вы купите мне однокомнатную квартиру. А себе прорубите стену, и будет у вас большая хорошая квартира.

Решить таким образом жилищный вопрос эта особа советует, не стесняясь, и без тени юмора...

Квартира сегодня в Москве стоит не менее 100 тысяч долларов. И одинокие старики, имеющие квартиру, в полном смысле слова находятся в опасности.

Подкатывается к божьей старушке молодой человек приятной наружности с обходительными манерами и предлагает взять ее на содержание: он будет ежемесячно платить ей ту или иную сумму, а от нее требуется малость — завещать после ее смерти ему квартиру.

Бедная старушка, у которой не хватает денег на хлеб, соглашается. В один прекрасный день старушка исчезает... и ни милиция, ни ОМОН не могут найти ее следов. А квартира, по завещанию, переходит к ее законному владельцу. Все чин по чину.

Дело дошло до того, что милиция через газеты обратилась к одиноким старикам, советуя им быть поосторожнее.

И совсем уже анекдотическое. Племянница моей подруги, врач, вылечила одного азербайджанца. Ему — долго ставили неправильный диагноз, а она поставила правильный. И какие только в благодарность подарки он ей ни совал... Но она от всего отказывалась, и тогда он ей сказал:

— Вот тебе номер телефона: если понадобится кого-то убить — звони.

Все население Российской Федерации на сегодняшний день социально не защищено. Охранять себя надо (да и это не всегда помогает) с автоматом Калашникова.

Теперь о культуре.

Газет, в частности, правых, поубавилось, остались из них две крупные: «патриота» А.Проханова «Завтра» и «Лимонка», издаваемая нашим досточтимым Эдичкой, который, судя по всему, прочно осел в России, создав там свою партию национал-большевиков.

Из новых демократических газет появились «Коммерсант-Daily» и «Moscow Times» на английском языке. Выходит хорошо оформленный информативный и интересный журнал «Итоги» — совместное издание с американским News.

Сейчас в России издается много книг — не только развлекательно-го характера, но и серьезных. В частности, вышли серия поэтов Серебряного века, однотомник Пастернака (он теперь входит в школьную программу), стихи Бродского... Издают русскую и западную классику, литературу по истории, археологии, медицине... Книги по искусству оформлены не хуже, чем на Западе.

В Москве, на одном из стадионов, когда там нет спортивных соревнований, постоянно работает колоссальная, в несколько этажей, книжная ярмарка. Книги стоят не так дешево, как раньше, но все же в 5 раз дешевле, чем в Америке. Современную русскую прозу и произведения писателей эмигрантов по-прежнему печатают маленькие частные издательства, которые растут, как грибы, и так же быстро увядают. Петербургское издательство «Лимбус-Пресс» выпустило четыре тома произведений Довлатова, заработав на этом миллион долларов. Печально сознавать, что писателя признали на родине только после его смерти.

В книжных магазинах стали устраивать презентации на западный манер — встречи читателей с авторами. При мне были две: в Доме книги дочь Жукова подписывала его мемуары, и в магазине «Москва» Эдуард Лимонов ставил автограф на своей последней книге стихов «Мой отрицательный герой».

После 10 лет реставрации уже год как открыта Третьяковская галерея. Чтобы туда попасть, мы с подругой минут 15 стояли в очереди. Финны так реставрировали музей, что просто чудо: сохранив внешнюю старину, переделали залы. Теперь в них стеклянные потолки, великолепные современные люстры, нужная для сохранности картин температура. Слава Богу, из галереи убрали произведения соцреализма — советскую живопись 30-40-х годов и вынули из запасников не демонстрировавшиеся ранее картины классиков, а также имеющиеся немногочисленные работы так называемого первого авангарда: Кандинского, Малевича, Шагала (не знаю, можно ли и его причислять к авангарду) и других.

В новом выставочном зале на Крымском валу проходила выставка «Нонконформисты — второй русский авангард. 1955-1988». Картины привез из Кельна частный коллекционер. Не только почти все картины первого русского авангарда, но и лучшие работы второго авангарда находятся вне России.

Очень хотелось посмотреть в Большом театре балеты «Чайка» и «Анна Каренина», созданные Плисецкой. Увы, их там уже не ставят, очевидно, потому, что в России больше нет Плисецкой. Она теперь гражданка Литвы.

Сходила на «голубого и жеманного», как его там называют, Виктюка. Смотрела пьесу Ручелло (перевод с испанского) «Фердинандо». В ней — полный «джентльменский» набор: гуляющая пожилая дама, развратная старая дева, гомосексуалист-священник и прекрасный лицом и телом юноша-подонок, для которого главное в жизни — деньги. Неожиданно спектакль мне понравился, показался забавным. В противоположность тяжелым, как правило, постановкам русской сцены, он легко смотрится. Может, потому, что сопровождается легкой музыкой: испанские и мексиканские мелодии. Режиссер сам руководит музыкальным оформлением.

Театр Виктюка можно определить английским словом *entertainment*. Нет глубины, но есть «фан».

В старом МХАТ/е/ посмотрела пьесу Башевиса-Зингера «Тойбеле и ее демон». Прогресс — в классическом театре идет еврейская пьеса.

Еврейский театр «Шолом», напротив, не понравился. В нем мало еврейского.

Не имея хорошей современной драматургии, русские театры вернулись к классикам. Все те же старые перепевы, иногда на новый лад. Режиссеры кинулись на надоевшем зрителю материале создавать нечто новое, оригинальное, свое. У них это плохо получается.

У Любимова была премьера «Подросток» по роману Достоевского. В Театре на Юго-Западе поставили «На дне» Горького. Набирающий силу режиссер Фоменко растянул роман «Идиот» (снова Достоевский) аж на три спектакля (по 3 часа) с продолжением. Не всякий любитель театра может такое выдержать.

Идет много пьес А.Н.Островского. В одной из постановок этого автора («Без вины виноватые») действие происходит не на сцене, а прямо в буфете театра с ограниченным числом зрителей, которые как бы включены в игру.

Была шумная премьера с Константином Райкиным «Трехгрошовой оперы». Критика писала, что в спектакле даже и с таким талантливым актером было много блеска и треска, но мало глубины. Думаю, дело не в этом. Брехт написал свою пьесу в середине нашего века, русский театр вздумал ставить ее в конце века, когда и тема разоблачения капитализма и экспрессионизм устарели. То же самое я подумала, когда в Театре на Юго-Западе смотрела прекрасно сыгранную пьесу Сартра «Взаперти». Впервые его знаменитую формулу «Ад — это другие» я услышала в конце сороковых годов. Французский писатель Жан Поль Сартр в те времена в Советском Союзе был запрещенным.

Словом, культура в России «в поисках утраченного времени». Она задним числом хочет прожить непрожитую жизнь, а это, как известно, — невозможно.

Деятели культуры тоже в бедственном положении. Они устроили демонстрацию на Триумфальной площади рядом с памятником Маяковскому. Три оркестра играли траурный марш Шопена. Выступал поэт Вознесенский. На одном из плакатов было написано: «Правительство, ты пробовало жить на нашу зарплату»!

Работник Российской государственной библиотеки, принимавший в дар мои книги, сказал мне:

— Единственное, что мы можем, — это прислать вам благодарственное письмо, — подумал и добавил. — Но и письмо вам придется подождать. У нас нет денег на марки...

Когда я уезжала в Россию, коллеги и знакомые меня напутствовали:

— Разговаривайте побольше с простыми людьми, узнайте мнение народа о теперешней жизни.

Все, с кем я встречалась, были представителями интеллигенции. Большинство из них приемлет совершающиеся в России перемены, уповает на лучшее будущее и категорически не желает возврата к прошлому, то есть к советской власти. Все мои друзья и знакомые

голосовали, хотя и по принципу наименьшего зла, за Ельцина.

Я уже думала, что уеду, не услышав мнения «простого народа». Не тут-то было. Однажды «простой народ», вернее, его представитель, высказался на полную катушку. В редакции одного журнала мне оставили книги у охранника. Узнав, что я из Америки, он задал мне несколько информативных вопросов. Когда я уже взялась за ручку двери, он вслед мне недружелюбно произнес:

— Вы о нас плохо не пишете, нам и так плохо. И свободу оставьте в Америке. Она нам не нужна...

Я повернулась к нему, и он продолжил:

Вон в Америке 200 лет свобода...

— Так вы хотите, чтобы у вас за 10 лет стало так же хорошо, как в Америке?

— А у нас и было хорошо.

— Когда?

— Раньше.

— В сталинские времена, когда сажали?

— В сталинские времена никто не умирал с голоду, а теперь умирают — и не десятками, а сотнями.

Думаю, и тогда умирали с голоду, но об этом не писали в газетах и не передавали по радио. Я спросила охранника:

— Чем вы лично недовольны?

— А тем, что все время нахожусь в угнетенном состоянии, испытываю страх перед будущим за себя и за детей.

Разговор наш продолжался, и он заявил:

— Никто из уехавших писателей не стал гением.

Я ему в ответ дежурную фамилию:

— А Бродский?

— Это для вас он гений, а я его не понимаю.

Между нами грозил завязаться литературный спор, но охранника отвлекала текущая работа. Он махнул на меня рукой: ты, мол, все равно не поймешь. И я ушла.

Мой друг скульптор, когда я стала восхищаться переменами в Москве, меня прервал:

— Не навязывай нам свой образ жизни.

В России есть категория населения, которая всерьез считает, что перестройка — это дело рук Запада, сионистов, евреев-эмигрантов... а русскому народу она не нужна. И я поняла, вернее, нутром почувствовала, что вся эта демократическая интеллигенция находится на крохотном островке в море недовольства и недовольных, которым

ничего не стоит этот островок потопить.

И тем не менее капитализм в России родился, развивается... и его поступательное движение, независимо от того, кто станет президентом или будет у власти, — уже не остановить.

1997 г.

БРИГАНТИНА ПОДНИМАЕТ ПАРУСА

РАССКАЗ УЧАСТНИКА МАРША НА ВАШИНГТОН 14 АПРЕЛЯ, 1997 г

Они готовились к этой поездке долго. Собирали деньги на автобусы, решали, кто из представителей домов по 8-ой программе поедет. Устроили организационное собрание.

— Ехать могут только вполне здоровые люди, — сказал избранный ими руководитель.

Кто это в их возрасте вполне здоров?

— Обязательно захватите с собой нужные вам лекарства, телефон лечащего врача, медикейд и, у кого есть, медикер. Также возьмите с собой еду и питье. У нас не будет времени даже для забегаловок.

— К тому же, там дорого.

— Надо взять раскладные стулья: митинг будет длиться несколько часов. Не забудьте зонтики: мы не знаем, какая будет погода.

Закажем, чтобы была хорошая, — сострил кто-то.

— Наденьте головной убор, который бы защищал вас от ветра, солнца...

Местом сбора назначили стоянку машин у супермаркета. Когда соседка подвезла Ее туда в 7:30 утра, большинство участников марша из их города были уже в сборе.

Ну и вид у нас — подумала Она. С кошелками, кулерами, стульями, зонтами... они походили на эвакуированных во время войны.

Подошел автобус. Провели жеребьевку, кому на каком месте сидеть. Обошлось без споров: было много свободных мест. Кто-то в последний момент не смог поехать, кто-то испугался: вдруг их будет разгонять полиция.

Она села в автобус и почувствовала, что поет... да, да поет не громко — вполголоса, но поет... и не что-нибудь, а «Бригантину».

Как давно Она не пела эту песню, неофициальный гимн филологического факультета МГУ, где училась. Песня на слова поэта — романтика, погибшего на фронте, Павла Когана.

Песня была антисоветской. К счастью, этого не понимали их комсомольские вожди а, между тем, это было ясно.

«В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса»

Что это за «дальнее синее море»? Где оно находится географически?

«Пьем за яростных, за непокорных,
За презревших грошевый уют».

Какой еще уют можно было назвать «грошевым», как не советский?

Они пели «Бригантину», когда работали летом в колхозе, помогая убирать хлеб, на субботах, пели на привалах в туристических походах, на вечеринках ...А Она пела ее всегда, особенно в трудные минуты.

«И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса».

Во время оттепели «Бригантина» из полулегальной песни превратилась в легальную.

Однажды Она увидела по ТВ под звуки «Бригантины» рыболовный советский траулер. Ей показалось это кощунством, и с тех пор этой песни Она больше не пела. А потом Она эмигрировала «за дальнейшее синее море» и стала петь другие песни.

И вот Она снова вспомнила и запела «Бригантину». Вместе с Ней в автобусе соотечественники. Многие в Америке недавно. Бежали от хаоса, в который погрузилась бывшая Страна Советов. Настроение у всех приподнятое.

Они едут в Вашингтон, принимают участие в Марше. Американская Ассоциация евреев из бывшего СССР организует демонстрацию перед Капитолием с требованием изменить «Акт о персональной ответственности 1996 г.», который ущемляет права стариков и инвалидов, не успевших или не могущих из-за возраста, болезни, незнания английского языка сдать экзамен на гражданство. Если закон этот войдет в силу, он может лишить их денежного пособия, оставить бездомными и без медицинской помощи.

Ее лично этот акт не касается. Она уже восемнадцать лет американская гражданка. Но Она счастлива, что может внести и свою лепту: выразить вашингтонским законодателям свой протест.

По дороге среди будущих участников Марша, как водится, разгорелся извечный спор: должна ли Америка нам помогать? Одни с пеной у рта пытались доказать, что «обязана, раз она нас приняла». Другие скептически замечали: «Нас сюда никто не звал. Мы, что называется, и гвоздя в этой стране не вбили». «Дети наши работают и платят налоги» — говорили одни. «Пусть они вас и содержат» — воз-

ражали другие.

Если разобраться: «содержать» их должна бы та страна, которую они покинули, где каждый проработал 30, а иные и 50 лет. Почему Америка платит пенсию тем, кто в ней работал, даже если они теперь живут в другом государстве, а Россия — нет?

В Вашингтоне уже весна. Цветет вишня — любимое дерево первого американского президента. Город выглядит необычайно светлым и праздничным. Толпы туристов.

Они прибыли к Капитолию в одиннадцать часов утра. Митинг должен был начаться в 12:30. Первый, кого они увидели, был корреспондент из России, прилетел специально для такого случая. Еще бы! Сестра ей из Москвы сообщила, что российские газеты пишут, будто в Америке пожилые люди-иммигранты, не имеющие гражданства, уже с августа 1996 года не получают пособий. Она написала сестре, что это вранье.

Подъезжают один за другим автобусы: только из Нью-Йорка более двух десятков. Из них выходят и тянутся к Капитолию вереницы пожилых людей со складными стульями. Она для этой цели взяла коврик. Приехали иммигранты из многих штатов. Среди участников Марша ветераны войны с многочисленными орденами. Многие держат в руках плакаты и лозунги: «Дайте нам время стать гражданами», «Америка всегда была страной иммигрантов», «Иммигранты обогащают Америку», «62500 иммигрантов служат в армии США», «Цивилизованные граждане заботятся о своих стариках». Вот один мужчина держит плакат: «Вместо американской мечты — бездомность и смерть». Это уже слишком.

В Америке тебе с голоду умереть не дадут и без крова не оставят. Кто-нибудь да поможет. Так было с Ее отцом. Он приехал сюда, когда Она уже была гражданкой, и потому не получил статус беженца. Три года он не имел права на государственные пособия. Что ж, еврейская община давала ему 150 долларов в месяц, лечили его бесплатно в еврейском госпитале, община заплатила за его слуховой аппарат. Черная женщина, приходившая в ЖСС оформлять иммигрантам фудстемпы и медикейд, давала ему 70 фудстемпов. Они так с отцом и не поняли, нарушала ли та закон?

Самый интеллигентный лозунг у Нее: «Спасибо Америке за предоставленное убежище».

На ступенях Капитолия появился клезмер — маленький еврейский оркестрик из двух мужчин и одной женщины. Сыграли и спели песни «Ясси Шалом», «Хадгадь», которые поют на Пасхальном седере. При-

ближалась еврейская Пасха. Потом прозвучала с подходящими к случаю словами, популярная американская песня: «This land is your land, this land is my land». Иврит сменялся идишем, идиш — английским.

Когда заиграла музыка, Ей стало весело. Она смотрела на Капитолий и вспоминала, как когда-то в детстве ходила с мамой на Первомайскую демонстрацию. Жили они тогда в Ленинграде на Васильевском острове, и мама работала на фабрике «Красное знамя». Обычно они шли на одиннадцатую линию встречать колонны демонстрантов. Работниц трикотажно-чулочной фабрики было легко узнать: на них были одинаковые шелковые косынки, которые им дарила на праздник фабрика. Они с мамой примыкали к их коллоне. Иногда приходилось долго стоять, потом бежать... Зато как Ей нравилось проходить по площади Урицкого (Слава Богу она снова называется Дворцовой), где стояли матросы с флажками, отделяя одну линию демонстрантов от другой. В детстве Она думала, что это делается для красоты, повзрослев, уразумела — для безопасности вождей, стоявших на трибуне. После демонстрации они добирались к себе на Васильевский: улицы были перекрыты, трамваи не ходили. Домой возвращались смертельно усталые. И все-таки когда наступал Первомай, Она просила маму: «Возьми меня на демонстрацию».

Могла ли Она, семилетняя девочка, тогда представить себе, что когда-нибудь будет принимать участие в демонстрации перед американским Капитолием и не по принуждению (став взрослой, она поняла фальшь советских демонстраций), а добровольно.

Заиграли американский гимн. Все встали. Митинг начался.

Первым обратился к участникам Марша президент Национального Совета защиты евреев Иозеф Абрамович. Ее умилило, что он был в ермолке. «Вы пришли сюда, — сказал он, — чтобы осуществить право, которого были лишены в странах, откуда бежали, конституционное право обращения к правительству с требованием исправить несправедливость». Он предложил, «чтобы Конгресс немедленно принял, а президент немедленно подписал чрезвычайное законодательство о продлении льгот иммигрантам». Потом их приветствовал Президент Американской Ассоциации евреев из бывшего СССР Леонид Стонов. Он произнес умную прочувствованную речь, процитировав слова известного американского философа и раввина Абрахама Джорша Кэйшела: «О стране судят по тому, как она обращается со своими стариками». «Поэтому, восстанавливая справедливость, мы не только совершим гуманный акт, но мы поднимем имидж Америки во всем мире как самой высоко моральной страны. Америка должна оставаться

и впредь маяком демократии, бастионом свободы и справедливости для всех».

Выступали другие ораторы: русские иммигранты и американцы. К сожалению, она не запомнила всех имен. Речи русских были расплывчатые, они в основном жаловались, американцы вносили конкретные предложения.

Выступил представитель Еврейской Федерации Нью-Йорка Роланд

Соловей: «Много лет я участвовал в демонстрациях на ступенях этого Конгресса с лозунгом «Отпусти народ мой»! выступая за то, чтобы вы и ваши дети приехали на эти берега в поисках работы, счастья, и справедливости... Это не в первый раз страна переживает истерию, направленную против эмигрантов. Так было в 1850-ом году и в 1924. Если бы закон, на подобие того, который принят сейчас, не был бы принят тогда, по крайней мере два миллиона из шести, погибших в немецко-фашистских застенках, остались бы живы. Мы не должны допустить, чтобы случилось нечто подобное... Оратор призвал объединяться с другими общинами: китайской, латино-американской, азиатской... «Вместе мы обязательно выйграем».

Черная женщина — конгрессмен произнесла: «Я благодарна Комитету объединения за права советских евреев за то, что они устроили этот митинг... Я не говорю по-русски, а вы еще плохо знаете английский, но чувства у нас — одни. Боритесь за свои права! Это Америка! Вы должны победить»!

Представитель Американско-Еврейского Комитета Марк Пейсахович говорил: «От имени моего отца и от имени моей матери, которые приехали сюда, спасаясь от погромов, из Одессы, от имени всех иммигрантов, будь они евреями, или нет. Я борюсь за свою страну, за то, чтобы вернуть ее законодательству настоящее лицо, ибо Америка — это страна иммигрантов»

Выступали конгрессмен — латиноамериканец и эмигрантка с Кубы.

Свою речь она произнесла дважды: по-английски и на испанском. Русских, кстати, было больше всех.

На трибуну поднялся президент Ассоциации ветеранов войны Розенберг: вся грудь в орденах, на голове — американская пилотка. «Если бы не ветераны войны, нас бы вообще не было. Я встречался с американцами на Ельбе. Тогда они нас не спрашивали: знаем ли мы английский язык»

Митинг продолжается, один оратор сменяет другого. Печет солнце: хорошо, что Она надела козырек. Хочется есть: уже три часа (завтракали они в семь утра), вынула из сумки бутерброд.

Выступает женщина, пережившая Катастрофу, рассказывает, как на Украине немецкие фашисты расстреляли ее мать, бабушка умерла от голода и холода, когда они прятались в катакомбах. Сама она маленькой девочкой попала в концлагерь и чудом осталась жива. Женщине кто-то сделал замечание, что она долго говорит. Она нервно огрызнулась «Don't tuch me»!*

Потом все хором скандировали: «Что мы хотим»?! «Мы хотим сочувствия»?!

Были и представители молодежи. Две студентки говорили о том, что законы надо строить на основе социальной гармонии, а не социального дарвинизма, когда выживают только молодые, здоровые и сильные. Митинг длился до четырех часов и закончился выступлением двенадцатилетней девочки, говорившей от имени своей восьмидесятилетней прабабушки, которая потеряла все во время войны в Советском Союзе и может потерять все в Америке.

Несмотря на сильную усталость, ей было радостно, что Она приняла участие в Марше. Русскоязычная община, наконец, во весь голос заявила о своем существовании. А это кое-что значит.

На обратном пути в автобусе она снова напевала «Бригантину».

Через несколько дней, как и все, узнала, что американский Конгресс намерен вновь вернуться к рассмотрению вопроса о пособиях пожилым и больным легальным иммигрантам, приехавшим в Америку до 22 августа 1996 года, даже если они не граждане этой страны. Неужели это мы помогли своими петициями, письмами и Маршем? А впрочем, какая разница? Все должно закончиться, как в американских фильмах счастливым концом. Этого требует справедливость.

И вместо «Бригантины» Она громко запела: «God Bless America, my home, sweet home!»

1997 г.

* Не трогайте меня!

КАК МЕНЯ НЕ ПУСТИЛИ ПРОТЕСТОВАТЬ

Этим летом, что называется, на заре XXI века наш достопримечательный город Кливленд решили удостоить своим посещением и выступить перед Центром Правосудия члены Ку-Клукс-Клана. Давно их здесь не видели: говорят, с 20-х годов.

Мы, бывшие советские люди, знали их только по американским кинофильмам. Но и с экрана они наводили на нас ужас, когда появлялись в своих белых балахонах, точно привидения, с масками на лицах, конусообразными головными уборами, сжигали на холме или перед домом неугодного им человека, чаще негра, крест. Если тому не удавалось, или он не хотел бежать, хватали его и устраивали над ним суд Линча, то есть самосуд, избивали до полусмерти, калечили и часто убивали.

Это белые супрематисты, которые и по сей день считают, что в мире должна господствовать белая раса. Другие расы, в том числе и евреи, с их точки зрения — неполноценны.

Впервые создали эту организацию шесть бывших солдат-конфедератов в 1866 году, сразу после окончания Гражданской войны в Америке, в результате которой в южных штатах было отменено рабство.

В 1867 году члены Ку-Клукс-Клана собрались на подпольную конвенцию и провозгласили Клан Невидимой империей. Во главе ее стоял Колдун, 10 джинов — его помощники. Дракон с восемью гидрами. Титан с шестью фуриями и Циклоп с двумя ночными ястребами. Одни названия чего стоят.

В 1868 году под руководством бывшего генерала-конфедерата Натана Бедфорда Форреста ККК стала политической организацией, преследовавшей негров и их белых покровителей. Хотя «клановцы» и присягали на верность конституции Соединенных Штатов, действовали они по существу в разрез с ней. «Клановцы» хотели отнять у бывших рабов только что полученные ими права: были против того, чтобы негры голосовали, занимали должности в офисах, становились политическими деятелями и вообще принимали равноправное участие в жизни американского общества.

Подпольная организация ККК росла, местные ее отделения становились неуправляемыми. Форрест утратил над ней контроль, испугался и дал приказ членам ее распуститься. Этот приказ не был выполнен. «Клановцы» продолжали действовать, проявляя насилие, сами по себе. В 1871 году Конгресс издал силовой закон о проведении в жизнь 14-ой поправки к Конституции США, гарантировавшей права

всем гражданам. В том же году тогдашний президент Улисс Грант объявил ККК вне закона. Многие «клановцы» были в то время арестованы.

После Первой мировой войны в связи с развитием экономики, когда происходила миграция населения, «клановцы» появились и в северных штатах.

В 1915 году Невидимая империя, Воинство Ку-Клукс-Клана, возродилась. Во главе ее стал протестантский проповедник Вильям Симмонс. «Клановцы» преследовали всех, кого они считали разрушителями американского общества: негров, евреев, либералов, членов профсоюзов, бастующих рабочих... В некоторых районах они устраивали парадные шествия по улицам, снова сжигали кресты, пугая своих будущих жертв, и продолжали свое черное дело: похищали неугодных им людей и устраивали над ними суд Линча. В 1921 году после многочисленных статей в прессе Конгресс начал расследование преступных действий Ку-Клукс-Клана. На это время «клановцы» изменили свою тактику. Быстро росло количество членов ККК, а вместе с ними и их политическое влияние по всей стране. В 1924 году ККК достиг своего пика. Их исчислялось 3 миллиона. В этом же году резолюция Демократической партии: осудить и запретить Клан провалилась. Однако в середине 20-х годов росла политическая оппозиция Ку-Клукс-Клану. «Клановцы» стали терять свое влияние среди населения, количество их членов уменьшилось до нескольких тысяч. В 40-е годы Ку-Клукс-Клан получал не только идеологическую поддержку, но и финансовую помощь от нацистского правительства Германии.

После Второй мировой войны Клан раскололся на несколько организаций. Иногда эти образования существовали лишь короткое время.

В 50-60-е годы, время борьбы за равные гражданские права и десегрегацию школ, «клановцы» снова оживились. После Акта о Гражданских Правах США возросло количество членов ККК до 40 тысяч в 1965 году. Но население стало давать им отпор. Происходили столкновения членов, ККК с контрдемонстрантами. Часто в это, чтобы навести порядок, должна была вмешиваться полиция. Победили сторонники гражданского равноправия. В 1976 году членов Клана насчитывалось всего две тысячи. В 70-е годы Клан изменил свое поведение. Члены его стали появляться на публике в цивилизованной одежде, без балахонов. Стали добиваться выборных должностей на Юге, как, например, Дэвид Дюкк.

Сегодня их осталось несколько мелких разрозненных организаций.

Но и теперь белые супрематисты то и дело дают о себе знать то взрывом в Оклахоме, то поджогами негритянских церквей на Юге, то повторяющимися атаками бритоголовых на синагоги, то атаками на женские клиники и покушениями на врачей, делающих аборт, линчеванием негра Джеймса Верда в Джаспере, штат Техас, убийством гомосексуалиста Мэфью Шепарда в Колорадо. Всего за две недели до посещения нашего города ККК один из этих господ убил почтальона филиппинца, стрелял в детей в Еврейском Центре Лос-Анджелеса и заявил, что «это сигнал к тому, чтобы начали убивать евреев».

Узнав, что нас посетят Ку-Клукс-Клановцы (чтобы получить на это разрешение им понадобилось не более 20 минут), городская администрация не на шутку перепугалась. Нет, не того, что здесь начнут линчевать негров, эти времена *Gone with the wind*.*

Испугались реакции населения на появление в городе ККК. Особенно паниковал наш черный мэр, который по иронии судьбы носит фамилию Уайт. Ему бы взять да и не пустить ККК в город, пускай подадут на него в суд. Ан нет, чего доброго — обвинят в нарушении их, то есть «клановцев» конституционных прав — свободы слова.

Администрация города долго совещалась и решала вопрос, где Ку-Клукс-Клановцы будут переодеваться, то бишь облачаться в свои белые балахоны. Полицейские запротестовали, чтобы «клановцы» переодевались в гараже Центра Правосудия. Пришлось этот вопрос решать аж главному судье города. Он разрешил им переодеваться в городском гараже.

Президент Кливлендской *Police Patrolment Association*** Боб Бекк отнесся к делу серьезно. Он запросил материалы и видеокассеты прохождения сборищ ККК в других городах. Нет, «клановцы» не бросали камни или бутылки в толпу контрдемонстрантов. Они бросали полные ненависти слова. Публика от этого приходила в возбуждение, и полиция часто не могла справиться с толпой. Поэтому перепуганный мэр Кливленда Майкл Уайт объявил план безопасности в городе на время появления в нем ККК. Чтобы никто из жителей не напал на Воинство Ку-Клукс-Клана, как они себя величают, вокруг Центра Правосудия возвели шестифутовый в мелкую сетку металлический забор. 600 полицейских 4 часа (многие из них работали по две смены) тренировали, как держать контроль над толпой. Нет нужды объяснять, сколько денег это стоило налогоплательщикам. На подходе к центру города убрали автобусные будки, это, по-видимому, чтобы никто при драке не порезался стеклом. Унесли металлические почтовые и мусорные ящики — на случай, если кто-нибудь вздумает ими кидать-

* *Унесенные ветром*

** *Ассоциация полицейских патрулей*

ся. Запретили за 48 часов парковать машины вблизи Центра Правосудия. Потребовали закрыть на это время частные бизнесы, находящиеся в этом районе. Словом, ввели в городе почти военное положение. Предупредили тех, кто придет протестовать против ККК, или наоборот им сочувствовать, будут проверять. Журналистам не разрешили взять с собой, не только фотоаппараты и видеокамеры, но и записные книжки, ручки и карандаши. Еще бы, чего доброго выколешь карандашом глаз какому-нибудь «клановцу». При себе можно было иметь только ключ от машины и удостоверение личности.

Как заметил один из активистов протеста: полиции дали широкие права решать, где и когда можно ехать по городу на машине, где можно ходить, как одеваться, что можно и чего нельзя говорить... Накануне вечером по ТВ выступил мэр и навел страху на город. «Я не могу нарушить конституционное право Клана на свободу слова, — сказал он. — Но если кто-нибудь из жителей нарушит закон, он будет судим по всей его строгости»

Можно подумать, то это не ККК, а мы, мирные жители — шайка преступников. Когда у мэра спросили, что тот советует делать во время собрания Ку-Клукс-Клана, он твердо ответил

— Игнорировать. Заниматься своими делами.

Большинство населения с этим согласилось. В городе в это время были другие мероприятия: футбольный матч (в Кливленд вернулась команда Browns) и выставка негритянской культуры. За два дня до «клановского» собрания в одной из церквей устроили митинг. На нем присутствовали мэр и представители различных религий. Произносились речи о равенстве, единении и мире. Но, спрашивается, какой толк в протесте, если тебя не видят и не слышат те, против кого ты протестуешь? Другие считали: нельзя молча игнорировать, напоминая что Гитлера в свое время тоже игнорировали, и что из этого получилось, а громко протестовать, собрав для этого как можно больше народа. Разумеется, я тоже была за протест.

Взяв с собой маленький кошелечек, закрепляющийся на животе, положила туда проездной билет с фотографией, ключи от квартиры и мелочь на транспорт, поехала в город. Автобус остановился на приличном расстоянии от Центра, и далее мне пришлось идти пешком.

— Как пройти к Центру Правосудия? — спросила я двух полицейских.

— Он сегодня закрыт.

— Знаю. Я иду протестовать, — гордо объявила я.

— Вас не пустят с часами, — сказали мне вслед.

Я не обратила на эти слова внимание. Подхожу к Центру Правосудия. Перед ним на некотором расстоянии друг от друга — три кордона с полицией. Стрелки указывают, в какую сторону идти, если ты сочувствующий, и в какую — если ты протестующий. У самого входа — два конных полицейских. Не успела приблизиться к первому кордону, женщина-полицейский меня остановила:

— С кошельком — нельзя.

Мне не привыкать: я из совка — зашла за угол, спрятала кошелек под блузку, часы положила в кармашек. Первый кордон прошла. На втором стала из кошелька вынимать ключ и удостоверение личности.

Это заметил полицейский-мужчина и произнес ту же фразу:

— С кошельком нельзя.

— Я его оставляю на тротуаре.

Сняла кошелек и положила его за забор, на всякий случай, чтобы не украли. Можно подумать, что 25-центовой монетой я проломлю голову члену Воинства ККК. Прошла второй кордон. На третьем — проверка на металл: мужчин и женщин пропускают в разные ворота. Женщина-полицейский обшарила меня соответствующим прибором, который тут же завизжал, и произнесла сакраментальную для меня фразу: «Мэм, оставьте ваше ожерелье в машине». Это про мою тонюсенькую золотую цепочку, как-будто я могу ею задушить Ку-Клукс-Клановца.

— Я не вожу машины. Я приехала на автобусе.

Пришлось ретироваться. Не одну меня не пустили. Стоят две женщины и держит плакаты: на одном изображены человечки разного цвета и написано *We all are Different Shadows of The Mankind?** У другой на плакате нарисованы часы, показывающие XXI-е столетие *It's time to change the shield*.

Действительно, пора сменить вывеску. Мужчина держит плакат *They ignor Hitler*. Его тоже не пустили из-за цепочки. Кстати, на ней звезда Давида... Он приехал специально протестовать из Филадельфии. Идет черный с фанерным щитом. К нему приклеплена картина: пригвожденный к кресту негр. Его полицейские попросили не только оторвать палку от фанеры, но и саму фанеру. Остался только рисунок на картоне, с которым он и прошел. Им бы Джона Кеннеди так охранять. Когда в Кливленд приезжали Клинтон и Гор, ничего подобного не было. Каждый желающий мог пожать им руку.

Между тем перед Центром Правосудия появились Ку-Клукс-Клановцы.

Один из них кричит в мегафон. Увы, я вижу только острия их белых

* *Мы все разные тени человечества*

капюшонов. Расслышать на таком расстоянии, что именно они говорят — не могу. К тому же полицейские не дают стоять, прогоняют. Точно, как когда-то в Москве перед зданием единственной на весь город синагоги. Стоишь, бывало, там в Еврейский праздник, синагога всех желающих не вмещает, а милиционеры тебя гонят.

— Граждане не стойте, проходите...

То же самое и здесь, только по-английски. Please, move. Don't stay here! Я не выдержала и с ехидцей спросила черного полицейского:

— Что это вы так печетесь о Ку-Клукс-Клановцах?

— Мы печемся о мире, — отпарировал он.

Не солоно хлебавши, поехала домой. По дороге думала: демократия в нашей стране дошла, что называется, до ручки, превращаясь подчас в собственную противоположность.

Зато мэр был доволен, наблюдая все это в бинокль с крыши гаража. Вечером по ТВ он поблагодарил граждан Кливленда за то, что все было тихо и спокойно, город выдержал испытание: полиция не дрогнула от ненавистных речей «клановцев» и никто из протестующих (их было около 200 человек, а могло бы быть в пять раз больше) не устроил дебоша.

Так я и не узнала, что конкретно говорили Ку-Клукс-Клановцы. В газетах у нас об этом не писали, а надо бы. Мне было бы интересно услышать: что могут проповедовать эти господа на пороге Третьего тысячелетия, явившись в город, где 50% населения — цветные, то бишь, с их точки зрения — неполноценные?

1999 г.

PARADISE

НЕПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Совершали ли вы когда-нибудь круиз по Атлантике на Богамы, Гавайи или Виргинские острова? Мне было сказано: если ты не плавала на «корабле-фан», который служит не средством передвижения из одной географической точки в другую, а является чистым развлечением, ты еще не знаешь, что такое Америка. А я, между прочим, живу здесь уже двадцать лет. Словом, я дала себя уговорить и решилась на путешествие. Появился новый круизный пароход под названием PARADISE, то бишь, «рай», который только спустили на воду, он совершает свой второй (хорошо, что уже не первый, как «Титаник») рейс. И я буду в этом «раю» аж целую неделю. Компания собралась теплая: три замужние пары и одиночка. Из них только я кумекаю по-английски. Остальные прибыли в США недавно и, что называется, ни в зуб ногой.

Сборы заняли недели три. В сопроводилковке, которую нам вручили в экскурсионном бюро, было сказано, что на корабле в числе прочих мероприятий будут «коктейль-парти капитана» и «прощальный ужин», когда надо одеться formal т.е. напялить на себя вечерний туалет. Еще там было написано, что ходить на обед в ресторан в шортах и майках воспрещается. Вот я и стала думать, как уберечь платье от измятости. Не взять ли мне с собой уютю: гэдээровский с европейским напряжением. Я его в противоположность другим эмигрантам почему-то не продала в Италии на барохолке Американо (я туда не ходила). Я приспособила к уютю трансформатор, две вилки и спросила сына моих соседей — электрика:

- Не взорвется ли такое сооружение?
- Может взорваться, — ответил он.

Тогда я решила вместо большого чемодана взять маленький и специальный пакет для одежды (мужчины возят в таких свои костюмы). Когда самолет приземлялся в Майямы, я видела в окно, как выгружают наш багаж, мне стало дурно: мой пакет с наглаженными и аккуратно уложенными платьями, завалили чемоданами и другой кладью. Хорошо, что на «корабле-фан» оказался и такой сервис, как глажка, и всего \$ 2,50 за платье.

В Майямы в аэропорту нас уже встречали работники фирмы «Карнавал». Зарегистрировали на корабль и велели сдать багаж. По указанию девушки-служащей мы положили наши вещи прямо на улице,

где их никто не охранял. Через некоторое время решили проверить: целы ли они? Вещи исчезли. Как выяснилось потом, «исчезли» в нужном направлении: свезены были на корабль.

Когда нас в автобусе привезли в порт, у меня закружилась голова. Стоит огромный пароходище: одним взглядом не окинуть, а внизу на набережной — штабеля с чемоданами. Черные здоровенные парни возят их на многоярусных тележках. Чтобы такую тележку сдвинуть, надо быть Мухамедом Али. И как тут найдешь свои вещи? Нас успокоили: садитесь на пароход, вещи принесут вам в каюту. При входе на корабль нас хотели сфотографировать, но я запротестовала: неизвестно как получится, за карточки надо платить, и вообще, эта американская манера фиксировать на фото каждый свой шаг — меня раздражает.

И вот я в «раю», то бишь, на корабле PARADISE. Строили его, учитывая новейшие достижения технической революции, два года в Финляндии, затратив 330 миллионов долларов. Он пополнил собой семейку кораблей «Фантазия» фирмы «Карнавал», которая считает себя *The most popular Cruise Line in the World** У них уже были корабли: «Экстаз», «Сенсация» (одно название поэтичнее другого), «Очарование», «Воображение», «Вдохновение», «Восторг». Не хватало только «рая». Команда — 920 человек, состоит из 60 национальностей. Капитан, его помощник и другие высшие чины — итальянцы. Рядовые служащие — в основном из стран третьего мира. Приписан корабль к Панаме. Куда ни глянь, сплошной интернационализм.

Корабль PARADISE — это даже не дом, а целый город, «плывущий курорт», как называли его в рекламе. В нем 12 этажей, 9 палуб, каюты для 2000 пассажиров, 2 ресторана, несколько баров, театр, библиотека, комната для игры в карты, знаменитый центр здоровья Nautica Spa... Всего не перечислить и не описать.

Архитектура и убранство сочетают изящество и элегантность начала двадцатого века с удобствами и комфортом — двадцать первого. Какие только материалы не использованы для внутренней отделки корабля. Здесь и дерево различных пород, разноцветный мрамор, гранит, металл, кожа, мозаика, венецианское стекло... Кругом блестит, сверкает, переливается... как-будто ты попал в сказочный мир. Роскошь такая, что «Титаник», вероятно, мог бы спрятаться. На корабле PARADISE, как любят говорить американцы, можно enjoying the best that money can buy. **

Когда-то в детстве с мамой я плавала по Черному морю на теплоходе «Крым». У нас была каюта II класса: четыре койки, две — внизу,

* Самая популярная круизная линия в мире.

** Наслаждаться лучшим, что могут купить деньги.

две — наверху, как в поезде, и иллюминатор. Здесь каюта ничем не отличается от номера в отеле. Проснешься утром, раздвинешь занавески, и перед тобой (нам повезло с погодой) сверкающий океан. Чудо. А есть каюты даже с балконами. Помню, как на теплоходе «Крым», поднимаясь на верхнюю палубу, я увидела между ступеньками надпись: «Пассажирам III класса вход на шлюпочную палубу воспрещен». Меня, воспитанную на лозунге: «Все равны», образцовую пионерку и звеньевую это покорило. Потом я поняла, что такая надпись оказалась на советском пароходе потому, что его строили зарубежом.

На «корабле-фан» классов нет, вернее, есть только один класс — люкс. Как выразился кто-то из наших эмигрантов — это оплаченный коммунизм: каждому — по потребностям. Нравится — завтракай в буфете, он открыт с шести утра, а пиццерия — круглые сутки, хочешь — иди в ресторан, там изысканные блюда. Нравится — гуляй по палубе, наслаждаясь морским бризом, хочешь — лежи в шезлонге и загорай. Нравится — сиди в баре и попивай (за отдельную плату) коктейли. Хочешь — играй в бинго: любимое развлечение американцев, или — заводи роман с кем-нибудь из пассажиров. Это в основном получается по ТВ в мыльной опере *Love Boat*. В действительности — для этого маловато времени, но кое-кто, вероятно, успевает.

Через некоторое время после посадки, когда мы уже успели перекусить в бистро под названием «Париж», нам устроили тренировку спасения. Велели надеть спасательные пояса, объявили по радио, в какой гостиной должны собраться пассажиры разных этажей, и вывели нас туда, где были приписанные к нашей палубе и номерам кают шлюпки. На «Титанике» из 2000 пассажиров, спаслись только 700 человек: не хватило лодок. Знать, любившая фланировать по верхней палубе, не желала, чтобы шлюпки заслоняли им пейзаж.

Образцовый пассажир, решивший оправдать уплаченные немалые за криуз деньги, отдыхает и развлекается в этом «раю» на полную катушку. Встает ни свет, ни заря, поднимается на лифте на двенадцатый этаж: там на палубе ковровая дорожка для бега. Отдыхает в сауне, спешит окунуться в бассейне... Все это — до завтрака. Набегавшись, идет чревоугодничать в буфет: там объесться можно. Наполняет снедью одну тарелку за другой, ест пиццу среди ночи. Спешит занять шезлонг на открытой или застекленной палубе, занимается аэробикой (зря что ли деньги платил?), учится танцевать, участвует во всех играх, ходит на все мероприятия.

Что касается моего отдыха и развлечений: я моталась там, как

белка в колесе: без конца ездила на лифте вверх вниз, путаясь, на каком этаже что находится: где ресторан, а где буфет, где гостиная для шоу, а где справочное бюро, где открытая, а где застекленная палуба, шагала мили по коридору к своей каюте, ела и переодевалась. На большее не хватало времени. В первую ночь я не могла заснуть от волнения. К концу второго дня у меня нарушилось пищеварение и сделалось стойкое отвращение к еде. Не волнуйтесь, я, увы, не похудела, поправилась за неделю на четыре фунта. Это еще ничего. Здесь за один день прибавляют — пять. На третью ночь мне продуло бок, так что я не могла двинуться. Я предвидела, что на корабле будет сильное охлаждение воздуха, и прихватила с собой пижаму. Увы, я взяла не ту пижаму. Фланелевую, которую мне надо было бы взять сюда, я отправила в Санкт-Петербург кузине. У них в квартире на Тверской улице крыша прохудилась, и с потолка течет... а ее не чинят за отсутствием денег. Я обыскала в каюте все стены и никак не могла найти этот чертов «кондишен». Помню, когда я эмигранткой вместе со своими соотечественниками впервые прибыла в Нью-Йорк, нас поселили на одну ночь в гостинице. В отеле было очень жарко, и я подумала, что в номере должен быть кондиционер. Пять кнопок, а я не знаю, которую нажать. Я вышла в холл, подошла к дежурной и попросила включить мне кондиционер. Я была единственной, кто догадался это сделать. Остальные наши эмигранты мучились от жары всю ночь, пытались открыть неоткрывающиеся окна, чуть не выбили стекла. Кондиционер в каюте оказался на потолке. Но и после снижения градусов холода, я укрывалась двумя одеялами (второе стащила с соседней кровати) и покрывалом.

Когда у меня перестал болеть бок, я выспалась, пришла в себя, запомнила, наконец, где что находится и начала отдыхать, оказалось, что мы уже приехали...

Проснулась неожиданно рано и решила пойти завтракать в ресторан. Наша компания предпочитала есть в буфете, только на обед мы ходили в ресторан. За широким во всю высоту стены окном искрится на солнце вода. Чудесно! Накануне за обедом наши ели на закуску салмон (красная рыба вроде кеты), а я почему-то нет. Я решила это восполнить и заказала рыбу (благо она была в меню) на завтрак. Мне принесли огромную порцию салмона и громадный бублик, намазанный крем-творогом. Официант спросил, откуда я, мы разговорились, и тут я услышала нечто такое, от чего кусок салмона застрял у меня в глотке. Оказывается, на «кораблях-фан» официанты и «басбои» не получают зарплаты. Нанимают их на десять месяцев, потом сменя-

ют. Платят только тем, кто работает на кухне. Остальные, в том числе и стюарды, живут за счет чаевых. Я никак не могла поверить, что где-то в Америке могут за работу не платить?! «Это не Америка, и он не американец» — сказал один наш эмигрант. Позже я узнала, что наш официант с Таити, у него двое детей и неработающая жена, а молоденький «басбой» с Филиппин. Весь мир работает на нас. Конечно, я поняла, что этот разговор со мной официант затеял не зря.

— Don't worry, — сказала я ему, — не беспокойтесь. И рассказала об этом нашей компании, надеясь, что они это учтут.

Когда пришло время в конце круиза платить чаевые, нам подсунили корабельную газету, где точно было подсчитано, кому и сколько надо дать из расчета \$3.50 в день. Подумала: я на этом корабле за счет американского правительства (деньги — ЭС-ЭС-АЙ, которые мне дают, я своими не считаю так же, как писатель Тополь не считает деньги, принадлежащие Березовскому и другим российским олигархам, их собственными) Если нам повезло: мы живем в Америке, почему же не «скинуться» (как предлагает по иному поводу Тополь) и не поделиться с теми, кто живет в бедных странах.

Подозревая, что другие наши эмигранты думают с точностью до наоборот, и наверняка, дали меньше, я не пошла последний день завтракать в ресторан, боясь упреков официанта. А жаль было еще разок не взглянуть из широкого окна на океан. В буфете океан так не виден, а есть на открытой палубе — мешает ветер.

После завтрака, когда наши находились в буфете, я пошла на открытую палубу. Сидела и смотрела на океан, пока за мной не пришли.

— Сидит одна! Ветер ее продувает, брызги на нее летят!

Я, можно сказать, за ветром и брызгами («а я еду, а я еду за туманом») и поехала. Привели меня на застекленную палубу, где нет ветра, но на океан можно смотреть только через пластиковые окна. А тут еще и бассейн оказался для меня чересчур глубок. Я, хотя и плаваю, но должна ощущать под собой дно. Я сунулась было в джакузи, но там вода оказалась горячей, а день был жаркий. Я поднялась на другую палубу, но и там вода в бассейне доходила мне до рта. Кончилось тем, что я искупалась, вернее, намочила свой купальный костюм в совсем мелком бассейне, где накатывала искусственная волна и плескались маленькие детишки. С бассейнами было покончено, оставалось джакузи: после того, как мне продуло бок, это было кстати.

Стюарды стелили нам постель аж два раза в день: утром и на ночь. Мы приходили вечером в каюту: на подушке лежала салфеточ-

ка, где было написано: Sweet Dreams* — шоколадка.

Точно так же поступали мои неразумные родители, не понимая, что детей на ночь нельзя кормить шоколадом. Еще стюарды сооружали из полотенец различных зверюшек.

Вхожу однажды в каюту: на моей кровати лежит змея. Понимаю, что это моя пижама, а дотронуться боюсь. Пришлось просить соседку ее развернуть. Я думала, что это только наш стюард такой талантливый. Оказалось, что этому обучены все стюарды фирмы «Карнавал». Официанты нас тоже развлекали: то пели хором, то, пританцовывая с подносом в руках, на котором был десерт и воткнута свеча, маршем проходили по залу.

Также на ночь нам под дверь подсовывали корабельную газету с расписанием мероприятий на следующий день. На сей раз в нее была вложена реклама. ПОКУПАЙТЕ НА БОРТУ! 18 КАРАТ ЗОЛОТЫЕ ЦЕПОЧКИ. СТОИМОСТЬ, НАЧИНАЯ С ОДНОГО ДОЛЛАРА ЗА ИНЧ. ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ! Началась, «золотая лихорадка». Шутка ли — всего один бакс за золотой инч.

Я посылаю сестре открытку с фотографией нашего корабля — комплимент фирмы, на которой пишу: «Привет из «рая»... бегу завтракать, потом на очередное мероприятие: любоваться океаном некогда». Спешу опустить открытку в почтовый ящик. Выхожу из лифта. Ко мне бросается одна из наших дам.

- Вы уже купили?
- Что купила? — не поняла я.
- Золотую цепь.

Мы идем с ней на палубу, где Gift Shop, а там уже столпотворение: пассажиры отовариваются золотом. Между прочим, только очень тоненькая цепочка стоит 1 доллар за инч, а потолще и пошире — по \$2,50 и \$3.00. Вместо завтрака, как я писала сестре, я еще час «любовалась» золотом, выбирая себе и другим цепочки.

Торговали они, разумеется, не один, а целых три дня, и наши то и дело туда бегали,

Обещанная «коктейль-парти» не произвела особого впечатления. Капитан вышел на сцену, поздоровался, представил двух своих помощников и даже не произнес, как мы ожидали, краткой речи. Привыкли в Советском Союзе к речам, Зато пассажиры разоделись в пух и прах. Женщины — почти все в черных платьях. Я, решив, что дело происходит на курорте, взяла светлое и выделялась в нем, как белая ворона. В театре-гостиной, где перед креслами и диванами — столики, подавали бесплатные напитки, а на закуску — мясные ша-

* Сладкие сны

рики и прочие крохотные изделия. Фотографы объявили: будут делать снимки в атриуме — самом красивом месте корабля PARADISE. Установилась очередь пассажиров, одетых в вечерние туалеты. Я тоже сфотографировалась: авось, получится ничего. Получилось неплохо, и я приобрела фотографию за двадцать баксов. Гулять, так гулять!

Два шоу в стиле Лас-Вегаса были великолепны. Со световыми эффектами, лазерными лучами, песнями, темпераментными танцами, сделанные как-бы на одном дыхании. Первое — история американской жизни с 30-х по 50-ые годы. Второе — с 50-х до наших дней. Танцевали и пели служащие корабля, которые на следующий день снова выполняли свою обычную работу.

Бывали на корабле поздние театральные постановки в стиле — кабаре, на которые, увы, я так и не ходила: хотелось спать, Talent Show, то бишь, вечер самодеятельности, концерт, посвященный негритянскому певцу Нат Кинг Колу... Регулярно были ночные буфеты, мы посетили только один — мексиканский. В 1:30 ночи сервировали Сrape-буфет, это для тех, кто решил, что ему уже пора завтракать. Все, что происходило накануне, на следующий день демонстрировалось по местному ТВ, так что можно было никуда не ходить, а сидя в каюте, во всем участвовать. Туда же можно было заказать и еду, что некоторые и делали. Проходя по коридору, мы частенько видели выставленные за дверь грязные тарелки.

Первая остановка парохода была в столице Пуэрто-Рико Сан-Хуане. Меня командировали пойти послушать круиз-директора, чтобы выбрать экскурсию. В корабельной газете также объявили, что во время митинга буду раздавать, give away образцы ювелирных изделий.

— Как? — поинтересовалась я у девушки-служащей.

— Будут кидать в публику.

А ты, стало быть, лови. Мы с одной из наших дам сели в третьем ряду: два первых уже были заняты. Большую часть времени круиз-директор посвятил не экскурсиям, а рассказывал где (в каких магазинах) лучше всего покупать драгоценности. Объясняя, что магазин дает гарантию на 30 дней, он заметил:

— Купили вы, к примеру, изумрудный браслет за 490 долларов.

Приезжаете домой, о ужас, браслет не вписывается в ваш интерьер: не подходит к занавескам. Не волнуйтесь, no problem. Магазин примет покупку назад и возвратит вам деньги. Или приобрели сапфировые серьги за 700 долларов, а у вас за время пути («собака

могла подрасти») уши заросли. No problem, можете вернуть их в магазин и получить свои деньги. Вообще, круиз-директор отличался остроумием. Комментируя сказанное, он попутно раздавал образцы тем, кто сидел в первом ряду. Мне стало обидно, вижу, нам ничего не достанется. Тогда я прыг с третьего ряда семимильными шагами к сцене:

— Please, give me.*

До сих пор вспомнить стыдно.

— O, she is going for it.**

Все засмеялись, а у меня в руках оказалась золотая цепочка-браслет, третья в этот день по счету.

— And my friend?*** — жалобно и нахально спросила я и хотела цапнуть еще один браслет, но он был приклеен к картонной тарелке. Круиз-директор протянул мне пластмассовую коробочку со шнуром, которую я и дала своей спутнице. Это так называемый, «сейфер». Если ты опустился на дно морское и нашел там коралл или жемчужину, положи ее в «сейфер»: не потеряется. Очень нужная в хозяйстве вещь.

Пароход должен был причалить в Сан-Хуане в 5 вечера. Тут, кстати, уместно сказать о моих спутниках. Наши эмигранты любой рай могут превратить в ад. Прибегает одна из наших дам.

— Ребята, я узнала, что корабль причаливает не в 6 часов, а в 5. Это значит: в 4:30 мы все должны собраться у Information desk.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Чтобы сойти на землю первыми.

— Куда нам торопиться? У нас экскурсия в 6:30.

— Мы можем не попасть в первый автобус.

— Ну и что, сядем во второй.

— Мы можем не попасть все вместе.

— В 4:30 мне постучала соседка. Я сказала, что еще не готова. Не успели они уйти, как по радио объявили, что при выходе на берег, надо взять какое-нибудь удостоверение личности, а наши все ушли без паспортов, но, слава Богу, вернулись, и я им об этом сказала.

— Не делайте мне волны, никакие паспорта не нужны.

— Не обязательно паспорт, можно Driving licence, чтобы была фотография.

Дальше разгорелся спор, идти ли обедать в ресторан. Времени было предостаточно, и я насили их уговорила.

— Подайте нам «фест фуд», нервно сказала официанту дама, которая считала, что она первая (привыкла к первенству в СССР) должна

* Пожалуйста, дайте мне.

** O, она идет за этим.

*** А моему другу?

сойти на берег.

— Fast food, — спокойно заметила я, — бывает в Макдональдсе, а здесь меню.

В Сан-Хуане мы выбрали экскурсию по ночному городу. Шофер, он же экскурсовод, рассказал нам вкратце историю Пуэрто-Рико. Причалив к берегу в 1493 г., Колумб был встречен миролюбивым племенем индейцев Тиано и назвал остров Сан-Хуан в честь Иоанна Крестителя. В 1508 г. Понсе де Леон образовал там испанское поселение. Чтобы защищать растущую колонию, была построена крепость Ел Морро. Мы видели ее еще с корабля, когда тот причаливал. Остров почти 400 лет находился под гнетом испанской военщины. В 1898 г. он получил автономию. Через восемь месяцев, после победы США в Испанской войне стал американской собственностью. В 1917 г. его жители получили американское гражданство. В 1952 г. они проголосовали за статус «Свободно присоединившейся к США территории», и их страна получила название Содружество Пуэрто-Рико. В последнем референдуме, который был недавно, население снова проголосовало за свободное содружество, против того, чтобы Пуэрто-Рико стал 51 штатом США. Испанское наследие сохранилось в архитектуре старого города: старинные форты, церкви в стиле поздней готики, замкнутые площади, как в Испании, дома с балконами, железные витые решетки, патио с аркадами. Новый город построен в современном стиле: дорогие шикарные отели, особняки богачей и многоквартирные высокие дома. Пуэрториканцы давно уже живут по-американски. В школах изучают обязательно два языка: испанский и английский, едят, одеваются на американский манер. Местная кухня бывает только на фестивалях.

В центре города шофер сделал остановку. Зашли мы в ювелирный магазин, который советовал круиз-директор, выпили там по стаканчику кокосово-ананасного сока и, разумеется, ничего, кроме открыток с видами, не купили. Цены были аховые. Около магазина в нише под витриной спал бездомный: примета современности. На пристани у самого входа на корабль снова был ювелирный ларек. Мне понравилось посеребренное колечко с кристаллом, и я, не долго думая, купила его за 16 долларов. Это была уже энная за этот день и совершенно ненужная покупка. При посадке на корабль нам дали карточку, которая была ключом от каюты и сейфа, пропуском и одновременно кредитной карточкой. С ней чувствуешь себя, как миллионер, которому все доступно в этом «раю».

При возвращении на пароход мы показали девушке-служащей толь-

ко эту карточку, и все взглянули на меня торжествуя. Не успели сделать и двух шагов — паспортный контроль и просвечивание сумок. Сойти на берег в другую страну можно и без паспорта, а вот вернуться на корабль, то бишь, в США — для этого нужен документ.

Пароход должен был отчалить из Сан-Хуана в 4 утра. Для тех, кто не хотел сходить на берег, демонстрировали фильм. Догадаетесь, какой? Конечно, это был «Титаник».

Еще наш корабль причаливал к острову Тартола. Это самый большой из 36 Виргинских островов между Атлантическим океаном и Карибским морем, открытых Колумбом в свое второе путешествие в 1493 году. Только 16 из них обитаемы. Тартола с XVII века и по сей день находится под протекторатом Великобритании. Нас встречали, пританцевывая на ходулях, местные жители, одетые в национальные костюмы. Мы решили экскурсию не брать, а поехать на такси. Опять разгорелся спор. Некоторые члены нашей компании не хотели платить по 10 долларов. Если ты заплатил такие деньги за путешествие, чего же экономить на пятерке? В результате мы сели в старый драндулет без кондиционера, не хватало мест, и один мужчина сидел почти на коленях у другого.

Площадь острова Тартолы составляет 24 квадратных мили. Это бедный остров. На нем ничего не растет и ничего не производится. Даже бананы здесь привозные. На острове очень дорогая земля, на которой строятся отели и виллы для богатых. Мы проезжали мимо лачуг, в которых живет беднота. Шоферу отдали наши завтраки, за что он был благодарен: у него детишки.

В этот же день одновременно была экскурсия на остров, расположенный рядом, Виржин Корда с опусканием на дно морское. По описанию там очень красиво. Но мы решили, что это не для нашего возраста и здоровья.

Последний раз мы сошли на берег на острове Святой Томас. Накануне было объявлено: на борт войдут работники таможни, и иммигранты, еще не имеющие американского гражданства, должны заранее зарегистрироваться. Пароход уже причалил, а мы не можем сойти на берег. По радио вызывают некоего Рабиновича (не иначе, как русский эмигрант), а тот никак не объявляется. Наконец ступили на землю.

Вместе со 150 островами и островками Колумб открыл этот остров в свое второе путешествие в 1493 году. Так как остров долго оставался неколонизован, пираты избрали его местом, где они прятали и откуда тайно вывозили награбленное. Постепенно остров заселяли датчане. В 1734 году Дания назвала его Святым Томасом и объявила

принадлежащим своей короне. Во время Первой мировой войны США купили его в числе других островов за 25 миллионов долларов, чтобы лишить Германию возможных позиций в Карибском море. Считается, что на острове Святой Томас самые красивые в мире пляжи с кристально чистой водой, богатой морской жизнью. Здесь приятно плыть под парусом, опускаться на морское дно. Все это я прочла в путеводителе. Там же было написано, что дополнительной привлекательностью для туристов являются и шикарные свободные от налогов магазины. Только эту attraction* мы и увидели. Нам сказали, что на о. Святой Томас за покупками не надо далеко ходить. Все продается на берегу. Вот некоторые из нас и решили, что все будет, как во времена Колумба, когда местные жители к приходу корабля приносили свои художественные поделки и отдавали их почти задарма за бутылку виски или иной продукт цивилизации. Увы, эти времена давно прошли. Подъехало такси мы в него сели. Шофер объявил: до центра — 2.50 «с носа» — установленная такса. Чувствуется, что остров находится под юрисдикцией США. На главной улице — через каждые два шага — ювелирный магазин. Таких красивых украшений я нигде не видывала. Может, потому что дома не хожу по ювелирным магазинам. Продаются изделия из местных драгоценных камней. Прозрачный камень танзанит, отливающий всеми цветами радуги, мне не понравился, а голубой лоримар был бесподобен. Если бы я была блондинкой, я бы раскошелилась на кольцо из трех крупных камней за 49 долларов, а так я купила только серебряную цепочку. Были там: лавка «Маленькая Швейцария», где продавались часы, хрусталь, форфоровые статуетки и другие подарочные изделия, а также красиво оформленный парфюмерный магазин со знаменитыми французскими духами по баснословным ценам. Я выбегала из одного магазина и вбегала в другой: жара (92 по Фаренгейту) гнала меня туда, где был кондиционер. На пароход вернулась измочаленная и легла спать. Наши еще на раз выходили на берег и что-то там покупали, кажется, водку «Абсолют».

Иду я как-то по кораблю. Из лифта выходят дамы в купальниках, на треть прикрытые прозрачными накидками. В начале путешествия так не одевались, не иначе, как научились у «дикарей» на островах. В большом зале играют в бинго. Вместо того, чтобы быть на палубе и любоваться океаном, сидят в полутьме и загибают цифры на карточках. Последний день я тоже села играть в бинго, приобретя карту за 10 долларов. Выйгрыш равнялся 2000 долларов, и я подумала: неплохо будет, если мне вернут деньги, уплаченные за «фан». Увы, выйгра-

* Привлекательность.

ла не я. Прохожу мимо казино. Там «сениор ситизен» женского пола сидит и, как завороженная, смотрит в дырку игрального аппарата, откуда выскакивают квотеры. Иду дальше. В малом зале, где по вечерам бывают танцы — аукцион картин. Ведущий, чтобы расшевелить публику, продает американскую 100-долларовую купюру. Продал за 95. Какой-то мужчина выиграл аж 5 баксов. Прохожу через буфет, пассажиры снуют с тарелками, полными снедью — сплошная обжираловка. Выхожу на застекленную палубу. Гремит рок-н-ролл, да так, что оглохнуть можно. На площадке публика полуголая и босиком лихо отплясывает. Подхожу к бассейну. Там конкурс: выбирают Тарзана. Ищут мужчину с самой волосатой грудью. Между прочим, у Джона Вайсмюллера, игравшего в кино Тарзана, помнится, не было ни волоска на груди, иначе лично мне он бы не понравился. Выбирают того, кто может достать ложечки со дна бассейна и похоже воспроизвести тарзаний клич.

Окинула я мысленным взором всю эту картину и подумала: ведь это самая настоящая «гибель Титаника» в смысле — загнивание Римской империи. Нашим незадачливым предкам этой «рай», наверняка, показался бы адом. Отдыхать надо на необитаемом острове, жить в шалаше, питаться, чем послала природа, и кататься на лодке с одним веслом.

Вернулись в Кливленд. Темно: небо заволокло тучами. Дождь моросит круглые сутки. Ударил мороз, и стало так скользко, что не выйдешь на улицу. По телеку с утра до вечера конючат impeach*, or not impeach президента за его любовную интрижку с Моникой Левински. Скучно. И захотелось мне: назад в рай, на «корабль-фан», в оплаченный коммунизм.

1999 г.

* Обвинить.

ЖИЗНЬ В БЛОКАДНОМ ГОРОДЕ

О будущей войне много говорили, пели песни:

«Если завтра война, если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов»...

«Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим»...

«Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет»...

Началась Великая Отечественная война неожиданно и с песнями ничего общего не имела. Мы, подростки, ее приветствовали: будем же бросать бутылки с горючей смесью под немецкие танки, спасать раненых... и вообще, жизнь станет интересной. До сих пор она казалась нам монотонной.

В первые же дни войны отец, как и другие его сотрудники ГИПРОГОРА, (Государственный институт проктирования городов) записался добровольцем. В строевую службу он не годился по своему зрению, был назначен интендантом 2-го ранга и находился под Ленинградом. Я помню, как отец, когда приходил домой, беспокоился обо мне и моей восмилетней сестренке. Вспоминал о погибших во время еврейского погрома в Белоруссии своих родителей, о двух убитых сестрах-подростках, которых перед этим изнасиловали. Говорил он об этом с девушкой и мамой на идиш, но я все понимала.

Между тем в Ленинграде началась эвакуация детей по школам. Мы с сестрой были в этой эвакуации. Привезли нас на Валдайскую возвышенность в деревню, поселили в дома колхозников. Сестра с детским садом попала в Старую Руссу. Питались мы привезенными с собой продуктами: варили крупяной суп с копченой колбасой. Продукты кончались, и их негде было взять. Пошли слухи, что немцы отравили колодцы в этой местности. Да и как было поселять детей на Валдае и в Старой Руссе, где упала бомба?! Хорошо, что мама сообразила нас оттуда вовремя забрать. Оставшихся потом отправили эшелонам в Сибирь. И мы бы до сих пор искали друг друга.

Отца и других его сотрудников-добровольцев распустили из воинской части по домам до особого вызова. Отец до войны часто ездил в командировки, послали его и на этот раз в г. Молотов (теперь это

снова Пермь). Решили, отец осмотрится, и мы к нему приедем. ГИПРОГОР готовился к эвакуации. Отец не беспокоился, он знал: если не его Институт, то чулочно-трикотажная фабрика «Красное знамя», на которой работала мама, не оставит десять тысяч своих работников. Когда устроили на фабрике митинг, и директор объявил об эвакуации, работники на него кричали:

— Куда ты посылаешь нас на голодную смерть...

В Советском Союзе до войны, да и после снабжали продуктами относительно хорошо только несколько больших городов, включая Ленинград. В остальных местах огромной страны с продовольствием было плохо. Эвакуация стала задерживаться, сроки ее переносились, поезда по несколько дней без отправки стояли на вокзале. 27 августа 1941 г. из Ленинграда ушел последний эшелон. На нем с заводом Козицкого уехала моя подруга Ира. Взорвали мост через реку Волхов, и Ленинград оказался в капкане. Отец мне писал: «Беги на вокзал, садись в первый попавшийся эшелон!». Это в Москве 16 октября была паника, и люди бежали на вокзал. В Ленинграде все было спокойно, и к вокзалам нельзя было подойти без особого пропуска. В этом городе всегда соблюдался порядок. В самые страшные дни голодовки каждый месяц по радио объявляли на какой талон карточки можно получить такие-то продукты. И если тебе на сахарный талон полагалась какая-то замена: только ее ты и мог получить. Когда мы приехали в Москву, там в различных магазинах отоваривали карточки по-разному, и по блату ты мог получить все, что захочешь.

8 сентября 1941 г. началась блокада Ленинграда, длившаяся 900 дней. В городе и пригородах оставались 3 миллиона мирных жителей, среди них 400 тысяч детей.

На улицах появились стенды со стихотворением Джамбула Джабаева:

«Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя»...

Так казахский народный поэт хотел подбодрить жителей блокадного города. Участились воздушные налеты, прибавился артиллерийский обстрел города. В нашу отдельную квартиру подселили женщину с двумя детьми из опасного района из деревянного дома. Соседка привезла с собой большую двуспальную кровать, которую поставили в столовой рядом с роялем, и гардероб. Как-то я стала вспоминать (уже начался голод), какие конфеты ела до войны, женщина заметила: «А мы ничего

хорошего в жизни не видели». Эту фразу я потом слышала много раз и в Ленинграде, и в эвакуации, и впоследствии в Москве. Когда наступила зима, и перестали топить, женщина ушла домой. Потом ее отец пришел и забрал вещи. Можно было предположить, что именно эта женщина захочет занять нашу квартиру, но она оказалась честной. Бесчестной была управдомша, об этом ниже.

В каждом доме была организована группа самообороны. Руководила этим у нас женщина-жиличка по фамилии Бахарь, имени ее не помню. Меня она назначила связистом: в обязанности входило во время воздушных налетов проверять посты. С противогазной сумкой через плечо, я бегала по лестницам (их было две), осматривала чердаки, проверяла, есть ли там дежурные, вылезала на крышу... Ну а кроме того, во всем помогала: мыла пол в бомбоубежище, таскала чулки, набитые песком, на чердаки для тушения зажигательных бомб... Мама и наша домработница Таня были на окопах. Ленинградских женщин посылали за город рыть окопы. Они оказались полезны врагу: немцы потом там засели.

В середине зимы в наш дом попал снаряд, пролетел прямо в квартиру Бахарь, и ее одну из всего дома убило. Поэтому не было кому похлопотать, чтобы мне дали медаль «За Оборону Ленинграда». Я могла бы парировать ею, когда училась в МГУ со студентами-фронтовиками. Медаль Героя Второй Мировой Войны я получила в 55-ю годовщину ее окончания в Америке. Поехав в Россию навещать родственников, я взяла ее с собой. В Петербурге, фотографируясь около памятника Городскому пожарному, я увидела: ко мне спешит старичок, весь увешанный орденами и медалями.

— Что это такое? — спросил он, указав на мою медаль.

— Я в вашем городе пережила блокаду, и американцы дали мне за это медаль.

— Молодцы! — произнес ветеран.

7 ноября я и другой жилец, пожилой (старый и малый), держали Сталинскую вахту, т.е. дежурили: он целый день сидел в парадной. Я целый день бегала по лестницам и чердакам. Лаврентий Исаакович, так звали жильца (он был крещеным евреем и женатым на эстонке), говорил мне: как он разочаровался в Октябрьской революции и социализме. В 17-ом году ему большевики поручили раздачу продуктов. Он честно распределял их, ничего не беря себе, а другие только и делали, что воровали. Рассказывал, как на заводе «Красный треугольник», изготавливавшем резиновые изделия, где он был главным инженером, выполняли план. Когда не хватало продукции, брали списанную бракован-

ную резину. «То, что рассказывают о зверствах немцев — ерунда. Так говорили в Первую мировую войну немцы о французах, а французы о немцах. Немцы — культурная нация. Все будет, как в Европе, Ленинград станет открытым городом... Он, Лаврентий Исаакович, арендует угловой магазинчик, ибо пришел к выводу, что самая благородная профессия — это торговец». То, что часть ленинградской интеллигенции нордического происхождения: немцы, эстонцы, латыши... (они селились в Петербурге со времен Петра Первого), ждала немцев — не было для меня секретом, но чтобы еврей хотел немцев! Это было невероятно.

Осенью Лаврентий Исаакович возил нас с дедушкой за город к своей дореволюционной домработнице купить немного картошки. Колхозники не хотели нам ничего продавать, говорили:

— Идите, ваш Сталин вас накормит!

Это легенда, что все население СССР готово было, как Александр Матросов, с криками: «За родину! За Сталина!» бросаться на амбразуру пулемета. Русские крестьяне, согнанные насильно в колхозы, жившие впроголодь и как рабы без паспортов, лишённые права свободы передвижения, Сталина ненавидели. Но Гитлер совершил ту же ошибку, что и Наполеон, не раздал крестьянам землю. К тому же, нацисты в русских деревнях зверствовали, отбирали у колхозников все, что у них было, угоняли молодых на работу в Третий рейх, за малейшее неповиновение расстреливали. Когда при Гитлере стало еще хуже, чем при Сталине, тогда началось партизанское движение.

— Немцы приближаются к городу, — сказал Лаврентий Исаакович своей бывшей домработнице.

— А может, оно и к лучшему, — ответила женщина.

Лаврентий Исаакович победоносно посмотрел на нас с дедушкой.

Лаврентий Исаакович, поклонник немцев, умер с голоду в осажденном ими Ленинграде. Угловой магазинчик стал частным только после перестройки.

В одном классе со мной учился и жил рядом мальчик Рем Штруф, у которого отец по национальности был немец. До войны его отец сидел как «враг народа». Во время войны его выпустили: окончил две морских академии и стал нужен. Его назначили комендантом г. Таллина. После войны снова посадили. Рем мне говорил:

— Я договорился с мамой: если придут немцы, ты будешь прятаться у нас. Я никому не позволю над тобой издеваться.

Кончилось это тем, что мать его с младшими детьми застряла на даче. В конце блокады Рем поступил в ремесленное училище и с ним эвакуировался. Узнала я это только после войны. В блокаду и друзья,

и родственники не навещали друг друга. Соседи не знали, что делается не только в соседней квартире, но даже в смежной комнате.

Над городом огромное зарево пожара: горят Бадаевские склады. Ведь это надо додуматься: хранить продукты в деревянных складах. Горят сахар и масло. Землю, пропитанную ими, стали потом продавать на рынках: люди из нее варили кофе. Сгорели и Американские горы, говорили: внутри их тоже были продукты. Попала бомба в зоопарк, погиб любимый лениградской детворой слон.

Кричали, что есть запас продуктов на 10 лет. Это было мифом.

Уже в сентябре снизили норму хлеба: три дня давали по 150 г., потом стали давать 125 г. иждивенцам и детям, 250 г. — рабочим. Мама, работая до войны экономистом в плановом отделе фабрики «Красное знамя», теперь была диспетчером: сутки дежурила, двое суток отдыхала. Добиралась на Петроградскую сторону пешком. Зимой транспорт перестал ходить. Сначала она получала рабочую карточку, потом ей дали служащую: это тоже 125 г. хлеба. Однажды в самое голодное время с мамой произошел такой случай: ей нечаянно выдали вместо служащей карточки — рабочую. Это в два раза больше хлеба, но мама подумала, если она оставит у себя эту карточку, неудобно будет в следующий месяц возвращать корешок, и возможно, у той женщины, чья карточка ей случайно досталась, — тоже дети, и она вернула карточку. Вряд ли в то время в Ленинграде нашелся бы еще человек, который бы так поступил.

Дома в запасе у них было только немного сахарного песку да наволочка с сухарями, которую они таскали с собой в бомбоубежище, и там эти сухари сгрызли. Отец не разрешал делать запасы, говорил: ему как коммунисту это неудобно. Перед самой войной шла борьба с теми, кто делает запасы. В одном продуктовом магазине в стенгазете были такого рода стишки:

«Все-то видят, все-то слышат, (кумушки)
Знают больше, чем напишут.
И со страху, чуть дыша,
Запасать продукт спешат».

«Наша тетушка Ненила
Закупала в лавке мыло
Для себя, для вас, для нас
Всем по пуду про запас.»

«А у бабушки Настасы
В сундуке лежат запасы.
Посмотрела в сундучки,
А в крупе то червячки».

Когда ввели карточки, запастись продуктами уже было невозможно. Некоторое время что-то продавалась еще без карточек. Так мы с Таней простояли на Невском в магазине «Консервы» в очереди целый день и добыли по большой банке томатного сока и лук перей. Когда мы вышли из магазина, было уже темно. Только бы переехать Неву! Пунктуальные немцы в 19:30, как часы, начинали бомбежку города. Трамвай переехал мост и остановился. Дальше мы с Таней шли пешком, вернее, бежали. Стреляли зенитки, падали осколки... Пробежали мимо дома, куда попала зажигательная бомба, и был пожар. При каждом выстреле Таня вскрикивала: «Ой, Господи!» и крестилась. А мне почему-то не было страшно — по молодости лет, мне только исполнилось 14. Когда мы прибежали домой, мама сидела в углу на кухне, вся сжавшись и дрожала.

Как-то мы с мамой пошли на Невский. Зашли в шикарный когда-то ресторан, где еще можно было съесть суп без карточек. Суп подали в супнице. Было странно смотреть на это соблюдение этикета в такое время. Потом и обеды в столовой стали давать только по карточкам: отрезали талон на крупу. А однажды я простояла в очереди целый день за дурандой (жмых — остатки от семечек при сбивании масла) и купила две большие плитки, по 10 кг. каждая. Мы пекли из них лепешки и называли их «пирожное-дурандес». Но это все было в начале блокады. Очень скоро не осталось ничего, кроме 125 г. хлеба, похожего на глину. Нас спасал дедушка тем, что запирает хлеб, деля его на две половины, и не давал съесть сразу. Кусочек, густо посыпанный солью, мы съедали утром, запивая его кипятком, кусочек — вечером. Днем варили суп: на большую кастрюлю воды клали несколько ложек гречневой крупы (маме посчастливилось за тысячу рублей купить 1 кг.), пекли лепешки из горчицы. Дедушка спасал мою младшую сестренку еще и тем, что регулярно от своих 125 г. отрезал ей кусочек.

Однажды к нам пришел мужчина в кожаном пальто, видно приезжий, и спросил:

— Здесь продается библиотека?

Выбрал самые хорошие книги: собрания сочинений русских и западных классиков, чудесные академические издания с иллюстрация-

ми... и предложил за них несколько плиток столярного клея. Во мне все возмутилось.

— Книги за клей?! Это уж слишком. А что мы с ним делать будем?

— Люди из него студень варят.

Я книгочей, считающая книги величайшей ценностью, не позволила их продать за клей. Большая часть из них потом все равно пропала.

Топить в доме перестали сразу: сначала не было топлива, потом из-за халатности кочегаров лопнули трубы. В столовой у нас образовался коток. Зима как назло была очень суровой. Морозы доходили до —30 по Цельсию. Пока еще было электричество, мы спали в комнате, проглаживая перед сном простыни и наволочки горячим утюгом. Не стало света, и мы переселились все в кухню. Пристроили к плите глиняную печурку. Когда не стало дров, растапливали ее папиными старыми журналами «Большевик» только для того, чтобы вскипятить воду. Дедушка спал на кровати, мама с сестрой на старомодной деревянной очень неудобной раскладушке, я с Таней на плите. Еще к нам приходила подруга Тани Шура. Ее хозяйева оставили сторожить квартиру. Ей было страшно одной, она приходила к нам и устраивалась на печурке.

Перестал работать водопровод. Те, кто жили близко у Невы, брали воду в реке. Мы же выходили во двор, набирали большую кастрюлю снега, тот, что почище, и его оттаивали.

Умерла бабушка, заболела она еще до войны: склероз мозговых сосудов. Во время воздушных тревог она вдруг стала вставать и прятаться в проеме входных дверей, где потолок был из конкрита. Потом слегла и больше не вставала. Гроба не было, тело ее завернули в белую простыню. Чтобы ее похоронить, дедушка, кроме денег, отдал свой паек хлеба за два дня. Он проводил ее до синагоги. Оттуда ее и других умерших должны были везти на еврейское кладбище. Когда мама по окончании войны приехала в Ленинград, она не нашла могилы.

В сентябре еще были занятия в школах. Сначала нас перевели в школу недалеко от Смоленского кладбища, так что мы острили: убьют и сразу — на кладбище. Во время воздушных налетов ученики вместе с учителями прятались в траншее. Потом мы стали учиться в школе на Среднем проспекте. Занятий по существу уже не было. Некоторые преподаватели перестали приходить. Ученики ломали парту, разжигали печурку, чтобы согреться, и шли в столовую есть суп из зеле-

ного капустного листа. За этим и ходили в школу. Потом школа закрылась. Под Новый год ко мне домой пришла представительница из школы и пригласила меня на елку. Жалкий вид имело это зрелище. Голодные дети не могли не только прыгать и танцевать вокруг елки, но даже ходить. Зато их накормили почти настоящим обедом: дали рисовый суп, котлету с ложкой риса и желе. А на подарок: коврижку того же глиняного качества, что и хлеб, я ела ее, отрезая по крохотному кусочку, несколько дней, 30 г. шоколада и 10 миндалинок. Я взяла с собой банку и несла желе маме, закрывая его муфтой, чтобы не отняли. И тут на улице я увидела жуткую сцену, которую долго не могла забыть. Один мужчина украл у другого кусок хлеба. Тот хотел отнять, повалил вора на землю. Два человека: один судорожно ест хлеб, чтобы не отняли, другой хочет вырвать у него изо рта хотя бы кусочек.

Большую часть времени я сидела дома на плите в накинутой на плечи сестренкиной шубе и считала про себя: один, два, три, четыре, пять... десять... с завтрака до обеда и с обеда до ужина. Читать ничего не могла, мешало чувство голода. Почти не выходя на улицу, не знала, что творится в городе: а дело доходило до людоедства.

Как-то мы с мамой пошли на базар сменять пачку кофе на хлеб. Я была потрясена. Ленинградцы выволокли на улицу все, что только можно. Нигде раньше в Ленинграде нельзя было увидеть сразу такое количество хороших, редких, уникальных вещей: старинная мебель, антикварная посуда, драгоценные ювелирные изделия, картины, другие произведения искусства... За кусок хлеба можно было приобрести клад.

Ценных людей вывозили из осажденного города на самолете. Так вывезли композитора Шостаковича, успевшего в первые месяцы войны написать три части своей знаменитой Седьмой симфонии, посвященной Ленинграду. Архитектора академика Ильина тоже хотели вывезти, но он отказался уезжать: ходил по ленинградским базарам и скупал ценные предметы искусства, чтобы они не пропали... и умер с голоду.

Мы с мамой просили за пачку кофе 300 г. хлеба, нам давали только 200 г. Мы раздумали ее продавать: из кофейной гущи можно было печь лепешки. Купили у какой-то женщины пакетик гороховой муки, которая оказалась сухим растолченным конторским клеем, и зашли в булочную получить свой паек. Вдруг мама заметила, что у нее нет этой пачки кофе: ее украли. Боже мой, как рыдала мама, оплакивая эту потерю! Ее невозможно было успокоить. Между прочим, пример-

но так же рыдала уже теперь сестра, когда потеряла карточку блокнотницы, по которой ей полагаются некоторые льготы. Я, прихавшая из Америки, смотрела на сестру с ужасом. Слава Богу, карточка нашлась: будучи зеленого цвета, затерялась в кошелке среди овощей и зелени.

Маму от фабрики положили в стационар. Когда мы ходили ее навещать, она украдкой, отрывая от себя, давала нам что-нибудь из еды. Сестренка капризничала:

— Если мама завтра не вернется, я иду в Неву топиться.

Выбегает на улицу, и я не знаю, что делать. Отец бомбардировал письмами и телеграммами райисполком и горсовет, чтобы нас эвакуировали, (уже во всю шла эвакуация по льду Ладожского озера), но все было безрезультатно. Отец писал, если будет совсем невмоготу, чтобы она дала ему знать. Таня довела меня до почты, и я дала отцу телеграмму «Приезжай немедленно. Тамара». Это был крик вопиющего в пустыне: в Ленинград никого не пускали. Придя домой, (пропади ты все пропадом!) я съела хлеб за два дня вперед, съела 100 г. — месячную норму сахарного песка, смешав его с 25 г. какао, и легла на печь помирать. В эту единственную ночь я спала. Назавтра утром раздался стук в дверь, я пошла открывать (Тани дома не было). Улыбающийся молодой человек вручил мне повестку на эвакуацию. Было 3 марта, 1942 г.

ЭВАКУАЦИЯ

Мы с Таней побежали к маме в стационар. Маму не хотели отпускать, она весила всего 32 кг. и должна была лежать там еще неделю, но увидев, что погибают двое детей, ее отпустили. В эвакуацию были вписаны только мама и я с сестрой. Мама побежала в горисполком: дедушку то вписали сразу — отец, а Таню вписывать не хотели. Мама стала кричать, что она ей как родная дочь. Без Тани мы бы не доехали: она была единственно среди нас дееспособной. Ее подкармливали моряки Балтийского флота: давали ей толстые белые сухари. Иногда она делилась этим с нами.

На сборы у нас было три дня. Часть вещей уже была упакована. Никогда не забуду, как я сорвала с окон красивые новые занавески и сунула их в тюк, а мама их выбросила. А вот тяжелую медную ступу положили. Голодными холодными ночами мы мечтали, что будем жить в деревне, у нас будет свой сад и огород, и ступа нам пригодится.

Дедушка хотел сняться с учета в СОБЕС/е/, Отдел социального обеспечения, и я повезла его туда на санках. Навстречу нам и обгоняя также на санках возили покойников, завернутых в половики, иногда несколько тел сразу. На обратном пути дедушка упал. Люди проходят мимо, не обращая внимания на упавших: у самих сил нет. Какая-то сердобольная женщина все же помогла мне усадить дедушку обратно на санки.

Мама целый день бегала, чтобы найти машину, и безрезультатно. Поезд должен был отойти в 19 часов. Дворник и дворничиха — татары согласились везти наши вещи на тележке с Васильевского острова до Финляндского вокзала за 1000 рублей: все, что мама получила при расчете на фабрике. Они просили еще и хлеб, но его у нас не было. Увидев, что мы уезжаем, соседка напротив попросила у мамы корыто. Мама отдала ей корыто. Кто-то попросил кухонный стол, мама отдала и его. Дядя Исай, тоже татарин, пришел помогать носить вещи. Когда мы вышли из парадной, стояли только два чемодана вместо трех. Таня побежала к дяде Исаю, ибо было ясно, что чемодан утащил он. Понятно, он его успел спрятать. Мама растерялась, дворники стали скидывать с тележки вещи, «а то не поедет», видно было, что они с Исаем заодно. Я повернула голову и краем глаза увидела в проеме лестницы за стеклом свою бывшую школьную подругу Нинку, дочь управдомши, которая наблюдала, как мы уезжаем, чтобы потом со своей матерью разграбить нашу квартиру.

— Да плюнь ты на чемодан! — крикнула я матери. — Не погибать же нам здесь из-за чемодана!

Когда приехал в Ленинград отец, соседи ему рассказывали: дядя Исай хвастался, какие в чемодане были хорошие вещи. Я до сих пор помню: там была васильковая из саксонской шерсти кофточка, которую папа привез маме из Прибалтики, в Союзе таких кофточек тогда не было, вязаная красная шапочка, отрез шелкового полотна лимонного цвета мне на платье, отрез майи... а главное: болгарские журналы с узорами для вышивки крестом (я тогда этим увлекалась) и нитки мулине с оттенками...

Дедушку и сестренку мама с Таней везли на санках, я бежала за тележкой с вещами, откуда только силы взялись. Доехали до Невы, там дворники остановили грузовую машину, заплатили шоферу 150 рублей. 850 им осталось ни за что.

На вокзале произошло следующее: мама с сестрой, дедушкой и Таней сели не в тот вагон, который нам полагался. Я не могла их найти и, как обезумевшая, бегала по перрону. Поезд вот, вот должен был отой-

ти. Выбежала в ужасе зачем-то на привокзальную площадь и представила себе, что остаюсь одна в заблокированном городе без родных, без карточек, без всего... Наконец какой-то дяденька указал мне, в какой вагон они сели. Мама удивлялась: «Неужели ты думала, что я уеду без тебя»? Поезд на Финляндском вокзале стоял три дня.

Пассажирам выдали по 1 кг. с лишком хлеба на человека. Некоторые получали хлеб и возвращались домой. Мы с сестрой вдвоем съели целую буханку, хотя отец писал: «не наедайтесь сразу, может быть заворот кишок».

Дедушка умирал. Мама кормила его сахарным песком, но все было напрасно. Мама растерялась:

— Тамарочка, может, вернемся?

Меня охватил ужас. Куда вернемся? Сдали продуктовые карточки... Повели дедушку в Медпункт. Врачи посоветовали: переезжайте с ним Ладогу, там остановитесь и положите его в стационар. Дедушка, который спас нас в блокаду, до Ладожского озера не доехал. Умер в поезде. На станции «Мельничий ручей», где я когда-то отдыхала в пионерском лагере, его вынесли из вагона. Кто-то вошел в вагон и сказал:

— С него сняли каракулевую шапку.

Иногда меня мучают видения: мертвый дедушка лежит на перроне и даже без шапки. В реальности я этой картины не видела, так как не выходила из вагона. Когда Таня добралась до своих и рассказывала в деревне обо всем, что мы пережили, самое страшное впечатление на всех произвело, что дедушку не похоронили. А как было хоронить, когда поезд идет?

На Ладоге все было четко организовано. Капризная сестренка сказала, что поедет только в автобусе. Пошли садиться в автобус. Оказалось: туда пускают детей без родителей. Мы замешкались. Подскочили дружинницы, остановили грузовую машину, побросали туда наши вещи, помогли нам сесть, сестренку сунули в кабину к шоферу, и грузовик помчался на большой скорости. Среди озера машина вдруг остановилась: это сестренка захотела пи-пи. Мама сунула шоферу закрутку с махоркой. В молодости она когда-то курила и стала курить теперь. Было дико холодно, дул страшный ветер. На мне на мое зимнее пальто было надето папино с бобровым воротником, на маме было три пальто: летнее, демисезонное и зимнее, которые ей справили перед войной, на сестренке — две шубки. У Тани замерзла шея. Хорошо, что я в последний момент сунула в портфель отрез вельвета,

предназначавшийся мне на костюм. Таня обмотала им шею.

Настроение было приподнятое: выжили! Навстречу нашей машине по Ладожскому озеру шел поток грузовиков. В Ленинград везли продукты.

Мы приехали в местечко, которое называлось то ли Жихарево, то ли Лаврово. Теперь я этого уже не помню. Нас расположили в церкви. Там мы ночевали двое суток, ожидая эшелона. Я заранее бегала за дежурным милиционером, умоляя помочь нам с вещами. Он погрузил их вещи в автобус и помог их вынести. И вот они стоят перед поездом: мама, сестренка, Таня и я, рядом с ними два чемодана и три тюка, и не в силах погрузить в вагон вещи. Хоть бросай их здесь, а ведь брали с собой только необходимое. Наконец из вагона вышел мужчина и предложил: погрузит их вещи, если они заплатят хлебом. Начиная с этого момента они всю дорогу за каждую помощь, за малейшую услугу расплачивались хлебом: слава Богу, они уже наелись, и у них оставался паек умершего дедушки.

Четырнадцать суток они ехали в «теплушке». Так в военное время называли товарные вагоны, предназначенные для перевозки людей: посредине железная печь-буржуйка, по бокам — в два яруса нары. Это время было для меня не менее страшным, чем восемь месяцев блокады. Все четырнадцать ночей я не спала. На нижних нарах было холодно, а на верхних у меня был крохотный кусочек места, куда я поставила портфель с фотокарточками, который несмотря на протесты матери: «зачем это»? захватила с собой и на нем сидела. Прикорнуть, растянуться не было никакой возможности. Погреться у печки можно было только тогда, когда эшелон останавливался, и большинство пассажиров выходили из вагона. Кормили их на остановках ночью супом из сухой картошки с бараньим жиром, как правило, холодным. У людей от этого делался понос. Из поезда то и дело выносили больных и умерших. Но самое страшное было наблюдать: во что превращается человек в неблагоприятных условиях жизни. Дома в культурной семье она этого не ощущала. Если женщина не могла открыть дверь вагона, та была тугой, какой-нибудь мужик ей предлагал: «Давай хлеб, тогда открою». В дороге у них украли всю посуду: набор алюминиевых мисочек, который отец привез из Прибалтики. В одной из них была несъеденная ими пшенная каша-концентрат. Наверное, из-за этого миски и утащили. Они остались с одним медным чайником: туда брали суп, в крышку чайника — второе и не всегда успевали сходить за водой. Страшно было отстать от поезда. Я выходила из

вагона и ела снег. Потом Тане удалось сменять сестренкино крепжоржетовое платье на поллитровую кружку.

Уезжая скорополительно, мы не успели дать отцу телеграмму. Сделали это только в Вологде. Между тем Таня пошла получать продукты и вдруг обнаружила, что у нее нет эвакуосправки. Вернулась в вагон, обыскали все — эвакуосправки нет. В Вологде дали хорошие продукты: масло, печенье... Им дали два обеда на четверых. Не известно, чем бы это все кончилось. Пассажиры заметили, что одна женщина, она ехала с сыном-подростком, получает слишком много продуктов. Закрыли двери, и начальник вагона потребовал у подозреваемой отдать чужую эвакуосправку. Эта дрянь хотела ее порвать, уже надорвала. Страшно подумать, что бы они делали без эвакуосправки: их бы не выпустили из вагона в г. Молотове, куда они ехали, и вообще, они бы подошли с голоду в эшелоне. Забрали у воровки все продукты, их мало осталось: она всю ночь ела, чтобы не досталось им. Начальник вагона спросил у мамы, как она хочет поступить: высадить воровку из вагона? Та через две остановки так и так должна была пересечь в эшелон, едущий в другом направлении. Мама махнула рукой и сказала: «пусть остается».

С эшелона они сошли в г. Молотове. Дежурные солдаты хотели этому воспрепятствовать, но я закричала: «У нас отец здесь в Горсовете работает». Чтобы помогли вытащить вещи из вагона, они, как и ранее, расплатились хлебом. Мама пошла звонить отцу на работу. Узнав, что они из заблокированного Ленинграда, ей разрешили позвонить в кабинете начальника станции. О ужас, сказали, что отец уехал за ними в Ленинград. И тут со мной случилась истерика: я стала рыдать. При отъезде у меня было только два желания: наесться и увидеть папу. Собралась толпа:

— Девочка, ты кушать хочешь? Девочка, пойдем: я тебя накормлю.

За ними приехали сотрудники отца. Маму они не узнали. Я узнала одного из них. Впоследствии те говорили, что ходили встречать эшелоны с лениградцами и никого не видели страшнее их. В Ленинграде были и пострашнее. Просто люди в таком состоянии не решаются трогаться с места.

Через некоторое время приехал и отец. Она никогда не забудет, как войдя в комнату, он бросился к маме: не чаял, увидеть ее живой. Оказалось: их эшелоны в Вологде стояли рядом. Получив ее телеграмму, отец испугался, что второй раз в жизни теряет семью. Он

пошел к начальнику военного округа, и тот дал ему пропуск без всяких эквивалентов «в Ленинград за семьей». Чтобы быстрее доехать, он на ходу (поезд шел медленно) перепрыгнул с эшелона на эшелон. На Ладожском озере он отдал шоферу свои часы Лонжиновской фирмы за мешок муки. А еще он вез им в банке 1 кг. 200 г. топленого масла. Приехал он в Ленинград ночью. На Васильевский остров шел пешком. То и дело его останавливали патрули, хотели отнять продукты. С трудом добрался до их дома. Поднявшись на четвертый этаж, он стал стучать в дверь их квартиры. Никакого ответа. Наконец, вышла соседка и сказала:

— Уехали... но в таком состоянии, что вряд ли доедут.

Когда отец вошел в квартиру, через пять дней после их отъезда, в ней уже были следы грабежа: унесли все, что можно было унести в руках. В прихожей лежал приготовленный тюк, который отец и привез. Там было мамино старое плюшевое пальто с волчим воротником, которое они сменяли на базаре на муку и масло. Часть мебели, которая была транспортабельна, отец перенес к соседям. Некоторые книги из их обширной библиотеки отнес к приятелю. Ему же оставил мешок муки, вторую половину дал управдомше, предварительно заплатив квартплату за много месяцев вперед. Банку с топленным маслом повез назад.

Управдомша, несмотря на оказанное ей благодеяние, квартиру им не сохранила: напротив, отдала ее секретарю райкома. Тот поселил в ней своих родителей, а сам завербовался в Прибалтику. Вернуть квартиру у них не было никакой возможности. Между прочим, она была кооперативной. Правда, в один прекрасный день государство присвоило ее себе, выплатив за нее ничтожную сумму. Не знаю, как в других городах, но в Ленинграде занятие чужой жилплощади было поголовным. Сотрудник отца не смог вернуть своей квартиры даже с помощью американских родственников. Управдомшу судили за мародерство, дали ей 8 лет, но она достала справку о своей мнимой психической болезни и избежала правосудия.

В Ленинград они не вернулись.

27 января 1944 г. блокада с Ленинграда была полностью снята. За время блокады от голода умерли более 641 тысячи человек.

2004 г.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Приближается 60-летие Дня Победы Советской Армии над немецко-фашистскими захватчиками, и на меня нахлынули воспоминания.

В 1944 г. мы вернулись из эвакуации и жили в Москве у самой Красной площади на улице Разина (теперь снова Варварка). Высунувшись головой и половиной туловища из окна, я могла сверять свои часы по Кремлевским курантам.

В революционные праздники Седьмое ноября и Первое мая демонстранты, возвращавшиеся с Красной площади, проходили мимо наших окон, а я с демонстрации попадала сразу домой.

Учась в МГУ, я ходила мимо Кремля, с опаской поглядывая на древние стены, где засел монстр, который портил мне и остальному советскому народу жизнь.

Если что-нибудь историческое происходило в Москве, я бежала на площадь. На возвышении у подножья храма Василия Блаженного я наблюдала салюты в честь освобожденных Советской Армией городов.

Видела я, как по Москве проводили пленных немцев. У меня в тот день был школьный экзамен по математике, но я так боялась пропустить это зрелище, что забыла сверить ответ задачи и помчалась на Садовую улицу. Было это помпезно: впереди ехал русский генерал на белом коне, покрытым попоной, за ним стройными рядами шли немецкие офицеры. Шли, надо сказать, гордой походкой, с любопытством озираясь по сторонам. За ними снова ехал на лошади с попоной русский генерал, а дальше шли немецкие солдаты. У этих гонору было поменьше. Кто решил доставить такое удовольствие москвичам? Между тем публика отнеслась к этому равнодушно: стояли и спокойно смотрели. Не было никаких эксцесов, которых боялись, может потому, что об этом предупредили по радио. Никто не кинулся избивать немецких солдат, как это сделала моя подруга в Риге, которая стала яростно колотить кулаками в спину немецкого военнопленного, шедшего перед ней по улице.

Когда по радио объявили, что Германия капитулировала, я со всех ног бросилась на Красную площадь, и оказалось — не я одна. У ворот Кремля стояла толпа: ждали, что к ним ради такого радостного события, как Победа, выйдет сам товарищ Сталин. Вот так прямо пешком и выйдет. Толпа стояла и ждала, и странно, что ее не разогнали. Сталин к народу не вышел. Зато на площади появился американский адмирал. Его в восторге стали качать. Какой-то доморощенный

поэт, стоя у трибун, читал вслух свое стихотворение, посвященное Победе. Это был первый и последний раз, когда я слышала в Советском Союзе несанкционированное чтение стихов в общественном месте.

С какой надеждой исстрадавшиеся советские люди ждали этой Победы: думали после войны начнется другая, лучшая жизнь. Бойцы нашей доблестной армии побывали за границей, увидели, как живут в других странах: оказалось, вопреки советской пропаганде — не так плохо. Думали, перестанут арестовывать и сажать в тюрьму невинных людей, не станет у нас больше внутренних врагов, будет много еды и одежды, в литературе и искусстве будет свобода, так что писатели смогут в своих произведениях правдиво изображать эту страшную войну, с союзниками: Великобританией и США будут продолжаться дружеские отношения, Советский Союз откроет границы: и люди наконец-то смогут навестить своих заграничных родственников, начнут путешествовать... Мечтали о многом все вместе, и каждый — в отдельности.

Все произошло с точностью до наоборот.

Советских воинов, побывавших в немецком плену, снимали прямо с поездов и отправляли в ГУЛАГ, ибо наш генералиссимус, не державший в руках винтовки и не командовавший армией, изрек: «сдавшиеся в плен — это предатели.» Между тем, в первые дни войны сдавались в плен чуть ли не целыми дивизиями.

Якобы за измену родине высылали целые народы с родных и насыженных мест в Казахские степи.

Возобновились аресты: «политических», из тех, кто уже отсидел свой срок до войны, посадили по второму разу, прибавили к ним и немало новичков по 58 — статье (деятельность против советской власти).

Я предложила после войны написать нашим американским родственникам. У бабушки в Нью-Йорке жила родная сестра. До войны они не только переписывались, но и присылали из Америки мацу. А однажды они прислали большой конверт с фотографиями своих детей в мантиях и треугольных шляпах, какие здесь надевают после окончания школы или колледжа. Бабушка с дедушкой умерли во время Ленинградской блокады. Мы просто обязаны были им об этом сообщить. Мама железным голосом сказала — нет. И была права: тех, у кого за границей были родственники, сажали. Когда наступили страшные времена, отец порвал конверт и фотографии, где они были в шапках-треуголках. У других фотографий отрезал низ, там английскими бук-

вами были выгравированы какие-то слова, наверное, название фотографической фирмы. Словом, сделал все, чтобы родственников в США я не нашла. Думаю, не я одна. Многие, не переписываясь десятилетиями с заграничными родственниками, потеряли их из виду.

Прибалтика оказалась поработщенной: попала из огня да в полымя. Недаром они не хотят праздновать вместе с «русскими поработителями» 60 — ление Победы Советской Армии.

Над Восточной Европой опустился «железный занавес». «Отец народов» насильно насадил в Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Польше социализм и угодный ему тоталитарный режим, а потом инициировал показательные судебные процессы над видными коммунистами-руководителями государства. Только югославу маршалу Тито удалось от него увернуться.

Прежние друзья стали врагами — началась холодная война.

Еды и одежды не хватало: помню, как ходила в университет в пальто, которое мне купили еще до войны, и мама его переделала. Однако вместе со мной учились генеральские дочери, на нашем убогом фоне они меняли наряды каждый день, шикарно одеваясь за счет награбленного их отцами в Германии добра. С жильем было плохо: его не строили, большинство советских людей в городах ютились в коммуналках. Наша семья, потеряв квартиру в Ленинграде, жила теперь в одной комнате в коридорной системе. Зато в Москве, как рукотворный памятник «зодчему коммунизма» построили несколько дорогостоящих высотных домов для партийной номенклатуры и советской элиты.

На инвалидов войны тягостно было смотреть: пенсия у них была ничтожная, фактически их бросили на произвол судьбы.

Западная Европа была в разрухе, но ей помогал план Маршалла. Наш, как его звали, Хозяин, не могу ему простить до сих пор, от плана Маршалла отказался. Его не заботило, что подвластный ему народ голодает и бедствует.

После того, как конопатый грузин, не умевший толком говорить по-русски, поднял свой бокал «за русский народ», выделив его из семьи многочисленных народов, населявших СССР, начался невиданный доселе в России великодержавный шовинизм. Закон Лавуазье, оказывается, изобрел Ломоносов, радио — не Маркони, а Попов... Французские булки стали называться «городскими», ленинградское кафе «Норд», куда я любила ходить с родителями есть мороженое (его подавали в высоких вазачках с воткнутыми в него тоненькими песочными печеньцами) стало именоваться «Север»... И вообще... русские первые произошли от обезьяны.

Закрутили гайки до предела. В области идеологии один кошмар сменялся другим. За пять лет обучения в университете мы пережили доклад сталинского приспешника Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», после которого Ахматову и Зощенко исключили из Союза Советских писателей и обрекли на молчание, разгром в биологии, который учинил агроном Лысенко, когда из науки повыгоняли и посадили ученых-генетиков, отчего развитие этой области отстало в СССР на много десятилетий, постановление о кино «Большая жизнь» и запрет на показ второй части фильма Эйзенштейна «Великий государь» об Иване Грозном, с которым наш правитель себя идентифицировал, так называемое, «Сталинское учение о языке», вызвавшее гонение на сторонников теории языкознания Марра, борьбу против «космополитов», преимущественно с еврейскими фамилиями.

Началась и продолжалась дискриминация евреев, сначала тайная, а потом и явная. По приказу Сталина убили великого еврейского актера Михоэлса, расстреляли деятелей еврейской культуры, состряпали «дело врачей»... О том, что могло быть дальше...было страшно и подумать.

Но тут произошло незапланированное: тиран отдал концы.

По радио объявили, что День Победы мы будем праздновать официально 9 мая. И тут уже все было организовано: никакой самодеятельности.

24 июня на Красной площади прошел мощный военный парад: демонстрация нашей боевой техники. Советские воины бросали отвоеванные у немцев знамена к подножью Мавзолея, а точнее, к ногам того, кто сам себя возвел в ранг генералиссимуса.

Вечером 9 мая на Красной площади был грандиозный салют из многих залпов и красочный феерверк. На Лобном месте (символично) соорудили фонтан с разноцветными огоньками. Народу было — не протолкнуться. Однако никто, как в Лондоне и Нью-Йорке, не танцевал и не распивал шампанское на улице. Так веселиться в России стали только после перестройки.

В небе надо всем витал сотворенный прожекторами портрет Сталина, будто он один без посторонней помощи одержал эту Победу.

2005 г.

«ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ» *

В очерке «После Победы» я писала: если в Москве происходило нечто историческое, я бежала на Красную площадь. Но вот стали строить гостиницу «Россия», которую теперь хотят снести, и нас переселили в конец Ленинского проспекта на Юго-Запад. Таксисты называли этот район из-за удаленности его от центра Москвы «Кубой» и не хотели везти туда пассажиров.

Красной площади у меня уже не было, зато появилось шоссе. Это была правительственная трасса, по которой проезжали приехавшие в Москву иностранные гости и сопровождавшие их советские официальные лица. Теперь чуть что, я бежала на шоссе. Так видела, как проезжал Де Голь. Когда в 1972 г. в Москву приехал Никсон, не только на шоссе, но даже у парадной собственного дома нам не разрешили стоять: подошел милиционер и вежливо попросил нас зайти в квартиру.

В этом районе мы познакомились и подружились с интересной парой биологов (теперь их уже нет в живых) Сергеем Мюге и его женой Асей Великановой. Сергей, кандидат наук, был к тому же реабилитированным политзэком. Благодаря новым знакомым мы стали регулярно читать «самиздат». Это носило конспиративный характер: ночью (рукописи обычно давались на ночь) в моей комнате, кроме меня, сидят трое незнакомых мне людей, присланных Асей, и мы по листочку читаем роман Солженицына «В круге первом». Слышу, как за стеной волнуются мои родители:

— Ее могут посадить в сумасшедший дом.

Если учесть, что я и сама писала подпольно, это было небезопасно. На следующий день я надевала свою великолепную шубу: светская дама — не придерешься, и относила рукопись Мюге. Иногда мне тут же давали новую. Так мы прочли роман Солженицына «Раковый корпус», «Белую книгу» (материалы о суде над писателями Синявским и Даниэлем), составленную Александром Гинзбургом, читали перевод романа Хэмингуэя «По ком звонит колокол», который был запрещен т.к. в нем упоминалось имя репрессированного журналиста Кольцова. В руки нам попадало множество еще не опубликованных тогда стихов Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Бродского, Слуцкого, Давида Самойлова и др. менее известных поэтов.

Этим чтением и жили. В те годы по Союзу ходил анекдот: отец перепечатывает на машинке «Анну Каренину».

— Зачем? — спрашивают его.

— Мой сын читает только «самиздат».

* Термин из учения немецкого философа Карла Ясперса.

Ещё мы ходили к зданию суда выказывать свою солидарность с судимыми диссидентами, собирали деньги для их семей... Такая вот была у нас «интересная» жизнь. Теперь об этом странно вспоминать.

В 1968 г. я кончила преподавать русский язык в Летней школе ССОД/а/ (Союз Советских Обществ Дружбы). На сей раз у меня были студенты из Австрии. Как всегда, после окончания занятий у нас был прощальный вечер. Обычно он проходил в ресторане, где мы занимали целый зал. В этот раз в зале были посторонние. Покинула вечер старшая преподавательница нашего потока, ушла девушка-гид из Интуриста, собралась уходить и я, но перед этим подошла к группе из ФРГ передать привет своему прошлогоднему студенту. Меня попросили присесть. В группе был литературный критик, и он меня спросил:

— Почему русские своих лучших писателей в тюрьму сажают: Достоевского, Синявского?..

— Искусство развивается по принципу: чем хуже, тем лучше. Писатель, который страдал, становится талантливей.

— Значит, поэтому их и посадили?

— Я что-ли их посадила?!

Меня прорвало: я начала нести контру... и между прочим сказала:

— Перед занятиями нас накачивают инструкциями, а по окончании занятий мы пишем отчет и даем характеристику...

— Каждому?! — испугался критик.

— Мы это знали, — заметил руководитель делегации, — так было и у нас.

Он имел в виду времена Гитлера.

— Я счастлив, что нашелся человек, который так думает, который открыто это сказал!!! — воскликнул критик.

Я встала.

— Вам лучше уйти, — произнес руководитель, — здесь много ваших. Мы расскажем Буссэку (фамилия моего бывшего студента), что Тамара революционер.

Критик кинулся за мной. Мы сели в автобус. Меня продолжало нести. Я говорила по-немецки.

— Я не могу здесь жить! Не могу иметь детей: не хочу, чтобы они жили в тюрьме! Каждый день я думаю о самоубийстве! Я нахожусь в «пограничной ситуации»...

— О, вы знакомы с философией Ясперса, — обрадовался немец.

— «Пограничную ситуацию» можно перепрыгнуть.

— Как?!!

— Молодежь всего мира борется, даже в Чехословакии... (Это было время студенческих волнений в Европе и «Пражской весны»). У нас молодежь добилась многого... В нашей стране почти социализм.

Мы сошли с автобуса.

— Дальше вы меня не провожайте. Пусть все, что я говорила, останется между нами.

— Меня завтра здесь не будет, — возмущенно заметил он.

Я пожала ему руку, сказала по-русски «до свидания» и, как писала в немецких антифашистских романах, которые мы изучали на филфаке МГУ, «исчезла в темноте».

«Пограничную ситуацию» можно перешагнуть. Молодежь Чехословакии борется...» вспомнила я, когда слушала сообщение ТАСС: «Пять стран Варшавского договора по просьбе чешских руководителей (наглая ложь) ввели свои войска на территорию Чехословакии чтобы помочь чешскому народу справиться с контрреволюцией». Контрреволюционеры — те, которые непрошено врываются в чужую страну, чтобы подавить там свободу. Мало того, что свободы нет у нас, так хотят ее задушить во всем мире. И так же, как после Мюнхенского соглашения в 1938 г., никто за Чехословакию не вступился. Почему Советский Союз не изгнали из ООН?! Зачем существует эта никчемная организация?!

Их было семь человек, семь советских граждан, которые вышли на Красную площадь протестовать против вторжения с плакатами: «Руки прочь от ЧССР!», «Долой оккупантов!», «Свободу Дубчеку!»... Не буду перечислять их имена, они известны. Назову только мужа Асиной сестры Тани Великановой ученого-лингвиста, сотрудника Института русского языка Константина Бабицкого. Он держал плакат «За нашу и вашу свободу!»

Продолжай мы жить у Красной площади, возможно, я фатально могла бы оказаться с ними. Но у меня было шоссе — правительственная трасса. Когда в Москву приехал и проезжал по шоссе новый «руководитель» Чехословакии Гусак, назначенный вместо снятого нашим правительством с помощью доблестных советских войск Дубчека, я вышла на шоссе. Там стоял специально пригнанный для такого случая народ, среди них школьники-старшеклассники. Я втиснулась в толпу школьников. Внутри у меня все клокотало: мало того, что свой народ угнетаете, так еще и другим жить не даете. Когда поровнялась машина с Гусаком, я что есть мочи, крикнула:

— Долой Гусака! Да здравствует Дубчек!

Не только Гусак в закрытой машине это не услышал, не заметил

моего крика и стоявший перед моим носом милиционер. Слышали только школьники.

Они в ужасе на меня обернулись. Я же, довольная выполненным делом, пошла домой. Об этом диком поступке я никому не рассказала.

В эти же дни прихожу к сестре. У них переполох.

— Сжигай свои стихи! — кричит она мужу. Он ей в ответ:

— Сжигай лучше свои доллары!

Она где-то достала 4 доллара, надеясь дать их тому, кто едет границу и привезет ей на эту «крупную» сумму какую-нибудь шмотку.

— В чем дело? — спрашиваю я.

Асе из квартиры Кости Бабицкого и ее сестры Тани позвонил Сергей и, в остроумии ему не откажешь, сказал: — Скоро прииду домой. Не волнуйся: здесь просто обыск.

Услышав слово «обыск», Ася схватила самиздатские материалы и принесла их Люде. Среди них стихотворение Кости, посвященное мужественному чешскому народу. Сестра хочет бумажку с этим стихотворением сжечь. Муж не дает.

— Пойдет дым, прибегут соседи...

— Дайте это мне.

Спускаюсь на второй этаж в свою квартиру, навстречу поднимается сосед. Показалось, он странно на меня посмотрел. Я порвала бумажку с мужественным Костиным стихотворением на мелкие кусочки, размочила их в консервной баночке так, чтобы нельзя было разобрать ни одной буквы, и собираюсь вынести это на помойку. Раздается стук в дверь:

— Кто?

— Сосед.

Понятно, не открыла, но решила, что сейчас выходить нельзя. Сделаю это завтра. На следующий день выкинула баночку в помойку за овощным магазином. Сестра моя не давала спать своему мужу всю ночь. Утром пришла Ася и забрала «материалы». Косте дали три года. Отсидев, он направился в родной Институт русского языка наниматься на работу. Ему сказали: «мест нет» и твердо добавили «и никогда не будет.»

«Пограничную ситуацию» я смогла преодолеть только благодаря эмиграции.

2005 г.

ЗАЯЧЬЯ ШКОЛА

Как-то днем, когда я была одна дома, пришли девушка, которую я знала, и двое незнакомых мне молодых людей, один из которых Виктор Любовцев работал в Радиокomitee. Они спросили у меня телефон подруги моей сестры и тут же побежали к автомату в коридоре ей звонить. Вечером пришла сестра и объяснила: в автомобильной катастрофе погибла девушка, и у нее в записной книжке нашли телефон Любовцева.

— Эврика! — воскликнула я вслух, — Из этого можно сделать потрясающий сценарий!

И тут же стала его писать. Герой, по заданию милиции: установить личность погибшей, обходит своих подруг из донжуанского списка, и оказывается: ни у кого из них нет подлинного счастья. Так я свою кинокомедию и окрестила «Мертвое счастье». Главный персонаж, помимо квартир своих бывших возлюбленных, побывал на вечере молодых поэтов, где вместо стихов прочел свой донжунский список, на концерте хора, в частной приемной у врача, в морге, где ему приснился странный сон: танец трупов.

Всем, кому я давала читать, кинокомедия нравилась. Одни, читая ее, смеялись («хохотала, как безумная»), другие напротив находили ее мрачной («откровенно говоря, я мало смеялся»). Сходились на том, что написано современно и на высоком профессиональном уровне.

У меня возникла мысль, чем черт не шутит, попробовать ее куда-нибудь пристроить. Посмотрев постановку ленинградского кукольного театра «Двенадцать стульев», решила отнести свою комедию в Театр кукол Образцова. Знакомые назвали мне имя завлита Элеонора Густавовна Шпет, хотели меня к ней отвести, но кончилось тем, что я пошла одна. Завлит любезно приняла мою рукопись и попросила позвонить через неделю. По телефону сказала: «приходите».

— Я удивляюсь, вы молодой человек, — начала она разговор потечески, — Откуда у вас такой пессимизм? Это мне, старухе, пристало. В конце комедии вы изобразили танец трупов в морге.

— Там нет реального трупа. Это герою кажется. Сейчас в Москве проходит Мексиканская выставка, и там полно бумажных скелетов.

— Мне больше понравились веселые зайчики. Допустим, это мы опускаем. Но все равно. Вот женщина...совершила ошибку... но есть ребенок. И потом я не вижу вашего отношения. Герой приходит в милицию, он уже не боится, что его посадят...

Кто, кто, а Элеонора Густавовна Шпет поняла меня правильно:

герой вернулся из-за граничной командировки, обходит своих знакомых, и ни у кого из них нет счастья. Кто виноват? Конечно — советская власть. Мы беседовали довольно долго.

— Нам подходит и тема, — сетовала завлит, — Подходит и прием, но уж очень мрачно, очень мрачно.

Я предлагала ей сделать, как в постановке «Двенадцать стульев». На сцене — похождения моего героя, на экране между тем — целина, великие стройки коммунизма...

— Вы имеете в виду эти дивертисменты? Там сама идея положительная: деньги достались народу.

В кабинет вошел какой-то мужчина.

— Я даже не могу сказать, как это надо переделать.

Я подумала, сколько я ни переделывай, я никогда не допеределаю так, как ей нужно. Она по моим скромным замечаниям поняла, что я и переделывать не стану. Я встала, чтобы уйти, она вышла из комнаты вместе со мной.

— Если вы хотите, чтобы ваши произведения увидели свет, — увещевала она меня по-матерински, — Я вам советую обратиться к более оптимистическим темам.

Далее произошло невероятное: в темном фойе она меня обняла.

— Я вижу, вы расстроены.

Я была расстроена не больше и не меньше, чем я вообще расстроена в жизни.

— Единственное, что я могу — дать вам мою жилетку, чтобы вы могли выплакаться.

Я попробовала отстраниться, она прижала меня крепче и в таком виде подвела к дверям зрительного зала.

— А теперь посмотрите спектакль, и вы увидите, что в жизни есть и много веселого.

Шел дневной детский спектакль «Заячья школа». Я постояла минут пять и ушла. Зайцем я становиться не собиралась.

После похода в Театр кукол Образцова я окончательно поняла: мои произведения в Советском Союзе «света не увидят».

LATERNA MAGIKA

В Москву из Чехословакии приехал театр LATERNA MAGIKA. В переводе — «Волшебный фонарь.» В своих спектаклях он соединял театральное действие с языком кино. У меня в голове была творческая задумка: поставить таким образом мою кинокомедию «Мертвое

счастье». Я решила предложить ее чехам, тем более, что мой герой вернулся из Чехословакии. Узнала: труппа остановилась в гостинице Киевская. Поехала туда, уточнила телефон главного режиссера, позвонила и сказала, что хочу с ним поговорить. Было утро. Когда я вошла в тесный номер гостиницы, режиссер сидел на кровати и явно был смущен моим появлением, вернее, растерян. Испуганно прочитал название опуса «Мертвое счастье». Взглянул на мою левую руку: искал обручальное кольцо, видимо хотел понять, принесла ли я сценарий своего мужа или мой собственный. По его просьбе написала на рукописи свои координаты: имя, фамилию и адрес. Через несколько дней позвонила. Ответил чужой голос: чешского режиссера здесь нет. Страшно перепугалась. Оказалось их просто переселили из убогой гостиницы Киевская в помпезную Украина.

Между тем, сестра достала билеты на представление театра LATERNA MAGIKA. Ничего особо выдающегося я там не увидела. По сцене дефилировали голые ноги, вписанные в плывущий на экране комбайн, спортсмен в фильме держал в кулаке за ниточку реального скрипача, который стоял на сцене. Из декораций был шкаф, и с ним происходили разные кинофокусы. Но все это не может сравниться с тем, что произошло со мной.

Я долго думала, как назвать героя комедии. Имя «Виктор» мне было нужно: по-латыни это означает «победитель». А как быть с фамилией? Она должна быть от слова «любовь». Я стала перебирать в уме: «Виктор Любимов» — эпопея, «Виктор Любов» — соцдрама, «Виктор Любушкин» — водевиль. Словом, ничего лучше, чем в жизни, придумать не могла. Заглянула в «Литературную газету» и увидела подпись под статьей «Владимир Любовцев». Решила: фамилия распространенная, позже узнала, что это родной брат моего героя.

Дозвонилась чешскому режиссеру. Мы разговаривали по-немецки. Он назначил встречу после спектакля и сказал, что будет с переводчиком.

— Разве мы нуждаемся в переводчике? — игриво спросила я.

В назначенное время я пришла в Дом кино, где проходили спектакли LATERNA MAGIKA. Села в фойе за журнальный столик и стала ждать. Вышел режиссер, с ним мужчина – чех и русская девушка, гид и переводчица. Мужчина-чех по-русски сказал:

— Режиссер говорит: сценарий хороший, но он не видит в нем соединения театра и кино.

— Где моя рукопись?

Режиссёр кивнул на переводчицу и быстро удалился. Мгновенно

подскочил типичный советский дядька и объявил:

— Фамилия моя Петров, звать Федор, по батьке — Логинович. Жена у меня еврейка.

Мне стало смешно. Будто я передала сценарий чешскому режиссеру исключительно потому, что меня здесь дискриминируют по национальности.

— Герой приехал из Чехословакии, значит сценарий надо нести чехам?! Вы бы хоть с мамой посоветовались. Скажите, фамилия героя случайна? Изображен подлец, и у подлеца есть имя. И вы хорошо знаете жизнь, которую изображаете.

Встряла переводчица:

— Я пять лет с ним училась: он совершенно не такой.

— Пардон, я не знаю никакого Любовцева!

— Вы знаете, что такой человек существует.

У меня мелькала мысль, что кто-нибудь может опознать меня: на рукописи стояла моя фамилия. Что, опознают моего героя — такое бывает только в кино.

— Мы строим коммунизм, — заявил «по батьке Логинович» — Такая уж у нас эпоха, и строить карточные домики вам не позволим.

Рукописи моей они мне не вернули. Дома со мной произошла сцена, почти как в моей кинокомедии, когда герой, узнав, что ему пришла повестка из милиции, начинает бросать в огонь старые тетради. Жечь я ничего не собиралась. Я дорожила своими произведениями. Позвонила подруге Симе. Та подъехала на такси. На случай обыска, я дала ей на хранение две папки с моими рукописями. Муж сестры был уверен, что меня посадят. Лучше всего на это отреагировал мой отец.

— Нашла окно в Европу! Ты бы меня спросила, что такое чехи. (он у них бывал, лечился в Карловых варах и встречался с ними по работе): — Увидит памятник советским воинам и уже за три версты кланется и снимает шапку.

На следующий день я позвонила режиссеру:

— Зачем вы отдали «им» мой сценарий?

— Я не мог его прочесть, — оправдывался он.

Я отправилась в Дом кино вызволить свою рукопись. У меня, конечно, была копия, но я не хотела оставлять сценарий «им». К тому же я считала: хамству нельзя дать на себя насесть, с ним надо бороться.

— Вижу, вижу, что вы хотите забрать сценарий, — говорил «по батьке Логинович», — Вы что ж, хотели, чтобы с ним познакомился только чешский режиссер?

Подошел какой-то молодой человек и произнес:

- Приносить такую грязь и еще скандалить.
- Это произведение искусства, — заметила я.

Насилу от них добилась: рукопись моя находится у зав. отделом кадрами Госконцерта.

Я просидела в кабинете кадровика почти весь рабочий день, требуя отдать мне мою рукопись, чего он категорически делать не хотел.

— Жаль, что я не могу вызвать милицию и сказать, что вы украли у меня рукопись.

- Вы на это способны.

Я так откровенно себя вела, что он не выдержал и недоуменно спросил:

- Девушка, я не понимаю, у нас советская власть?

Наконец, он вытащил откуда-то мою рукопись и свирепо прорычал:

- Еще раз принесете что-нибудь подобное, уничтожу!!!
- Не имеете права!!!

На наши голоса в кабинет вбежала растерянная сотрудница. Кадровик замешкался, и я почти силой выхватила у него из рук свою рукопись. Около кабинета собралась толпа сослуживцев. Удаляясь, я вслух произнесла:

— У меня иммунитет против хамства. Я всю жизнь живу среди хамов.

- И сама хамка! — раздалось мне вслед.

Я не поленилась, обернувшись, приоткрыла дверь и сказала:

- Уже научилась: с волками жить, по-волчьи выть.

На рукописи появилась странная заклепка. Я так и не поняла, где побывало, могло побывать мое «произведение искусства», или я вовремя его и себя спасла?

Дошла моя кинокомедия и до прототипа моего героя. Когда подруга моей сестры оказалась в их компании, он лез на нее с кулаками:

- Вся работа (чешская редакция Радиокомитета) хохотала.

Я была довольна. Впоследствии я нашла подходящее имя для моего героя «Любцев» и сделала так, что он вернулся из ГДР.

Произведения мои увидели свет в Америке.

2006 г.

ПРОПАВШИЙ ГРАЖДАНИН

В 1964 году я кончила писать трагедию о декабристах «Гражданин России», которую начала десять лет назад сразу после смерти Сталина, надеясь на свободу в искусстве... но сорвалась и заболела. Мой врач и друг с восторгом известил о моих успехах весь Научно-исследовательский институт психиатрии, где я когда-то лечилась. Давал он читать ее и своим знакомым. Пьеса всем нравилась. Было понятно, уйдя в историю, я имею в виду современность.

— Вы попали в струю, — сказал мне мой друг.

— Я в струю попадаю ровно на десять лет раньше, чем все остальные.

Показал он пьесу завлиту Московского драматического театра. На вопрос «можно ли ее поставить» ответила: «от чего ж... но лично она не в ладах с режиссером». Между тем, спросила: «есть ли у Тамары еще пьеса?»

— Показали ли вы мою трагедию во МХАТ/е/?

— Не нашел достойных, — ответил брат ведущей актрисы этого театра.

Была «оттепель». Чем черт не шутит: может какой-нибудь театр и захочет поставить мою трагедию «Гражданин России». Я решила отнести ее в Театр Маяковского Охлопкову. Он недавно с такой помпой поставил «Гамлета», дав главную роль молодому, еще тогда неизвестному актеру Михаилу Казакову. Я сидела и ждала режиссера в вестибюле театра, вместе с тем, наблюдая за тем, что там происходит, и вполне могла бы написать на этом материале пьесу абсурда.

Появился Охлопков, прошел к себе в кабинет. Ему позвонили, он твердо произнес: «Пьесы для чтения принимает только заведующий литературным отделом». Ничего не оставалось, как передать рукопись завлиту. За это время я посмотрела в Театре Маяковского пьесу Брехта «Кавказский меловой круг». Пьеса мало интересная, поэтому и сказать о ее постановке нечего. Впоследствии я видела в этом театре «Медею» Эврипида. Когда я смотрела, мне вроде бы нравилось, но когда в Москву приехал Театр древнегреческой трагедии с актрисой Еленой Меркурри, которая стала министром культуры в Италии, тут я увидела настоящую Медею. Между тем, у меня состоялся телефонный разговор с завлитом Театра Маяковского. Мне сказали, что пьеса им не подходит, они передадут мне рукопись через вахтера.

— Я приду за ней сама, сказала я.

Хотелось взглянуть в лицо человека, который сообщит мне об от-

казе поставить мою вольнолюбивую пьесу, «где все ясно», как заметила моя подруга.

— И давно вы пишете? — с понятным любопытством спросила меня завлит. — Вы уж не сердитесь на наш театр...

Эту фразу я потом слышала много раз и от завлитов и от издательниц... Дескать, не они решают, что ставить или публиковать. Есть указания свыше, а им остается только соблюдать внутренний контроль.

Понесла свой опус в «Современник». Встретила меня весьма вальяжная дама.

— Расскажите о себе... Кто вы по профессии? Я ведь не знаю, с кем имею дело...

— По профессии я журналист, а чтобы знать, с кем вы имеете дело, надо сначала прочесть пьесу.

Через некоторое время позвонила. Оказалось, им принесли четыре пьесы о декабристах: кроме моей, Булата Окуджавы, Горина и еще кого-то.

— Мы возьмем что-нибудь из вашей пьесы, что-нибудь из их...

Мне стало дурно, захотелось забрать скорее рукопись. Между тем, «мороз крепчал»: «оттепели» наступал конец. Я боялась звонить в «Современник».

— Мы выбрали момент дознания.

Главным героем у них оказался Николай Первый. Царь допрашивает участников восстания 14 декабря 1825 г. Они каются и доносят друг на друга. Я была так возмущена, что даже не захотела смотреть их спектакль.

Но вот появился революционный театр. Театр на Таганке. Актер и руководитель школы-студии Вахтанговского театра Юрий Любимов поставил со своими студентами пьесу немецкого драматурга Бертольда Брехта «Добрый человек из Сезуана». Постановка имела оглушительный успех. Ее демонстрировали в Научно-исследовательских институтах, которые в те времена были очагами прогресса. Лично я видела ее в Доме литератора вместе с переводчицей пьесы Верой Топер, которая сетовала, почему назвали «из Сезуана», когда правильно: «из Че-Су-Ани».

Вскоре Любимову дали свой театр, вернее, помещение для театра. Чтобы достать туда билеты, нужно было, как сразу после войны за мукой, стоять в очереди, отмечаться и дежурить ночью. Еще-бы, помещение на Таганке было маленькое, а туда устремились толпы театралов: давно хотелось увидеть что-нибудь новенькое.

Второй постановкой после Брехта были «Десять дней, которые потрясли мир» по книге американского журналиста Джона Рида. Все в Театре на Таганке было революционным. Входные билеты накальвались прямо на штыки, с которыми стояли у входа два актера, одетые в красноармейскую форму. После просмотра спектакля предлагалось бросить бумажку в красный ящик, если постановка вам понравилась и в черный — если нет. Было много режиссерских находок и штучек, собственно из них и состоял весь спектакль, впрочем как и последующие у Любимова. Я успела посмотреть у них «Антимиры» на материале поэзии Андрея Вознесенского, «Емельян Пугачев» по поэме Сергея Есенина, модернистскую интерпретацию «Героя нашего времени» Михаила Лермонтова, «Тартюф» Мольера. Видеть «Гамлета» с Высоцким, увы, не удалось. Знаю только по отзывам и рецензиям. Дания уже не тюрьма, она могила. Страшный вертящийся занавес, он играет там главную роль, заволакивает всех. Каждый персонаж должен решать для себя вопрос «быть или не быть?» Перед началом спектакля на сцену выходит Высоцкий с гитарой и то-ли поет, то-ли декламирует стихотворение Бориса Пастернака: «Гул затих, я вышел на подмости». Понимаю режиссера Андрея Тарковского, который по этому поводу сказал: «Мне было стыдно за Высоцкого». И действительно: какое это отношение имеет к Шекспиру?

Я решила нести свою революционную пьесу в революционный театр. Откуда-то я слыхала, что завлитом в Театре на Таганке является драматург Эрдман, автор пьесы «Самоубийца», который отсидел в ГУЛАГ/е/ и теперь реабилитирован. Я этому очень обрадовалась, надеясь, что он меня поймет. Когда я вошла в помещение театра, на встречу мне шел высокий худой мужчина с интеллектуальной внешностью.

— Вы завлит?

— Нет. Вот завлит, Элла Петровна, — и указал на женщину за столом.

Мне ничего не оставалось, как отдать ей свою рукопись. Это было для меня и моей трагедии «Гражданин России» роковым шагом.

Между тем Любимов выступал в Институте востоковедения, где работала моя сестра. После лекции я к нему подошла и сказала, что принесла в его театр рукопись...

— Вы оставили ее Элле Петровне? Хорошо, я ее посмотрю.

Я обрадовалась и перестала переживать, что не отдала пьесу лично ему.

События развивались таким образом: Любимов подготовил инсце-

нировку «Павшие и живые» о поэтах Павле Когане, Николае Кульчицком, сыне Багрицкого и ныне живущих поэтах. Постановку запретили. Она должна была идти в помещении Театра Маяковского. Я подошла к Театру и увидела расстроенного Любимова в сопровождении двух молодых людей. Спрашивать: прочел ли он мою пьесу в такой момент было неэтично. Через некоторое время я ему позвонила:

- Мне забрать пьесу или вы ее все-таки прочитаете?
- Ну если вам необходим этот экземпляр...
- Нет... у меня есть другой. А когда мне вам позвонить?
- А позвоните вы мне осенью.

Все лето я ждала возможности ему позвонить. Осенью узнала «Павшие и живые» разрешили к постановке. Теперь можно и звонить.

— Юрий Петрович, вас можно поздравить: «Павшие и живые» вышли из могилы... А теперь скажите, прочли ли вы мою пьесу?

Он стал мямлить нечто невразумительное:

- Я люблю пьесы очень условные...
- Вы сетовали с эстрады, что у нас не пишут на революционные темы.

— Я имел в виду форму.

Мне очень хотелось его спросить: «Как вам понравилась сцена в бане?» Было ясно: он моей трагедии «Гражданин России» и в глаза не видел. Так поступил бы комик. Я же, трагик, спросила:

- Значит, вам моя пьеса не понравилась?
- Я не могу сказать, что она мне не понравилась, но МХАТ бы ее поставил лучше.

Я пошла в Театр на Таганке забирать свою рукопись.

- Юрий Петрович прочел мою пьесу? — спросила я у завлита.
- Нет. — сказала она таким тоном, из которого было ясно: она сделала все, чтобы оградить «революционного» режиссера от революционной пьесы.

Я вынула из сумки листки бумаги, карандаш, и написала Любимову записку:

«Уважаемый Юрий Петрович! Сегодня, забирая свою пьесу «Гражданин России» у Эллы Петровны, я узнала то, что мне было ясно с самого начала: разговаривая со мной в течение двадцати минут по телефону о моей пьесе Вы между прочим не удосужились ее прочесть. Оно понятно: зачем читать рукопись какого-то безвестного автора, особенно если тот ко всему прочему еще и является женщиной. Уж читать, так апробированные произведения своих знакомых. Посредственности трудно поверить в исключение, но я это как-ни-

будь переживу. Пьесы могут существовать и без театра, чего о театрах сказать нельзя. Обидно только, что железным занавесом нас оградили, увы, не от Запада. Это было бы еще полбеды. Ужас в том, что нас оградили друг от друга. Эпизод о том, как режиссер разговаривает с автором о его пьесе, не соизволив ее рочечь, я изображу в своем киносценарии «Пропавший гражданин». Мне было странно выслушивать Ваши сентенции по поводу «неглубокого натурализма, царящего в нашей молодой драматургии», мне, романтику, не имеющего никакого отношения к натурализму в частности и к нашей драматургии вообще. А фраза «МХАТ бы поставил ее лучше» — была просто шедеврально. Я хохотала над ней три дня.

В пьесе моей много условного. Я так же, как и Вы, люблю Гюголя и Шекспира. Последнего считаю своим учителем и посему желаю Вам в будущем, подлинно, а не мнимо новаторских успехов, ибо нацепить на себя давно сношенную спецодежду Пролеткульта — пока что еще не новаторство, а только эпигонство».

Тамара Григорьевна.

Пока записку передавали, Любимов был на репетиции, я из театра ушла.

Вспомнила я об этом эпизоде, когда читала пьесу Гюнтера Грасса «Die Plebejern proben den Aufstand». («Плебеи пробуют восстать.») В пьесе изображается восстание, происходившее в ГДР в 1953 г. «Революционный» режиссер: имеется в виду никто иной, как живший там Бертольд Брехт, репетирует «революционную» драму. Когда к нему приходят восставшие и просят его возглавить восстание, он оказывается несостоятельным.

2006 г.

МОСКВА ПЕРЕСТРОЕЧНАЯ**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

После перестройки я посетила Москву три раза. В 1992 г. я сравнила тамошнюю жизнь с тем, что было раньше при советской власти. В 1996 г. я приехала в новую страну. Помню, как восхищалась: какая Москва стала красивая! Отреставрированные церквушки и свежеевыкрашенные старинные особняки заиграли новыми красками. Тверская улица и Новый Арбат благодаря появлению там реклам и магазинов знаменитых иностранных фирм преобразились. Раньше, бывало, идешь по городу: лимонада негде выпить. Теперь летом всюду кафешки на улицах, как в Европе. Из-за этого моего восхищения со мной даже поссорился мой старый друг-художник .

— Кто это может себе позволить? — возмутился он.

Только новые русские, ибо цены у этих фирм, как в самых дорогих европейских магазинах, а стоимость наших напитков soft drink такая же, как в американских автоматах, вот только зарплата в России другая.

В этот свой приезд случилось так (возможно, это возрастное): я невольно стала сравнивать российскую жизнь с нашей американской. При всех изменениях к лучшему — это несопоставимо. Качество жизни иное. Отсутствует то, что для американца наравне со свободой чуть ли не главное — уют.

Меня встречали сестра и приятель ее мужа с машиной. Надо отдать должное Лужкову — мэру Москвы — он заботится об автомобильных дорогах. Шоссе от аэропорта Шереметьево, которое раньше называли « дорогой смерти» (столько там было несчастных случаев) теперь починили, вновь заасфальтировали, построили виадуки. Едешь по нему, и сердце радуется. Но вот вы подъезжаете к дому ваших родственников, и настроение у вас снижается: здание, как правило, облезлое, в парадном пахнет кошками. Убранство квартир (вернее, их неубранство), особенно таких мест, как кухня, ванная или прихожая — есть оскорбление эстетического чувства. Так когда-то выразилась одна моя знакомая по поводу российских дач. Новые русские (только они могут себе это позволить) делают у себя в квартирах так называемый евроремонт. Как правило, соединяют туалет с ванной (помните, с каким ужасом мы воспринимали совмещенный санузел?) Облицовывают ванную и кухню кафелем, убирают под навесные потолки проводку, меняют ручки у дверей и окон, встраивают шкафы...

и, вообще делают массу преобразований в своих квартирах. Загородом новые русские строят не дачи, (дачами это назвать нельзя), самые настоящие замки, даже архитектура замка. Овальные окна, как бойницы, и двухметровый каменный забор. Это, очевидно — чтобы в случае чего укрыться от народного гнева. Иногда дом стоит недостроенный (за такой не надо платить налог), а в нем живут.

У сестры квартира на первом этаже, и она на охране. Каждый раз, когда я приезжаю, меня по новому учат, что надо делать перед уходом и после прихода в квартиру. Как-то, придя домой, я забыла нажать какую-то кнопку и позвонить по телефону на пульт. Мгновенно появились два милиционера, которых я долго не хотела пускать, думая, что именно они и есть воры. Они потребовали у меня документы. Я предъявила им свой американский паспорт, а они не унимались и спрашивали: «где прописка?» Закончилось это штрафом за ложный вызов.

Мне дали три ключа от квартиры. Про один сказали: «Можешь совать его и той и другой стороной», про другой заметили: «до конца его не просовывай». Деревянная дверь, соединяющая две квартиры, распахлась и подчас не хотела ни закрываться, ни открываться. В Америке в нашем доме двери открываются автоматически. Каждый раз, когда я не могла в Москве закрыть или открыть входную дверь, я думала: завтра же уеду, сил моих больше нет. Я обращаю внимание на эти, казалось бы, мелочи, потому что некоторые из нас страдают ностальгией, забыли, что значит жить там.

Выходите вы на улицу: московский пейзаж омрачают нищие. Их стало больше и они помолодели. Сидит женщина с ребенком, надсменка из Таджикистана, а то и парень с двумя детьми. Около него дощечка с надписью: «Жена в больнице. Помогите, Христа ради». В бывших советских республиках часто нет работы. Люди приезжают в Москву на заработки. Пока мужчины заняты какой-нибудь подсобной работой на рынке, их жены и дети просят милостыню. Ночуют они в сараях вповалку. Почти каждую мою поездку в метро сопровождал такой момент. В вагон входит девчонка лет 10-12 то ли таджичка, то ли цыганка, становится на колени, проходит так весь вагон, дотрагиваясь рукой до каждого пассажира. Один-двое ей что-нибудь подадут. С ней мальчонка лет восьми, за спиной у него грудной младенец: грязные, оборванные. Сколько бы меня не уверяли, что нищенство нынче в России — это бизнес, смотреть на них тяжело. Когда едешь в электричке, твое «прайвеси», помимо нищих, нарушают проходящие по вагонам продавцы и громко рекламирующие свой нехитрый товар: га-

зеты, журналы, ручки, зубные щетки... и другую мелочь.

Постепенно вас затягивает российский быт. Моей сестре повезло: ей не надо, как другим, ездить за продуктами на транспорте, рынок почти напротив ее дома. По сравнению с 1996 годом наблюдается разнообразие продуктов питания. Например, сыр российский трех сортов, изготовленных в разных городах. Масло крестьянское, масло «Бежин луг»... В какое-то из них добавляют подсолнечное. Разнообразие настораживает. По ТВ передавали: из 86 проверенных продуктов 46 не соответствовали нормам. На одном из рынков Москвы продавали дешевую водку, от которой мужики травились. Моей сестре разнообразие не нравится. Ей кажется, что жить было легче, когда не было выбора. Хлеб по-прежнему дешев: 5 рублей — черный, 7 — белый батон. На остальные продукты цены примерно такие: то, что у нас стоит фунт, у них — килограмм. Овощи и фрукты у них хуже выглядят, зато — вкуснее, ибо выращены естественным образом и не обработаны консервантами. Конечно, культура продажи не та. Когда я первый раз вошла в американский супермаркет, меня поразило не столько изобилие, сколько сверкающая чистота и красота. На рынках, где есть палатки, еще ничего: продукты лежат в холодильниках. Там, где палаток нет, мясо лежит прямо на деревянном прилавке, на него садятся мухи. Рядом с подвешенными тушами висит одежда продавца.

На рынке нет больше засилья «лиц кавказской национальности». Фрукты привозят не только с Кавказа и Крыма, но и из Молдавии, Поволжья... Есть и такое: рядом с рынком палатка — нечто вроде кафе: можно выпить пиво и съесть шаурму (греческое «гайро»). Кавказцы сидят там и прохлаждаются, пока русские женщины продают привезенный ими товар.

Промтовары обыкновенная публика тоже покупает на многочисленных оптовых рынках. Торгуют там китайцы, вьетнамцы, индусы и русские челноки не очень качественными, а подчас и списанными на Западе товарами. На рынке не протолкнуться, народу масса, то и дело на тебя наезжают повозки с поклажей. Непонятно, где эта огромная армия продавцов ночует, где они все помещаются в столице?

Я жила три месяца в Москве и пять дней провела в Петербурге. Я не была в провинции. Люди, которые там бывают, рассказывают: две трети населения живут за чертой бедности.

Один из моих друзей в Кливленде просил меня узнать: как «там» с еврейским вопросом? Я обратилась к мужу моей сестры. Он мне сказал, что антисемитизма сверху в России больше нет. Все теперь зна-

ют: религия иудеохристианская. Выходят книги о еврействе. Две такие ему подарили: «История евреев в России в XIX веке» и о евреях средневековья. Обе чудесно изданы. На открытии Еврейского центра на Красной пресне присутствовал сам Путин. Есть еврейский театр на русском языке «Шалом». В столице проходит фестиваль Соломона Михоэлса. Со всех концов страны съезжаются театры с постановками на еврейскую тему, ансамбли исполняют еврейские песни.

А вот как этот вопрос выглядит снизу. В Москве есть место около метро — бывшее название «Площадь Революции» у стен Музея Ленина (не знаю, что сейчас там) подонки продают реакционные газеты. Я их там неоднократно покупала. Оказавшись и на сей раз в этом районе, я подошла к музею Ленина. Там стояли не один и даже не два человека, как прежде, а человек пять. Продавали они не только газеты, но и антисемитскую литературу. Одну газету и книжку с красочным названием «Жида» я купила. Расплатившись, заметила парню, ее продававшему:

— Я жидовка, которая от вас спаслась. Живу теперь в Америке.

— А разве мы вас обижаем? — смутился он

— А это что?! — указала я ему на проданную мне книгу.

Он ретировался и отошел. Ко мне подошел мужчина средних лет лет.

— Когда, когда вы уехали?

— В 74 году.

— И вас не расстреляли?! Вас надо было расстрелять!

— За что?!

— За космополитизм, за иудаизм! Это чудовищная религия.

— Я не религиозна.

Подскочила баба, одетая летом в зимнее пальто до пят, с платком на голове.

— Уезжайте, уезжайте... и не возвращайтесь.

— И не собираюсь, хотя Россия такая же моя родина, как и ваша.

Здесь родились мои бабушка с дедушкой и мои родители.

Встряла другая баба:

— Нет, это православная страна.

— Россия многонациональная страна, — возразила я ей.

В это время мимо проходила группа подростков, и один из них громко спросил:

— А православие откуда взялось?

— Вот, сказала я, образованный молодой человек знает, что Христос был еврей.

— Вы бы видели, что сделалось с бабой в зимнем пальто. Лицо у нее стало багровым, на губах появилась слюна.

— Никогда, никогда Христос не был евреем! Это жида выдумали! Он был арид, ариец! Ты понимаешь, что такое ариец?!

И сунула мне под нос книгу, где рядом с карикатурой горбоносого еврея был изображен ангельский лик Христа.

— В книгах все написано, — торжественно пояснила она мне (в тех, которые она читает).

Я не выдержала:

— Сволочи вы все!

Я хотела было позвать милиционера, если бы такой по этому случаю пришел, но торопилась в кино.

Сидя в фойе и ожидая начало сеанса, я думала: Боже, как я веду себя в России?! Совсем не так, как советует американцам инструкция, специально выпущенная госдепартаментом. Во что я ввязываюсь?! Я американская гражданка. Какое мне дело до страны, которую я навсегда покинула? Где еще на земном шаре есть народ, который не знает, не понимает, а главное не хочет верить такому очевидному факту, что Иисус Христос был еврей. И если бы так думала только эта баба. Так думает их элита: например, писатель-деревенщик Распутин.

Я смотрела фильм «Восток-Запад» и не замечала, хорош ли сценарий, как играют актеры, есть ли находки у режиссера и оператора. Я идентифицировала себя с героями картины. Мне показалось, что я, как и они, снова попала в эту забытую Богом страну и не могу оттуда выбраться. Озноб прошиб меня, на лбу выступил холодный пот. Больше к Музею Ленина, в это паганое место я не ходила.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Приезжая в Москву, намечаю себе большую культурную программу. Смотрю последние русские фильмы. Билеты в кино дико подорожали: 100 рублей. Это почти 4 доллара. Для пенсионеров скидка 50%. В 96-м году в одном из кинотеатров Москвы в определенный день на утренний сеанс на любой фильм пенсионеры могли ходить бесплатно. Больше этой привилегии нет. Бегаю по музеям, театрам... заглядываю в книжные магазины. Издательства в России в основном в двух столицах Москве и Петербурге растут, как грибы: открываются, закрываются, вместо них появляются новые. Выходит масса книг: классика, современная литература, детективы, исторические, научные

книги, книги по искусству, всевозможные справочники, словари... Глаза разбегаются, такое бы раньше, когда я здесь жила. Книги издаются меньшими тиражами, чем раньше, зато великолепно оформленные: не хуже, чем у нас. Много видела интересных книг, которые хотелось купить, но не таскать же тяжести за океан. Книжная продукция тоже сильно подорожала. Среднего формата и толщины книга в твердой обложке стоит в среднем 100 рублей. У книг по искусству такая же цена, как у нас.

В филиале Третьяковки на Крымском валу открыта постоянная экспозиция русских художников XX века. Вытащили из запасников картины художников групп «Ослиный хвост», «Голубая роза», «Бубновый валет»... Машкова, Осмеркина, Лентулова, Ларионова, Гончаровой, Татлина, Филонова и многих других, о которых мы и слыхом не слыхали. Наконец-то я увидела знаменитый «Черный квадрат» Каземира Малевича. В экспозицию включены также художники-нонконформисты шестидесятники. Теперь видно, что они мало что новое придумали: многое уже было до них. Выставка заканчивается картиной-произведением, на которой ничего не изображено, а только написано: «В моей работе наступил кризис. Я смущен, растерян и не знаю, что делать». Такое раньше можно было вообразить только где-нибудь на Западе.

В Москве открылся Музей современного искусства. Принадлежит он скульптору Зурабу Церетели. Художники его не любят за эклектизм в творчестве и личные качества. Считают, что он испортил здание архитектора Казакова, подаренное ему мэром Лужковым, прибавлением своего зодчества на стене при входе. Надо отдать Церетели должное: он сделал большое дело. В его Музее прекрасно все, начиная с оформления и кончая экспозицией. Мне говорили: картин современных русских художников он не покупает, только принимает в дар.

В театрах заметно оживление. Наряду с русской и западной классикой идут новые постановки. Появилась театр-студия Петра Фоменко. Шла пьеса «Одна абсолютно счастливая деревня». Увы, я не могла на нее попасть. Очень маленькое помещение, и соответственно мало продают билетов. Билеты в театры тоже подорожали: от 100 до 600 рублей. Пожилые люди, в прошлом заядлые театралы, нынче в театр ходить не могут, вынуждены сидеть дома и довольствоваться телевизором. Да и то: фильмы, концерты, интересные передачи, как правило, пускают после 11 часов вечера, когда людям надо спать.

Побывала в своем любимом Театре на Юго-западе. Это откровенный театр абсурда. Смотрела пьесу Альбера Камю «Калигула» о рим-

ском правителе. Интересная, несколько осовремененная интерпретация. Очень хорошо играл актер Леушин главную роль. Даже внешне: изнеженный... с белой кожей... он походил на своего героя. Идет у них и постановка «Dostoevskys trip». Бомжам дали соответствующий наркотик, и они заговорили цитатами из произведений Достоевского. Пьесу написал Евгений Попов — автор «Голубого сала». В Московском театре оперетты смотрела хит «Метро». Между прочим, московский метрополитен спонсирует спектакль. Это мюзикл, написанный чешским композитором Яношем Стокласом и приспособленный к российской жизни. Группу ребят не приняли в театральную студию, и они создают свой театр. Тема протеста молодежной субкультуры, «андерграунд» против «эстаблишмента» (потому пьеса и называется «Метро») была в моде на Западе в 60-ые годы прошлого столетия. Когда я приехала в Америку в 1974 году, хиппи уже выходили из моды. Потом вошли в моду панки, теперь — яппи. Билл Гейтс — герой нашего времени. В постановке всего лишь с помощью света и звука гениально изображено метро. В Театре Покровского слушала оперу Шостаковича «Нос». В мою бытность ее не исполняли. Не могла не посмотреть «Саломею» в Театре Вектюка, которая привела в такой восторг Елену Образцову, что певица согласилась сыграть роль в следующей постановке этого режиссера. Случилось так, что почему-то именно этой пьесы Оскара Уайльда я не читала. В другое время я бы помчалась в Ленинку ее прочесть. Увы, Российская государственная библиотека (как ее теперь называют) закрыта на ремонт и неизвестно, когда откроется. Ее старое Румянцевское здание уже десять лет как не функционирует. Мэр Лужков своими постройками в Москве: подземный комплекс магазинов «Охотный ряд», куда ходят, как на экскурсию, покупать там слишком дорого, воздвигает себе рукотворный памятник и не заботится о памятниках прошлого. Не волнуется он и о жидом фонде вверенного ему города.

Оказалось, читать пьесу было необязательно. Это была вольная интерпретация на тему. Вектюк соединил действие пьесы с показом суда над Оскаром Уайльдом за его сожительство с юным лордом Дугласом. Гомосексуализмом меня, живущую в Америке, где свободно проходят парады геев и лесбиянок, не удивишь. У Вектюка любовный дуэт изображен в виде кувыркания (в буквальном смысле) двух актеров. Саломею играет мужчина — актер Дмитрий Бозин, хорошо сложенный молодой человек. Мы помним фильм «Виктор — Виктория» с Джулией Эндрюс, когда певица после выступления снимает парик, и мы видим, что это — юноша. Здесь с самого начала видно,

что это — мужик. Саломея должна танцевать танец семи покрывал. В одноименном американском фильме танцует Рита Хейуорд, постепенно сбрасывая с себя одно за другим покрывала. В постановке Виктюка покрывал нет. Актер выходит в золоченых плавках с голыми ягодицами, так что неприятно на него смотреть, и проделывает несколько виртуозных атлетических упражнений, мало напоминающих танец Саломеи. В постановке отсутствует дух Оскара Уайльда: нет его грациозной легкости, эстетизма, иронии... После окончания спектакля на сцену вышел Виктюк в белых лакированных туфлях и кремовых шелковых панталонах. Думаю, если бы Оскар Уайльд жил в наше время, он бы, наверняка, носил джинсы и тишотку. Именно в таком виде предстают перед публикой знаменитые дизайнеры после показа подчас очень вычурных мод.

Из всего виденного самым интересным была мистерия Петра Мамонова «Есть ли жизнь на Марсе». В основу ее положен рассказ Чехова «Предложение». Мамонов с помощью рук, телодвижений, мимики, голоса виртуозно изображает сразу трех персонажей. В промежутках исполняет свои рок-песни. В рецензии на этот спектакль говорилось, что Мамонов идет от традиции Чехова, с болью и жалостью рисуя маленького человека. Мне представляется, что это не так. У Чехова смех сквозь слезы, у Мамонова — злая сатира и гнев.

Перед отъездом была в новом театре Александра Калягина «Етцетера». Хитом там является постановка «Шейлок» по пьесе Шекспира «Венецианский купец». В связи с тем, что Шейлок еврей, одни упрекают Калягина в юдофобстве, другие — в юдофильстве. Думаю, там нет ни того, ни другого. Просто эта роль подходит актеру по фактуре. Труппа этого театра состоит из его бывших студентов. Большинство актеров даже без сравнения с Калягиным бледны. Говорят тихо и обыденными голосами, так что я подчас не могла разобрать слов родного языка. Когда Качалов или Хмелев говорили шепотом, их было слышно. В России исчезает культура театральной речи: не у кого учиться. Если студенты сделали карьеру Юрию Любимову, боюсь, Александра Калягина они могут погубить. В театре «Етцетера» я смотрела одну из своих любимых пьес американского драматурга Юджина О'Нила «За горизонтом». Эта пьеса в свое время вдохновила меня на эмиграцию. Два брата живут на ферме. Эндру здоровяк, любящий природу и физический труд, счастлив и собирается жениться. Роберт больной, хрупкий, безнадежно влюбленный, мечтает о путешествиях и собирается отправиться в плавание на шхуне своего дяди капитана. Голоса зовут его в путь, он жаждет «свободы, широких просторов, радо-

сти открытий, хочет узнать, что там за горизонтом.»

В последний момент выясняется, что Рут, любимая Робертом девушка, любит его а не Эндру, как все думали. Мечтатель остается дома, а здоровяк уезжает. Неприспособленный к работе на ферме, он мечтал быть журналистом, Роберт разваливает хозяйство; жена его разлюбила; дочь его родилась больной и вскоре умирает. Эндру не находит ничего романтического в своих путешествиях и пишет домой прозаические письма. В конце пьесы Эндру возвращается на ферму... и есть надежда, что он женится на Рут и поправит хозяйство.

Смертельно больной Роберт выходит в поле, солнце восходит из-за горизонта и, умирая, в своих галлюцинациях он видит дорогу и те прекрасные страны, которые когда-то хотел посетить, но у него не хватило мужества осуществить свою мечту.

И я снова, уже в который раз, подумала: в противоположность герою Юджина О'Нила я сделала правильный выбор.

2005 г.

СТАТЬИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ВЕЧЕРЕ ПОЭЗИИ

Позвонил мне американский профессор русского языка и литературы и сообщил: в США (в который уже раз) приехал известный советский поэт Андрей Вознесенский и будет выступать в нашем городе в штатном университете.

Я никогда не принадлежала к поклонникам стихов Вознесенского. Я признаю поэзию от сердца и не понимаю поэзии от ума: чужды мне эти «Пораболы», «Мозаики», «Треугольные груши»...

На концерт я пошла из любопытства: посмотреть, как будет реагировать на поэзию Вознесенского американская студенческая молодежь.

Помещение, в котором были поставлены стулья на 50-70 человек, наполовину заполнили эмигранты.

Вознесенский — прочла я в программе — «один из величайших из ныне живущих поэтов, пишущих на русском языке». Он говорит знаменательную правду о русской жизни», а также пишет об Америке, издал 12 сборников стихов и прозы, 4 из них переведены в США. Его переводят лучшие американские поэты, его произведения выходят здесь с предисловиями Артура Миллера, сенатора Эдварда Кеннеди и т.д. и т.п. Он член Американской, Французской и Немецкой академий искусств и поэзии.

«Говорит знаменательную правду о русской жизни»... Что эти господа академики знают о нашей русской жизни и о русской поэзии? Может, там и в правду живет большой и настоящий поэт, а вы его не слышите — ему рот заткнули, как Виктору Некипелову, или за крик боли отправили в концлагерь, как Ирину Ратушинскую... Или выжили из страны, как Иосифа Бродского...

Вышел Вознесенский,

«Я Гойя!» — начал читать поэт.

«Я — горе

Я — голос...

.....

Я — Гойя!»

Что общего у этого благополучного человека, который делает стихи из всего, что попадаете ему на глаза и под руку, с трагическим испанским художником?

Второе стихотворение называлось «Русская интеллигенция».

Сначала Вознесенский объяснял содержание стиха в прозе на английском языке. Затем американский профессор читал английский

перевод, сделанный белыми стихами, а Вознесенский декламировал стихотворение по-русски.

— Русская интеллигенция, — объяснил Вознесенский, — это, как бы, совесть страны.

Совесть народа — мысленно поправила его я, но причем тут Вознесенский?

Стихотворение «Зов озера»: приехал поэт в маленький украинский городок на рыбалку, а ему рассказали, что на дне этого озера — массовая могила расстрелянных гитлеровцами. Узнав это, поэт рыбу уже удить не мог, зато написал стихотворение.

В напечатанном варианте в начале и в конце стихотворения перечислены еврейские и русские имена: «Певзнер, Сергеев, Лебедев...» Это, чтобы не получилось скандала, как со стихотворением Евтушенко «Бабий яр».

На вечере Вознесенский эту строчку не прочел. Поэтому стихотворение прозвучало как посвященное теме Катастрофы.

Тема антисемитизма, к сожалению, актуальна и теперь. Но зачем же нырять за ней на дно озера? Оглянись, посмотри, что делается в стране, где ты живешь. Преследуют евреев только за то, что они хотят уехать на свою прародину в Израиль. Не позволяют изучать иврит, арестовывают тех, кто его преподает. Запрещают еврейскую культуру: устраивают обыски в квартирах и изымают еврейские книги...

Стихотворение «Зов озера» (в американской прессе его назвали «Гетто в озере») было посвящено Шагалу. В советских публикациях этого нет. Позднее Шагал его иллюстрировал и, как поведал нам Вознесенский, они стали друзьями.

В стихотворении о Шагале, прочитанном на вечере, настойчиво повторяется имя-отчество «Марк Захарович» — тонкий намек на то, что Шагал родился в России, претензия на то, что он ей принадлежал и принадлежит.

Рассказал нам Вознесенский, что Шагал, оказывается, писал стихи, и три его поэмы он перевел по подстрочникам с идиш на русский и думает издать их по возвращении в Советский Союз.

Не поведал нам Вознесенский, что картины художника, написанные им еще в России, свыше 40 лет лежали и продолжают, вероятно, лежать в запасниках музеев...

Модна нынче тема взаимоотношений двух народов: русского и американского. У Вознесенского (тут как тут!) на эту тему готова рок-опера, что тоже нынче модно. Называется эта опера «Юнона и авось».

Приехал в Калифорнию в те далекие времена, когда она еще находилась под властью Испании, русский граф и влюбился в пятнадцатилетнюю дочь губернатора, но соединиться они не могут из-за вражды их народов — русского и испанского.

Он замерзает по дороге домой в Сибири и умирает. Не зная об этом, она ждет его 35 лет и становится первой испанской монахиней.

Из рок-оперы «Юнона и авось» Вознесенский прочел сагу, как он ее назвал, где повторяется рефрен:

«Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Почему бы Вознесенскому не обратиться к «саге» о том, как муж и жена, принадлежащие к двум народам, русскому и американскому, а иногда и третий — ребенок разлучены в течение многих лет потому, что советское правительство не дает своим подданным разрешения на выезд.

Из прочитанных на вечере стихов, одно было посвящено матери поэта.

«Что наивно просила, насмотревшись по телеку:
Чтоб тебя не убили, сын, не ездил в Америку.»

Стихотворение это срочно перевели в Гарварде, и оно вызвало смех в зале.

Не обошел Вознесенский вниманием и Папу Римского. Изобразил в стихах свой разговор с ним о летающих тарелках.

От Папы Римского поэт перешел к Высоцкому. Прочел стихотворение о поставленном недавно на могиле певца памятнике.

Нет, невозможно перечислить все темы, которые Вознесенский, явно — противореча совету Козьмы Пруткова «Не пытайся объять необъятное» — охватывает своей поэзией.

Стихотворение «Мастера» посвящено борьбе с варварством.

Имеется в виду история Бармы, создателя собора Василия Блаженного в Москве, которого царь Иван Грозный приказал ослепить, чтобы он не создал что-нибудь еще более прекрасное.

«Вам
Варвары
Всех времен!» —

адресует свое назидание поэт.

«Вас мое слово судит.
Да будет — срам,
Да
Будет
Проклятье вам!»

Зачем же, однако, за варварством забираться в глубь веков? Пиши о варварах современных, о тех, кто превращает соборы в музеи атеизма, а часовни — в овощной склад, суди это своим словом. Не можешь? Вернее, не хочешь: перестанут пускать в Америку, исключат из Союза советских писателей. Не напечатают? Но ведь есть самиздат! Боишься, что в тюрьму посадят, не устраивает тебя, поэт, такая судьба? Тогда не величай себя Гойей и не равняй себя с теми, кому за прекрасное искусство выкалывали и продолжают колоть глаза, если не в буквальном, так в переносном смысле слова. Не причисляй себя к русской интеллигенции, ты всего лишь советский поэт.

Закончил Вознесенский вечер чтением шуточного стихотворения, которое еще нигде не опубликовано, о том как человек надел на себя трусы, костюм, машину, гараж... страну, но забыл надеть часы, а без времени человек — ничто, и стал раздеваться.

«Если ты надел трусы,
Не забудь надеть часы».

Это стихотворение имело наибольший успех у публики.

В печатной программке вечера Вознесенскому поются дифирамбы: форма его поэзии называется «блестящей, изобретательной, полной фейерверков».

В вопросах формы я придерживаюсь диалектики: форма соответствует содержанию.

Большие, настоящие поэты очень редко писали стихи «ни о чем». Поэтому им хватало тех рифм, которые в богатом русском языке имеются. Они искали и находили точные созвучия.

Когда рифмуешь все, что попадает на глаза, приходится довольствоваться приблизительными рифмами:

постучится — Постушихина

времени — сожалению

деревни — Андреевну и т.д. (Все эти «рифмы» — из стихотворе-

ния «Мать») или заменять их ассонансами, вообще, что-то изобретать.

«Я — Гойя... нагое

Я — голод... я горло»...

Действительно как иначе, написать 12 (!) томов поэзии?

Скажу еще о нецивилизованной манере выкрикивать свои стихи. Она особенно неприятно контрастировала с американской интеллигентной манерой чтения стихов.

После концерта все спустились в гостиную. Пришел туда и Вознесенский. Его окружили. Нет, не американские студенты, наши эмигранты.

Фотографировались с ним и, так сказать, на его фоне, в профиль и в фас, поляроидами и обыкновенными фотоаппаратами, наперебой получали автографы.

Особенно увивался вокруг Вознесенского сотрудник нашей местной маленькой газеты.

— Над чем вы сейчас работаете? — Как вы расцениваете Женевскую встречу в верхах?

Мне стало смешно и грустно.

Наутро позвонил американский профессор и с восторгом сообщил:

— О Вознесенском уже есть статья в «Нью-Йорк таймс». Весной на «Оф, оф Бродвее» будет ставиться его рок-опера «Юнона и Авось». Он, конечно, не великий поэт...

Так в чем же дело?

— ... Но он деятель, который может сделать многое для сближения и взаимопонимания наших двух народов.

1986 г.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ ЮБИЛЯРА

Существует латинская пословица: *De mortuis aut bene aut nihil* («О мертвых говорят хорошо или не говорят ничего».) Вероятно, по этому благородному принципу и написаны три статьи об Эренбурге, писателе и журналисте, общественном деятеле, по поводу его без пяти лет столетнего юбилея. Я имею в виду опубликованные недавно в Новом Русском Слове статьи Руфи Зерновой, где она рассказывала о книге А.М. Гольдберга об Эренбурге, воспоминания о нем Виктора Некрасова и Василия Аксенова.

Между тем, прошло уже 19 лет как Эренбург умер. Для нашей стремительной эпохи — это немалый отрезок времени. Его творчество и биография стали уже достоянием истории, и, как мне кажется, сегодня мы можем говорить о нем открыто и без ссылок на время.

Я познакомилась с произведениями Эренбурга сразу после войны, будучи еще школьницей. Я прочла его роман «День Второй» (кстати, он никогда не был запрещен). Заинтересовала меня в этом романе не «авангардистская стилистика» в изображениистроек коммунизма, как Василия Аксенова, а «отрицательный герой», как тогда выражались, индивидуалист Володя Сафонов, который не приемлет окружающей его советской жизни и кончает с собой. Образ этот в некоторой степени был мне близок, и я кинулась читать Эренбурга. Прочла все, что сумела достать, в том числе и запретного «Хулио Хуренито».

Увидела я Эренбурга впервые в Московском университете, где училась на филологическом факультете, на обсуждении его романа «Буря».

Наши комсомольские бонзы, хорошо подготовившись, атаковали Эренбурга, упрекая и обвиняя его в том, что он, дескать, ярко изображает только заграничных героев, для советских же людей не находит красок, они получаются у него бледными, схематичными, духовно обедненными...

Эренбург остроумно парировал эти нападки, возражал, что описывает советских людей такими, какие они есть, явно намекая на самих выступавших.

Тогда-то он и прочел нам вслух пресловутое письмо рядового читателя «Бури» И.Сталина.

Держался Эренбург надменно. На вопросы отвечал нравоучительно, как ментор.

Нас, девушек, интересовало, почему герой романа «Буря» Сергей не соединился с любимой им французенкой Мадо, а женился на Вале.

Эренбург объяснил, что он не собирался здесь изображать конфликт между двумя женщинами, а изобразил конфликт мечты и действительности. Он добавил: «...который многие из вас уже пережили, а остальные переживут».

Моя подруга заметила: «Он все еще полагает, что мы «петьки и сеньки». Так обобщенно назвал Эренбург устами своего героя в романе «День второй» поколение наших отцов.

Мы ходили в те времена на все выступления Эренбурга, ловили каждое его слово и пытались читать между строк его книг даже то, чего там не было.

Хорошо помню его статью в «Правде» в 1949 году, посвященную 70-летию Сталина. Написана она была чисто по-эренбурговски, ни одного слова от себя, а только примеры и высказывания иностранцев о «великой личности». Получалось, что не он, Эренбург, а сама эпоха славит Сталина.

Читая позднее книгу «Люди, годы, жизнь», я удивлялась, как на одной и той же странице, даже в одной и той же фразе Эренбург умудрялся говорить одновременно «да» и «нет».

Я не вижу никаких противоречий в том, что в 20-е годы Эренбург писал «Хулио Хуренито», где осмеял не только русскую революцию, но вся и всех, в 30-е выступил с романами о стройках коммунизма («День второй» и «Не переводя дыхания»), в 40-е писал о войне и прославлял Сталина, в 50-е спешно опубликовал посредственную повесть, назвав ее «Оттепель», торопился, боясь: вдруг не он первый произнесет слово, ставшее впоследствии нарицательным, а в 60-е, на закате лет, сел писать мемуары, в которых доказывал, как трудно ему было все это время.

Нет, по-моему, никаких «превратностей судьбы», в силу которых Мандельштам — «редкий поэтический дар», как справедливо назвал его Аксенов, погиб в концлагере, а «бойкое перо» — Эренбург пережил Сталина.

На первых же страницах книги «Люди, годы, жизнь», которая задумана и написана Эренбургом с целью попасть, если не в рай, то хотя бы в чистилище, он, предвидя закономерный вопрос, говорит, что «случайно выжил».

Жизнь наша, пишет Эренбург, напоминала не хорошо разыгранную шахматную партию, а лотерею. И он Эренбург вытащил в этой лотерее «счастливый билет».

Я думаю, что случайно можно погибнуть, но выжить случайно — нельзя.

Есенин повесился; Маяковский застрелился; Цветаева после возвращения в Советский Союз повесилась; Блок мог выехать за границу, но не успел: не выдержав окружающего кошмара, он скончался; Гумилев принял участие в заговоре против советской власти и был расстрелян; Хлебников умер с голоду; Волошин безвестно прозябал в Коктебеле; Ахматова молчала 20 лет; Булгаков писал «в стол»; Бабеля расстреляли; Мандельштам погиб в концлагере... Этот список можно продолжить.

Эренбург выжил, и не просто выжил, а постоянно писал и печатался.

Когда Хулио Хуренито захотел умереть, автор в связи с этим cynично рассуждает, что умереть было очень легко, надо было иметь одну единственную вещь: «убеждения, противоречащие общепринятым». Хулио Хуренито всегда выходил целым из полиций, милиций, префектур, гестапо, так как не имел никаких убеждений.

Чтобы умереть, он надел сапоги и вышел на улицу, прошел два шага, его убили и сняли сапоги.

Эренбург, подобно своему герою, не был отягощен убеждениями. Он действительно вытянул счастливый лотерейный билет — «пустой номер».

То, что романы Эренбурга, написанные в сталинскую эпоху, не пережили его времени, почти забыты, мало кем читаются и представляют незначительный художественный интерес — это самая тяжелая кара, какая только может постигнуть писателя.

Сыграли свою роль и принесли ему заслуженную славу статьи о войне, когда у Эренбурга появилась благородная цель — борьба с фашизмом. Перед лицом Катастрофы космополит Эренбург, как и многие другие, почувствовал себя евреем:

«В сердце открылась старая рана,
Мать мою звали по имени Хана»...

Последний раз я видела Эренбурга в 1962 г. на его выступлении в Москве, в Политехническом музее.

Наряду с многочисленными эпизодами книги «Люди, годы, жизнь» я прочла и такой: Эренбург со своими однокашниками праздновали юбилей в ресторане. И вот пишет Эренбург: когда умолкал оркестр, весь огромный зал, заполненный молодежью, молчал, и только старики между собой разговаривали. А молодежи, дескать, и сказать нечего... даже друг другу.

Меня это возмутило, и я написала Эренбургу письмо, в котором

объясняла, почему мы «молчим», и заверяла его, что буду «молчать» и дальше, как говорят экзистенциалисты «без надежды на успех», как «молчала» и 14-летняя девочка, дневник которой недавно вышел с Вашим предисловием. Я имела в виду Анну Франк.

Я не ожидала ответа на свой домашний адрес, однако думала, что Эренбург ответит мне иносказательно с эстрады.

Столпотворение у дверей музея было такое, что понадобилась конная милиция. Билетов в кассе не продавали: их распределили заранее по организациям. У меня билета не было, но я каким-то образом прорвалась в зал.

Эренбург читал отрывки из первой части книги «Люди, годы, жизнь», потом отвечал на вопросы.

Кто-то его спросил: «Что вы думаете о Фейхтвангере? Будете ли Вы о нем писать?» Эренбург ответил: «Фейхтвангер не произвел на меня впечатления ни как писатель, ни как человек».

Услышать такое собственными ушами!

Описывая в своей книге десятки даже второстепенных лиц, Эренбург ни строчки не посвятил и даже по имени не упомянул писателя, с которым познакомился не в кафе «Ротонда», а на антифашистском конгрессе, писателя, как и сам Эренбург, принадлежащего народу, потерявшему шесть миллионов человек во время Катастрофы. Думаю, что и в этом нет ничего удивительного.

Если внимательно читать книгу «Люди, годы, жизнь», то становится ясно, что она во многом написана Эренбургом по принципу: как Я давал советы Марине Цветаевой, как Я дружил с Модильяни, как МЕНЯ рисовал Пикассо... Видимо, с Фейхтвангером было сложнее. Он в эту схему не укладывался.

После вечера в Политехническом музее мне стало как-то неинтересно читать книгу Эренбурга. Третья часть так и осталась у меня нечитанной.

Я, как и некоторые другие его бывшие поклонники, перестала ходить на выступления Эренбурга и мало интересовалась его дальнейшей судьбой.

1986 г.

ДОСТОЙНАЯ ДОЧЬ

В мировой прессе снова сенсация: дочь Сталина Светлана Аллилуева желает вернуться в США, где прожила 15 лет после своего бегства из СССР, а советское правительство может ее не выпустить.

Так ей и надо, — хочется мне сказать по этому поводу.

Я училась в одно время с Аллилуевой в Московском университете: она — на историческом факультете, я — на филологическом.

Помню, однажды я стояла на галерее университетского здания на Моховой. Подошла моя сокурсница и сказала: «Смотри, вон стоит Светлана Сталина». Я подняла глаза и увидела плотную коренастую особу с темно-рыжими волосами, с хитрецей в глазах, очень похожую на отца. На ней была шуба из голубой белки; мы в те времена носили перешитые мамыны салопы.

Заметив, что я на нее смотрю, Светлана милостиво мне улыбнулась, как улыбаются кинозвезды своим поклонникам. У меня, однако, не возникло ни малейшего желания приблизиться к ней хотя бы на шаг, не говоря уже о том, чтобы познакомиться.

Светлана не была Электрой; она не восставала против своего отца даже внутренне. В 17 лет, узнав о самоубийстве матери, она не могла не задуматься о его причинах, как не могла не знать и о поголовном исчезновении маминых родственников, окружавших ее в детстве, — все они были уничтожены Сталиным.

Светлана не была и Антигоной: в частности, она не сделала ни малейшей попытки защитить и спасти от Гулага Алексея Каплера, которого, по ее словам, она любила. А ведь она прекрасно знала, что он пострадал исключительно из-за нее.

В противоположность своей матери, Надежде Аллилуевой, не выдержавшей жизни с тираном и наложившей на себя руки, Светлана не была Ифигенией, т.е. жертвой.

Роль Медеи, погубившей своих детей, также у нее не получилась. Дети здравствовали без нее и, по проникшим в западные газеты сведениям, отвернулись от матери после ее возвращения в СССР.

Светлана всегда была любимой и преданной дочерью своего гнусного отца-палача.

Отцу не нравился ее первый брак с евреем Морозом, и она с ним развелась. Сталин захотел породниться с семьей Жданова, и она послушно вышла замуж за нелюбимого ею сына Жданова.

До 20-го партсъезда она была Светланой Сталиной. После того, как Хрущев разоблачил ее кровопийцу-папеньку, Светлана уверовала в Бога,

крестилась и переменяла фамилию, а могла бы давно взять фамилию матери, если бы захотела, тем более, что Сталин — это не фамилия, а партийная кличка ее отца.

В западной печати и даже в нашей эмигрантской — меня это всегда удивляло — Аллилуеву ставят в один ряд с другими невозвращенцами. На самом деле ничего общего у нее с ними не было. Большинство невозвращенцев бежали из Советского Союза из-за несогласия с режимом, унижений, отсутствия свободы. Аллилуева бежала оттуда с одной лишь целью — хоть в какой-то степени реабилитировать своего отца, самого кровавого тирана всех времен и народов. Этому посвящена ее первая книга «Двадцать писем к другу».

Трудно поверить, что Светлана всерьез полюбила индуса Бражеша Сингха, который был на 17 лет старше ее и к тому же смертельно болен. Она рассчитывала благодаря ему попасть за границу и с помощью его друзей заблаговременно переправила свою книгу в Индию. Все случилось так, как она планировала. В 1967 году Бражеш Сингх умер, и Светлане разрешили перевезти его прах на родину. В Нью-Дели она пришла в американское посольство и попросила политического убежища.

В книге «Двадцать писем к другу» Аллилуева всячески пытается оправдать Сталина, сваливая всю вину за совершенные им преступления на Берия. Но это ей не удалось: в западной печати появились отклики на ее книгу, где Светлану называли «кремлевской принцессой, не желавшей всю жизнь замечать того, что творилось вокруг».

Аллилуева тогда предпринимает политический маневр, и во второй книге, «Только один год», принимается вовсю ругать советский режим и расхваливать США. Она даже демонстративно сжигает свой советский паспорт. На прессконференции в Вашингтоне в 1967 году она называет Советский Союз тюрьмой и восторженно приветствует американскую свободу.

Через 17 лет, вернувшись в СССР, она заявит на пресс-конференции в Москве, что «ни одного дня не была на Западе свободной», что ею манипулировало ЦРУ и что свою книгу «Только один год» она писала не сама, это — результат «коллективного творчества», то есть, ее заставили написать эту книгу.

Аллилуева оказалась такой же подлой, как и ее отец, который вначале, благодаря решающей помощи Бухарина, разгромил своих врагов-троцкистов, а потом уничтожил и самого Бухарина. Так он поступал всегда не только по отношению к своим врагам, но и к друзьям, если условно считать, что он вообще был способен на дружбу. Точно так поступает и его дочь.

Со Сталиным ее роднит и отсутствие каких-либо положительных талантов. «Он был самой выдающейся посредственностью в партии», — писал Троцкий о Сталине.

В книге «Двадцать писем к другу» Светлана пишет, что всегда хотела заниматься литературой, а отец принудил ее поступить на исторический факультет. Но на Западе никто ни к чему ее не принуждал; что же литературно ценного создала Аллилуева за 17 лет жизни в США и Англии, при самых благоприятных условиях — полной свободе и материальной обеспеченности?

Известно выражение: «Написать первую книгу о себе может каждый. Писатель начинается со второй». Аллилуева во всех своих книгах (сейчас уже, кажется в третьем варианте) тянет ту же резину, сотканную из общих мест, малоинтересных биографических подробностей и жалоб. Теперь она сетует на то, что «у нее не было доступа в духовную элиту Америки», что «американские интеллектуалы», видите ли, «не нашли к ней дороги».

Она никак не хочет понять, что ее притязания на особое положение, на чей-то особый интерес к ней совершенно неправомерны. Это та же мания величия, какая была у ее отца.

В статье «Сага о сталинском воробышке, мучительном путешествии Светланы с Востока на Запад и обратно», опубликованной в журнале «Тайм» в январе 1985 г., известная журналистка, специалист по русской и советской литературе Патриция Блейк описывает отношения Светланы к людям и ее поистине имперские замашки.

От людей, с ней столкнувшихся, Светлана требовала к себе повышенного внимания. Каждый должен был бросить все свои дела и заниматься исключительно ею. Тому, кто этого не делал, Светлана не прощала.

Патриция Блейк рассказывает, почему расстроилось четвертое замужество Светланы, описывает ее отношение к дочери.

Аллилуева хотела властвовать в коммуне архитекторов, «Телесин Вест», где уже была другая хозяйка — Райт. Один из родственников мужа Светланы вспоминает что «они были как две императрицы в одной империи».

Членов коммуны крайне шокировало поведение Светланы. Через месяц после свадьбы на торжественном обеде Светлана ни с того ни с сего, при всех залепила мужу пощечину. На одной из «коктейль-парти» она выплеснула в лицо хозяйке дома содержимое бокала, после чего была удалена из общества.

Напомним, что точно так вел себя в личной жизни и Сталин. Накану-

не самоубийства Надежды Аллилуевой он, грязно выругавшись, швырнул в нее кусок курицы за обедом в присутствии Молотова и Жемчужиной.

Светлана требовала, чтобы ее муж Весли Питерс покинул коммуны, чего он сделать никак не мог. Ведь он там жил и работал с 1932 г. и был выбран еще при жизни гениального Райта его преемником. Тогда Аллилуева со скандалом покинула коммуны.

По отношению к дочери Светлана вела себя, как настоящий тиран. Она запретила девочке навещать отца в «Телесин Весте», заставила ее подписать напечатанное на машинке письмо, где дочь Ольга отрекалась от семьи Питерс. Аллилуева хлестала Ольгу по щекам; не спрашивая согласия дочери, увезла ее в Англию — ей вдруг взбрело в голову, что Ольга должна учиться в квакерской школе: американские школы казались ей недостаточно строгими. Затем она насильно увезла девочку в Советский Союз, хотя сама говорила, что Ольга «стоцентная американка», like american apple pie. Соседи Светланы в Кембридже слышали, как накануне отъезда Ольга кричала: «Почему ты мне ничего не сказала? Почему ты со мной не посоветовалась?!».

Мы не знаем, было ли возвращение Аллилуевой в СССР результатом операции советского правительства или она вернулась добровольно. Но какое это имеет значение? У многих из нас остались там дети, которых мы, скорее всего, больше не увидим, внуки, которых мы никогда не видели, родственники, друзья. Однако, никто не спешит в советское посольство проситься назад. Аллилуева поспешила. Почему? Очень просто: в СССР сейчас почти полностью реабилитировали ее отца, а Аллилуева была и осталась его верной дочерью.

До чего наивны ее американские друзья, заметившие, что она вдруг «стала мягко относиться к своему папочке». Светлана никогда не меняла своего отношения к отцу, она всегда была на его стороне. Она просто высказывалась о нем в разное время по-разному, в зависимости от конъюнктуры.

Как и можно было предположить, дочери Аллилуевой, Ольге, которая родилась в Америке, и у которой отец-американец, советские власти дали визу на выезд в Англию, где она сможет продолжать свое образование. Для девочки — это спасение. Ну, а сама Аллилуева?.. Вероятно, она останется в СССР.

А впрочем, кто знает, может быть, Аллилуевой разрешат кататься взад-вперед: она ведь не рядовая советская гражданка, а как-никак, дочь товарища Сталина.

1986 г.

ИДИ ДОРОГОЮ СВОБОДНОЙ

Для начала — цитата из статьи В. Сербина «Литература и политика», опубликованной в НРСлове 26 мая «в порядке дискуссии».

«Чтобы создавать настоящие, истинные произведения искусства, — пишет Сербин, будь то литература, живопись или музыка, художнику необходима некоторая отстраненность от политических страстей, кипящих вокруг него».

Только что начались каникулы в Кентском университете, где я преподаю русский язык, и у меня появилась возможность продолжить работу над кинотрилогией об эмигрантах.

Но вот — никак не могу «отстраниться» от политических страстей, кипящих вокруг меня. То переживаю за студентов, которых давят танками на пекинской площади Тянь-аньмэнь, то расстраиваюсь из-за того, что в новый «парламент» в Советском Союзе, несмотря на «гласность» и «перестройку», едва ли не выбрали одних партийных жлобов...

А на днях меня привела в негодование статья В. Сербина, где автор рассуждает о материях, должно быть, мало ему знакомых или знакомых только, так сказать, теоретически, и дает рекомендации писателям: что и как им надо писать; поучает их — не надо отображать в книгах социальные конфликты: не должны, мол писатели «выходить на баррикады», он предлагает им «сидеть тихо и создавать подлинные произведения искусства, то бишь — «творить культуру». И в заключение дает совет в виде цитаты из А.С. Пушкина

«...Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя
свободный ум».

Автор статьи всерьез советует это писателю, живущему в обществе, где до последнего мгновения свободой, простите, и не пахло.

Я почувствовала, что должна оторваться от «создания художественного произведения» и попробовать прояснить вопрос для тех, кто все еще этого не понимает — о положении писателя в тоталитарном обществе, благо с предметом этим я хорошо знакома.

Статья В. Сербина «Литература и политика» начинается фразой: «В эмигрантской прессе за последнее время неоднократно появлялись полемические статьи, затрагивающие вопрос о месте художника (писателя, поэта, скульптора и т.д.) в недемократическом обществе...»

Я пять раз перечитала это предложение, думая, что это опечатка, наконец, описка... О каком месте подлинного художника в недемократическом обществе может идти речь, когда заведомо ясно, что именно ему там места нет?

Во-первых, не будем делать вид, что речь идет о каком-то абстрактном недемократическом государстве, к которому можно отнести как русскую монархию времен Николая Первого, так и современную Панаму, где народ никак не может отобрать власть у бандита Норьеги.

Речь идет о хорошо знакомом нам тоталитарном государстве, из которого мы бежали; некоторые — прожив там две трети жизни.

Я опускаю первую часть статьи г-на Сербина, где автор рассуждает: правильно ли поступают те писатели-эмигранты, которые печатают свои произведения в «перестроечном» Советском Союзе, и справедливо ли ругает их за это Марк Поповский. Предоставим это каждому решать за себя.

В своей статье В. Сербин безапелляционно заявляет, что писатель в советском обществе (речь идет о доперестроечных временах) «мог выбрать одну из трех возможностей: писать, становиться правозащитником и не писать; эмигрировать и писать для заграницы».

Рассмотрим первую возможность: «писать». Что значит писать? Когда писатель садится писать, перед ним встает ряд вопросов: что писать? как писать? для кого и для чего писать? И, наконец, как довести до читателя написанное?

Хемингуэй как-то сказал: «Искусство может существовать в любом обществе, кроме тоталитарного».

Я не знаю, кто по профессии В. Сербин и чем он занимался в Советском Союзе. Мне лично за примерами о «месте» писателя в тоталитарном обществе далеко ходить не надо. Я двадцать лет писала в Советском Союзе подпольно. Ни одно из моих произведений, которые изданы теперь в США в двух сборниках, — «Погибшая в тылу» и «Корабль любви» — не было там опубликовано. Хотя то, что я писала, — не публицистика, а художественное творчество: рассказы, пьесы, киносценарии... Я кончала очередное произведение, давала читать друзьям — и прятала рукопись. Прятала не только потому, что боялась, что меня посадят в тюрьму или психушку, к этому я была готова. Больше всего я боялась, что мое творчество могут уничтожить. На моей памяти арестовали роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»; смелые люди чудом сумели его спасти.

Это было во времена «оттепели». А в сталинскую эпоху Анна Ахматова боялась свою поэму «Реквием» даже записать на бумаге. За-

учила стихи наизусть и только спустя много лет их записала.

Очевидно, в положении подпольного писателя там находилась не я одна. Я что-то не припомню, чтобы в Советском Союзе печатались произведения Юза Алешковского, Феликса Канделя или Людмилы Штерн.

Да и В. Аксенова, по его словам, ко дню его отъезда там уже давно перестали печатать. Иначе зачем бы нам всем понадобилось «эмигрировать и писать для заграницы», если бы нас печатали на родине и мы имели бы возможность своими произведениями влиять на читателей, что для писателя является самым важным?

Все, кто там печатался, должны были в той или иной степени приспособливаться к советской власти. В каждом советском писателе сидит внутренний цензор, и он, а не совесть, как наивно полагает В. Сербин, диктует ему, что и как писать. Советский писатель отлично усвоил литературный прием «писать на проходимость». А если Фазилку Искандеру и Чингизу Айтматову иногда удастся «протащить» (одна эта советская терминология чего стоит!) какие-то свои нестандартные мысли, так это в основном за счет национального колорита их произведений. Пока Пастернак, пытаясь внутренне приспособиться к советской власти, писал такие вещи, как поэма о лейтенанте Шмидте (от которой он в конце жизни отказывался,) создавал дачную поэзию о русской природе и занимался переводами Шекспира, он мог жить в относительно материальном комфорте. В. Сербин считает, что Пастернаку для творчества необходим был комфорт. Но душевного-то комфорта у него не было. Об этом говорят стихи — приложение к «Доктору Живаго»: «Я один. Все тонет в фарисействе Жизнь прожить — не поле перейти». Когда же Пастернак захотел опубликовать книгу, которая явилась итогом его жизни, он вынужден был вступить в конфликт с советской властью: передал свое произведение для публикации на Запад, поскольку его не хотели печатать в Советском Союзе. Это и было его «выходом на баррикады», хотя по натуре он не был борцом. Чем это кончилось, мы знаем. Его исключили из Союза советских писателей, вынудили отказаться от Нобелевской премии, принудили написать покаянное письмо в газету, и не одно. В первом письме Пастернак написал, что кровно связан с Россией и любит русскую природу. Этому его палачам показалось мало. Он написал второе письмо, где уже объяснился в любви к советской власти.

А чем, спрашивается, провинились перед советским обществом писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль, что их судили показательным судом и несколько лет гноили на каторге? А только тем, что

они хотели даже не увидеть, а хотя бы знать, что их произведения где-то опубликованы. Естественная потребность писателя. Опубликование этими писателями своих произведений под псевдонимами на Западе и было их «выходом на Сенатскую площадь». В противоположность Пастернаку Синявский остался верен самому себе до конца. Его последнее слово подсудимого не было словом правозащитника, а было словом литератора. Этим оно и замечательно.

А Иосиф Бродский? Тот даже и «на баррикады не выходил», а «сидел тихо и создавал подлинные художественные произведения». Мало того, что стихи будущего нобелевского лауреата не были напечатаны на его родине, — поэта судили и сослали за тунеядство.

А судьба Солженицына, которого выдворили из страны только за его творчество?

Можно подумать, что В. Сербин с луны свалился. Что же, он не знает этих фактов?

Да и мне в конечном счете пришлось совершить экстремальный поступок. Кажется, теперь об этом можно уже говорить. Я уехала из Советского Союза без своих произведений. У меня не было никакой возможности провезти с собой сотни страниц моих рукописей и не с кем было передать их на Запад. Через шесть лет, в 1980-м, дождавшись американского гражданства (тогда нас, уехавших независимо от национальности по израильской визе, в СССР не пускали), я, указав ложную девичью фамилию и выдуманную для анкеты биографию, получила туристическую визу в Советский Союз. С риском попасть в тюрьму туда поехала, взяла рукописи у друзей и на себе, под одеждой, пронесла их в американское посольство. И только через два года получила пакет со своими рукописями из Финляндии. Я совершила этот поступок не потому, что я такая храбрая. У меня не было иного выхода. Я должна была дать жизнь своим произведениям, сохранить их для будущего, донести до зарубежного, пусть и малочисленного, русского читателя.

В какой еще стране на сегодня можно найти такое безобразие, чтобы писатель не мог увезти свой собственный труд, а вынужден был бы проносить его, извините, на животе в штанах на территорию иностранного посольства? Я не знаю, может, кто-нибудь такое положение вещей считает нормальным.

И не только писатели — разумеется, подлинные находились там в отчаянно трагическом положении. Среди моих знакомых было много переводчиков, которые годами не могли «пробить» в издательство перевод иностранного классика. А у некоторых уже переведенная книга

с десяток лет пылилась в редакции.

Хорошо знаю и тамошнюю жизнь художников, которые никакой политикой не занимались, а только писали картины. Но ввиду того, что стиль их живописи (или скульптуры) не укладывался в рамки соцреализма, они вели там голодное существование и не имели возможности выставлять свои произведения. Одна «бульдозерная выставка» чего стоит!

О какой культуре может идти речь в обществе, где произведения искусства арестовывают и крушат бульдозерами?!

И все-таки, несмотря ни на что, какая-то культура там есть. Я имею ввиду не официальную культуру, которую мнате как лже-или псевдокультурой не назовешь. Я говорю о подпольной, катакомбной или, как ее иначе называют «второй культуре».

Тут я вплотную подошла к вопросу, задаваемому во всех интервью русским писателям, живущим по ту и эту сторону железного занавеса, который слегка приоткрылся. Существует одна или две русские литературы? Пусть меня простят мои соотечественники и там и здесь, но, по моему скромному мнению, в настоящее время нет ни одной русской литературы. Литература — это не только отдельные писатели и их произведения. Это сложный и взаимосвязанный литературный процесс, в котором помимо писателей участвуют печать, критика, читатели, книжный рынок... Нормального литературного процесса нет в Советском Союзе, ибо там все еще нет свободы печати. Нет нормального литературного процесса и у нас в эмиграции. Мы разобщены, профессионально одиноки, находимся в чуждой языковой среде, не в своей культуре, нам не хватает читателей, не хватает серьезной глубокой критики. Но и там и здесь есть отдельные писатели, которые, создавая подлинные художественные произведения, спасают честь русской литературы.

Это, что касается жизни творцов. А как протекала там моя жизнь как читателя, зрителя, слушателя? Живя в Советском Союзе, я не читала советской литературы, не смотрела советских кинофильмов, не ходила в театры на советские пьесы и постановки. Все «советское — значит отличное» было мне глубоко чуждо. Мне всегда хотелось спросить советских аторов словами Лермонтова:

«С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случилось им,
Так мы их слушать не хотим...»

Вы спросите, как я там жила. А вот так и жила: перечитывала классиков, русских и иностранных, читала «самиздат» и «тамиздат, когда он попадал мне в руки. Смотрела фильмы итальянских режиссеров, в мое время их показывали довольно много. Театр посещала, если шла пьеса русского классика, или иностранного писателя. И, конечно, старалась не пропускать гастроли иностранных театров. К сожалению, они приезжали туда нечасто.

Я также не читала советских газет и, за редким исключением советских журналов. Выписывала только «Литературную газету» и «Иностранную литературу», — в основном потому, что там печатались ругательные статьи о западной литературе. Из моря лжи я выуживала крохи информации.

Так жила не я одна, но и большинство моих друзей и знакомых.

Естественно, что при первой же возможности, в 1974 году, я от такой жизни эмигрировала.

Возвращаюсь к статье И. Сербина. «О том, что активная гражданственность и настоящая большая литература несовместимы, говорит много примеров», — категорически утверждает Сербин и приводит в пример... нравоучительные сказки Льва Толстого, которые тот специально писал для созданной им в Ясной Поляне школы для крестьянских детей. Я не знаю, что понимает В. Сербин под гражданственностью, — но как, не обладая чувством глубокой гражданственности, Толстой мог бы написать свою эпопею «Война и мир»?

«Бедные классики мировой литературы, — патетически восклицает автор статьи «Литература и политика», — Данте и Петрарка, Диккенс и Уитмен, Гёте и Пруст... Они не боролись против социальных зол (которые существовали во все века)... всего лишь создавали бессмертные произведения».

Романы Диккенса именно изображению социального зла и посвящены. «Фауст» Гёте — глубоко гражданственное произведение. Автор проводит своего героя по разным ипостасям жизни. И только в созидательном труде на благо других людей — ярко выраженный гражданский мотив! — Фауст, наконец, находит счастье и удовлетворение. Гражданственна и поэзия Уитмена, в которой поэт воспевал не только американскую природу, но и американскую демократию, и американский технический прогресс. Не может быть бессмертного произведения, в котором автор — хотя бы и помимо своей воли — не отразил людей своего времени. Бессмертные пьесы Шекспира были в его время очень злободневными. Это относится не только к его историческим хроникам, но и к трагедиям «Гамлет», «Макбет», «Король Лир»...

Это — что касается конкретных примеров, которые привел Сербин. Что же касается общего положения, то писатель может быть далеким от политики, когда она не вторгается в его жизнь. В наше время, увы, свободным от политики писатель быть не может, независимо от того, в какой части света он живет.

Альбер Камю в своей нобелевской речи сказал, что писатель в наше время завербован, «он прикован к галере и должен на ней находиться, даже если на галере слишком много стражи, галера пропахла селедкой и взят неправильный курс».

В. Сербин считает: «В том, что русская интеллигенция не исчезла и возродилась после сталинской ночи», — заслуга двух писателей, вернее, двух произведений, — «Тихого Дона» Шолохова и пьесы «Дни Турбиных» Булгакова.

Русская интеллигенция сама по себе не «исчезала». Ее уничтожали на протяжении сорока лет. А те, кого Сталин не успел уничтожить физически, погибли морально и интеллектуально. У современной советской интеллигенции мало общего с прежней русской интеллигенцией. Вот Солженицын ее даже и за интеллигенцию не считает, а называет «образованцами». Понадобится не один десяток лет, сменится не одно поколение, прежде чем там станет возможным возрождение интеллигенции.

И почему из многообразного литературного наследия Булгакова Сербин выбрал для примера пьесу, которую Булгаков, желая приспособиться (простим ему это), выкроил из своего замечательного (в противоположность пьесе) романа «Белая гвардия»? Изменив судьбу действующих лиц, убив главного героя полковника Турбина, остальных привел к коммунизму... Они там в конце последнего действия чуть ли не «Интернационал» поют. И нет никакой «загадки для психолога», почему это понравилось Сталину.

Булгаков, действительно, совершил литературный подвиг, но не пьесой «Дни Турбиных», а созданием эпохального романа «Мастер и Маргарита», который, между прочим, был опубликован через 27 лет после смерти автора, и то не полностью, а с купюрами.

«И, конечно, огромная заслуга принадлежит также и тем, по чьей инициативе издавались переводы зарубежной классики», — пишет далее Сербин.

Слов нет, переводы зарубежной классики — это, действительно, большое дело. Но каких классиков там переводили и переводят? Классиков 18-го — 19-го веков, а у нас на дворе скоро 21-й.

Когда я кончала филологический факультет МГУ, у нас из списка

по западной литературе вычеркнули Хемингуэя — за пессимизм, Фейхтвангера — за космополитизм, Оскара Уайльда — за эстетизм, Метерлинка — за мистику... Зато мы обязаны были читать зарубежные перлы Анри Барбюса, где автор прославляет Сталина. Но книги упомянутых выше писателей можно было хотя бы найти в библиотеках. В то же время, хотя нас выпустили с дипломами «специалистов по западной литературе», мы и в глаза не видели произведений классиков прозы 20-го века — Джойса и Пруста. Не считая жалких отрывков, книги этих писателей в Советском Союзе никогда не переводились. Не имели мы представления и о классиках поэзии 20-го века — Т.С. Эллиоте и Р.М. Рильке. Костя Богатырев полжизни переводил стихи Рильке. И только здесь, на Западе, после того, как Костю там зверски убили, были опубликованы его переводы. Не имели и до сих пор не имеют там представления о классиках драматургии 20-го века Эжене Ионеско и Самуэле Беккете. Там до сих пор переведено по одной пьесе того и другого. Я уже не говорю, что там не переводят таких писателей, как Норман Мейлер, который уже давно считается классиком американской литературы. Не имеют там понятия о нобелевском лауреате Башевисе Зингере, не знают современных выдающихся немецких писателей Гюнтера Грасса, Германа Гессе, поэта Ганса Магнуса Энценсбергера... Этот список можно продолжать до бесконечности.

Довелось мне видеть там и буквальное уничтожение книг. После окончания МГУ я работала в культотделе одного из райисполкомов г. Москвы. В библиотеках нашего района изымались книги, — не списывались за старостью и ветхостью, а изымались за «идейную вредность». Я пошла в одну из библиотек, надеясь, что директор позволит мне взять книги, которые они приготовились выбросить. Директор библиотеки устроила досмотр книгам, которые я подобрала с пола. Милостиво оставила мне стихи Иосифа Уткина, оставила «Избранное» Михаила Светлова, видимо, не заметив, а вернее, не зная, что там были отрывки из его поэмы «Ночные встречи», где автор прозрачно жалуется на положение поэта в советском обществе. Кстати, там есть такие строки о Союзе советских писателей:

«Там по залам бродят тощие мужчины
И поют, смотря на кассу, о заводах и машинах.»

Лучше не скажешь...

А вот «Семью Оппенгейм» Фейхтвангера директор буквально вы-

рвала у меня из рук, кинула подальше в угол и на протяжении всего моего пребывания в ее библиотеке следила, как Цербер, чтобы я не унесла эту «сионистско-космополитическую» крамолу домой. Впоследствии, читая роман Рэя Бредбери «451 по Фаренгейту» (В. Сербин упоминает его в своей статье), я вспоминала этот эпизод.

Я не знаю, что происходит в Советском Союзе сейчас, до каких границ там дошли гласность и перестройка. Для пробы я послала в журнал «Огонек» два своих рассказа, написанных там в 1964 году о жизни в сталинскую эпоху, которую нынче модно там разоблачать, — благо это прошлое.

Независимо от того, получу ли я положительный или отрицательный ответ (скорее всего, не получу никакого), — до тех пор, пока там нет свободы печати в западном понимании этого слова, пока там не появится независимая пресса, не будут разрешены кооперативные, не зависящие от государства издательства, говорить о осуществовании там настоящей литературы мне представляется нелепым.

1989 г.

ИСКАЖЕННЫЙ ОБЛИК ГОРЬКОГО

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемая редакция!

11 августа в газете НРСлове опубликована статья Бориса Парамонова «Старый анархист или певец ГУЛАГа?», где автор полемизирует с французом Анри Труайя по поводу написанной последним и недавно изданной биографии А. М. Горького.

Я не читала книги Анри Труайя и не собираюсь писать статьи о Горьком. Это отняло бы очень много времени. Но я не могу пройти мимо тех чудовищных, нелепых обвинений, которые автор статьи Борис Парамонов предъявляет великому русскому писателю Максиму Горькому.

Автор всерьез пытается нас уверить, что у Горького де были разногласия с Лениным а со Сталиным у него не только не было никаких разногласий, но Горький якобы был «верным оруженосцем Сталина». «... Именно Сталин, сталинская политика способствовала конечному примирению Горького с большевистским режимом и возвращению его в страну в 1928 году». Или: «Вот поэтому Горький и принял сталинизм. Впрочем, это слишком слабо сказано: не принял, а обосновал, теоретически и эмоционально возвысил и прославил».

В действительности все было гораздо проще и банальнее. Горький вернулся через 10 лет в Советский Союз потому, что на Западе перестали издавать его книги. Ему, грубо говоря, не на что было жить. А в Советском Союзе он уже тогда был канонизирован, и книги его выходили там огромными тиражами. Горькому нужно было кормить и содержать не только себя, но и своего сына, целую ораву друзей и знакомых, а подчас и совершенно чужих ему людей, которые находили приют у него в доме.

Ну и, конечно, Горький не допускал мысли, что его, писателя с мировым именем, могут потом не выпустить из Советского Союза.

Тем, кто интересуется этим вопросом, советую прочесть книгу Н. Берберовой «Железная женщина». Там описаны последние годы жизни Горького за границей и на родине. Берберова описывает известные ей лично факты, а не питается домыслами, как Б. Парамонов.

Дальше — больше. Оказывается, не кто иной, как Горький повинен в коллективизации и уничтожении русского крестьянства. «Есть даже мнение (его высказывает М. Агурский), что Горький был подлинным вдохновителем политики коллективизации. (Он вернулся в Моск-

ву в 1928 году, а коллективизация началась в 29-м)». По Б. Парамонову чуть ли не получается, что если бы Горький не вернулся в 1928 году в Советский Союз, там не было бы коллективизации. А почему это писателю так хотелось расправиться с крестьянством? Парамонов считает, что Горький ненавидел русское крестьянство. Если в рассказе «Челкаш» босяк Челкаш выглядит благороднее крестьянского парня Гаврилы, еще не значит, что Горький ненавидел крестьянство как класс и призывал к его уничтожению.

«Здесь реализовалась, — пишет Б. Парамонов, — близкая и идущая от Ницше — идея селективного уничтожения социальных групп».

Я еще в юности прочла произведения Ницше и не заметила у него, «идеи селективного уничтожения социальных групп». Я привыкла, что имя Ницше склоняют со словом «фашизм». Но вот склонять имя Ницше со словом «большевизм» — это всецело заслуга Б. Парамонова. Под влиянием Ницше находились многие писатели его времени: Ибсен, Гамсун, Гауптман и другие. В этом нет ничего удивительного. Философия Ницше воспекает индивидуализм и апеллирует к отдельной героической личности, каковым Максим Горький и был. А вот с фашизмом и большевизмом учение Ницше ничего общего не имеет. Фашизм и большевизм — это философия серой массы, толпы, апеллирующая к тупому среднему обывателю. На вопрос, «что такое фашизм психологически?» Фейхтвангер в своем романе «Семья Оппенгейм» ответил: «Это успешное восстание бездарностей против творчески одаренных». То же определение вполне приложимо и к большевизму.

Достается Горькому от Б. Парамонова и за его «культуртрегерство». «Культура для Горького — господство, насилие, доминация, наиболее адекватной ее формой он видит современную индустриальную цивилизацию».

Думаю, что Горький, хотя и был самоучкой, тем не менее был достаточно хорошо образован, чтобы в противоположность автору статьи не путать два таких понятия как «культура» и «цивилизация». Именно потому «Академик для него — фарфоровая ваза и за эту вазу он готов разбиться» (В. Шкловский), что Горький понимал каким ценным и хрупким цветком является культура, в противоположность большевикам понимал, что культуру надо беречь, ее не создашь никаким насилием.

Что касается цивилизации, то она всегда в какой-то степени является насилием над природой. И в этом нет ничего плохого, если это на пользу человеку. Не было ничего плохого в самой идее индустриали-

зации России. Другое дело, что она осуществлялась рабским трудом заключенных и подневольным трудом всего остального советского народа. Но смешно вину за это валить на Горького. «Культуртрегерство» Горького во многом носило положительный характер. Ему иногда удавалось кого-то и что-то спасти. Недаром сотни людей обращались к нему за помощью. Спасением русской культуры занимался и другой русский писатель, не пожелавший эмигрировать, В. Брюсов.

Далее автор статьи говорит о любви Горького ко «лжи» и «мифам» и пытается доказать, что это сближает Горького не просто с большевиками, а с НКВД. «В этом тандеме (Горький — Ягода) главным был Горький, пропаганду насилия и лжи как метода строительства нового мира вел именно он, здесь был главный пункт его мировоззрения. НКВД был реализацией его программы, двигателем культуры, раз и навсегда понятой как доминация». Похоже, Б. Парамонов нашел козла отпущения.

Горький устами одного из своих героев пьесы «На дне» процитировал четверостишие Беранже:

«Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.»

Этот «сон золотой» Горького ничего общего не имеет с той ложью и мифами, которыми фашисты и большевики прикрывали свои преступления против человечности. Не следует валить на русского писателя вину за преступления, совершенные Сталиным и его подручными.

Что касается публицистики Горького 30-х годов, мы не знаем, писал ли он это добровольно или под нажимом, руководили им страх или он пытался убедить самого себя, что большевики смогут положительно преобразовать Россию. Поверили же в это такие большие писатели как Ромэн Роллан и Бернард Шоу. Какой бы отрицательной ни была публицистика Горького 30-х годов, она не может умалить его роли, которую он сыграл в развитии русской культуры, не может эта публицистика зачеркнуть то огромное литературное наследство, которое он после себя оставил.

Советское литературоведение приклеило Горькому ярлык «пролетарского писателя» и «основателя советской литературы». Ни тем, ни другим он не был. Пролетарским можно назвать только одно вымученное им произведение «Мать». Все остальное его творчество ника-

кого отношения к пролетариату не имело. Что касается его как основателя советской литературы, то роль Горького ограничилась организацией (он делал это не один) Союза советских писателей и выдумкой термина «социалистический реализм». Его собственное творчество в рамки советской литературы никак не укладывается, уж хотя бы потому, что большинство его сочинений или были написаны им до революции или повествовали о дореволюционной жизни.

И уже совершеннейшим абсурдом представляется мысль, что юдофильство Горького было только провокацией. Так считает Б. Парамонов. Оказывается, Горький потому выдвигал на первый план евреев, чтобы через энное число десятилетий представители общества «Память» и иже с ними их заметили и вывели на чистую воду: «Но ведь к нему этому антисемитизму, и Горький приложил руку, всеми силами представлявший евреев некими социалистическими плантаторами». Это уже мысль от лукавого. Не знаю, как кто, а Горький антисемитом не был.

1989 г.

«УРОЖАЙ ОТЧАЯНИЯ»

В Кливленде проходит международный кинофестиваль.

Среди демонстрируемых фильмов — канадская документальная кинолента *Harvest Of Despair* режиссера и постановщика Славко Новицкого, снятая им в 1984г.

Это первый документальный фильм о «забытой катастрофе»: голоде на Украине в 1932-33 гг.

Фильм меня потряс, хотя потрясти меня картинами голода трудно: я пережила Ленинградскую блокаду.

Метражи документальной, талантливо скомпанованной пленки сменяются на экране свидетельствами очевидцев, проживающих ныне в Канаде и США. Фильм идет на двух языках: диктор читает текст по-английски, свидетели говорят на родном украинском языке.

Перед глазами зрителей предстает картина величайшей трагедии Украины тех лет. Фильм раскрывает подлинные причины этой трагедии и ее виновников.

Глядя на экран, я не могла не сопоставить голод на Украине 1932-33гг. с голодом в Ленинграде во время блокады в 1941-43гг.

Ленинград был окружен врагами — немецкими фашистами, которые, не сумев победить его оружием, решили взять его измором. Виноваты были, конечно, и «свои», которые уверяли, что запасов продовольствия хватит на 10 лет, а хранили их в деревянных складах. Через три месяца после начала войны немцы их разбомбили и сожгли.

Голод на Украине явился результатом преднамеренной советской политики. Он был искусственно создан. Истребив голодом значительную часть украинского населения, Сталин рассчитывал окончательно подчинить Украину советской власти. Это был самый настоящий геноцид.

Фильм начинается с дореволюционных картин украинских плодородных полей. Густо колосится рожь, споро работают хлебопашцы. Украина была тогда не только житницей России, но и кормилицей Европы. Она продавала зерно ряду европейских стран.

Грянула Октябрьская революция, началась гражданская война. Она сопровождалась грабежом украинского крестьянства. Диктор повествует: «Кто бы ни ступил на Украинскую землю: враги или союзники, Красная армия, полки Деникина или немцы — все требовали от украинской деревни хлеба»

Это усилило извечное желание Украины отделиться от России, стать самостоятельной.

На короткий период НЭП/а/ эти надежды, казалось, начинают осуществляться. Украина переживала тогда Ренессанс. Возражается экономика, а с ней и культура. В фильме мелькают кадры, посвященные расцвету Украинского искусства.

Стремление украинцев к самостоятельности испугало Сталина, который к тому времени старался укрепить свою власть

На Украину был послан член Политбюро Кассиор «наводить порядок». Начались аресты представителей интеллигенции. Были арестованы более трех тысяч человек: священников, писателей, ученых. Советчики врывались в церкви и сбрасывали на землю колокола.

На экране большой колокол падает и разбивается. «Это был его последний звон», — говорит украинская женщина Мирослава, которой удалось пережить то страшное время.

Темная ночь нависла над Украиной. Диктор рассказывает о задуманной Сталиным индустриализации страны: нужный для ее осуществления металл и технику Советский Союз покупал у капиталистических стран, расплачиваясь валютой, вырученной за украинский хлеб. Хлеб экспортировали, забирая у крестьян «излишки».

Чтобы сломить растущее недовольство и сопротивление, ускоренными темпами проводится раскулачивание крестьян и их насильственная коллективизация.

Василь Сокол свидетельствует: крестьянин, имевший 28 акров земли, считался кулаком.

Бывший советский генерал Петро Григоренко рассказывает как в это время в деревне погиб его отец.

Советские «уполномоченные» ходят по дворам, забирают последнюю корову или лошадь. Внимание зрителей приковывают жуткие сцены погрузки раскулаченных с их семьями (включая стариков и детей) в телячьи вагоны с их узелками жалких пожитков. Их отправляют в самые отдаленные и мало обжитые районы Сибири.

Молодые и здоровые, прибыв на место ссылки, попадают в концентрационные лагеря рабского труда.

Зрители видят как в отчаянный мороз двое тянут тележку с грузом металла, один впрягся в нее и из последних сил еле тянет, другой подталкивает ее сзади.

Так работали рабы в древнем Риме.

Крестьян, которых не выслали, загоняют в колхозы.

Студентов посылают в деревни агитировать за вступление в колхоз.

На экране бывший советский активист и бывший зэк, писатель, ныне эмигрант, Лев Копелев признается, как наивно еще верил тогда

советской власти, рассказывал крестьянам о международном положении и уговаривал их честно работать в колхозах, где за трудодень чаще всего получали только 200 граммов хлеба.

Украинские крестьяне сопротивляются, многие не выходят на работу.

Дети бродят по полям, собирая оставшиеся после уборки хлеба колоски, но это запрещено. За «украденные у государства» несколько колосьев отдают под суд.

Единственный выход из положения убежать в город, но ввели строгую паспортную систему, и это стало невозможным.

Да и в городах не намного лучше. За месячную зарплату рабочего вспоминает Мирослава, можно было купить не больше 2—х буханок «коммерческого» хлеба в дополнение к скудному пайку по карточной системе. На экране показана очередь в булочную, где продают этот хлеб. В очереди три тысячи человек.

Прислонясь к стене на тротуаре лежат голодные оборванные люди, у них нет сил подняться. Точно так же выглядели дистрофики во время блокады Ленинграда.

С экрана в это время раздается знакомый мотив «легко на сердце от песни веселой» из снятого в Одессе фильма «Веселые ребята». Дескать, «жить стало лучше, жить стало веселей».

На экране Сталин выступает на партийном съезде, говорит о «достижениях». Никто не смеет даже обмолвиться о том, что на Украине массовый голод. «Каждый день умирает 25 тысяч человек — 17 человек в минуту», — говорит диктор.

Организации Красного креста США, Канады, Швейцарии хотят помочь голодающим, но Советский Союз отказывается от помощи. «Нет никакого голода. Голод — это выдумка врагов» — твердит советская пропаганда.

Но живы свидетели, которые разоблачают гнусную советскую ложь. Сын и дочь жившего во время голода на Украине швейцарского посла, рассказывают с экрана: «Мы жили как в золотой клетке. У нас было все, а население голодало». То же самое говорит американский журналист, приезжавший в те времена на Украину.

Но вот приезжает в Советский Союз всемирно известный писатель Бернард Шоу. Введенный в заблуждение цинично лживой советской проповедью, он, вернувшись в Англию, пишет и рассказывает, что никакого голода на Украине нет, рестораны, дескать, полны еды.

Кинокамера снова переносит нас в Украинские города и деревни, где ходят по домам и собирают трупы, кладут их как дрова на

телегу и увозят.

Всего в СССР погибло, по данным существующих исследований, от голода в 1932-33 гг. 10 миллионов человек, из них на Украине — около 7 миллионов человек, в том числе 3 миллиона детей.

Фильм кончился, а я продолжаю сидеть потрясенная.

Как мир мог такое допустить и почему до сих пор преступно замалчивают эту трагедию?!

На «Пискаревском кладбище» в Ленинграде, посещаемом каждым иностранным туристом, есть памятник жертвам блокады. О том же, что на Украине в 1932-33 гг. был жесточайший голод, до сих пор не имеющий себе равного в истории человечества по числу жертв, советская власть предпочитает нагло отрицать.

Огромную работу проделал коллектив создателей фильма. Он собрал огромное количество материалов: подлинные киноленты и фотографии, разыскал многих живых свидетелей и привлек их к участию в фильме.

Достоинством фильма является и то, что наряду с документальностью, он отличается талантливым, живым и художественным показом действительности. Хорошо и логично скомпонованные картины покарят зрителей своей правдивостью и оставляют неизгладимое впечатление.

«Забытая катастрофа» не должна быть забыта.

1986 г.

ОТВЕТ ПРАВДОЛЮБЦА

В газете НРСлове за 11 июня помещена как продолжение дискуссии статья Евгения Манина «Осторожно: правдолюбцы». Речь в ней идет о том, что не следует де казнить фашистских палачей, за давностью их преступлений, не следует разоблачать нацистских преступников, чтобы, упаси Бог, не разгневать их сторонников антисемитов разных мастей. Автор даже не советует, а требует от евреев: «сидите тихо и не рыпайтесь», ибо только это, по его мнению, может нас спасти от второй Катастрофы.

Автор не доволен Всемирным Еврейским Конгрессом за то, что тот копается в нацистском прошлом теперь уже президента Австрии Курта Вальдхайма. Е. Манин вслед за бывшим президентом Австрии Киршлагером обвиняет израильского министра иностранных дел Ицхака Шамира во вмешательстве во внутренние дела Австрийской Республики и доходит до того, что сравнивает его с «сионскими мудрецами», которые, по мнению антисемитских клеветников, стремились к мировому господству. Е. Манин считает, что и ВЕК и Шамир поступают согласно укоренившейся у евреев порочной системы, не думая о последствиях ставить под удар тысячи невинных людей.

Автор статьи первым делом подчеркивает, что он историк и, как таковой, признает только один критерий в оценке факта: причинно-следственную связь. «Само по себе событие, — пишет он, — не может быть ни хорошим, ни плохим, его можно оценить, лишь зная к каким последствиям оно привело»

Увы, это не оригинально. Это типично марксистская точка зрения. Войны де бывают «прогрессивные» и «реакционные»... и вообще цель оправдывает средства. Советские руководители вот уже почти 70 лет таким образом оправдывают преступления, совершаемые ими по отношению к своему и другим народам. Неважно, что десятки миллионов погибли от рабского труда во время индустриализации, зато ведь страна стала промышленной.

По этой причинно-следственной теории Павлик Морозов, донесший на родного отца, в советской мифологии считается «героем». На его примере воспитывалось и воспитывается не одно поколение юных советских пионеров.

Нравственность — понятие не историческое, а этическое. Это абсолютная категория, «категорический императив», как говорил немецкий философ Эммануил Кант.

«Не убий!» гласит первая заповедь. И тот, кто ее нарушил должен

нести личную ответственность.

Судебный процесс, который готовится сейчас в Израиле над фашистским преступником Иваном Демьянюком является в такой же мере необходимым как и совершившийся в 1962 суд над Эйхманым.

В лице Эйхмана судили организатора убийств шести миллионов евреев, отдававшего приказы об их уничтожении в лагерях смерти.

Демьянюка будут судить как палача-исполнителя, садистически истязавшего неповинные жертвы. Волосы становятся дыбом, когда читаешь статью Чертока, где описаны его зверства (статья напечатана в НРСлове). За такое — повесить мало.

Возмущает тон, каким пишет господин Манин о процессе над Демьянюком: «Я не знаю, каким Иваном был Демьянюк «грозный» или «кроткий»... В тот день, когда он был депортирован в Израиль, тысячи украинцев и прибалтийцев США и Канады стали активными антисемитами».

Ни для кого не секрет, что в США и Канаде скрываются еще украинцы и прибалтийцы, служившие во времена гитлеровской оккупации надсмотрщиками в лагерях смерти, полиция и другими пособниками гестаповцев и эсэсовцев. Были, к сожалению, такие пособники и среди русских, притом из интеллигенции (дело о депортировании живущего в США проф. Соколова, издававшего в оккупированном г. Орле антисемитскую газету).

Они были антисемитами там и остаются антисемитами здесь, их не прибавилось, они только сняли маску. Удивляет, что господин Манин, будучи историком по профессии, всерьез заявляет, что не только еврейские погромы, но и «черта оседлости» (появившаяся еще раньше, в начале века) и гнет, которыми подвергались евреи России в 80х годах прошлого столетия, вызваны не экономическими и социальными причинами как антисемитизм в целом, а явились исключительно следствием того, что «некий еврей-революционер» убил императора Александра II.

На Александра II было восемь покушений. Участвовали в них: Каракозов, Березовский, Халтурин. Убил Александра II в 1881 г. поляк Гриневитский по поручению общества «Народная воля». В связи с убийством казнили пять человек.

До сих пор бытует среди антисемитов обвинение против евреев, что это они «устроили революцию в России». Это извращение исторических фактов. Свержение царизма в Феврале 1917 г. возглавили русские либералы. Что касается Октября, то это был большевистский переворот, в котором активно участвовала лишь кучка оторвавшихся от ев-

рейства интернационалистов. Пострадали сразу после этого переворота евреи — в массе своей ремесленники и мелкие торговцы — не менее остального населения страны.

Страшно дорогой ценой заплатили потом и продолжает платить до сих пор за этот лживый навет весь еврейский народ.

Господин Манин открывает нам глаза на причины Катастрофы. «Неслыханная в истории акция — физическое истребление целого народа», оказывается, произошла из-за того, что некий «сопливый правдолюбец» — еврей «застрелил некоего Эрнста фон Рата, мелкую пешку германского посольства во Франции.»

Опять «правдолюбец» виноват. Он де явился детонатором. А если бы не было его, разве Гитлер не нашел бы другой повод? Глубоко был прав французский писатель и философ Жан Поль Сартр, который говорил: «Если бы евреев на свете не существовало их бы изобрели антисимиты». Одной из причин «окончательного решения еврейского вопроса», при том не последней, была меркантильность — желание завладеть имуществом убиенных. Фашисты не брезговали ничем. Помимо захвата фабрик, магазинов, домов и другого недвижимого имущества евреев, коллекций картин, драгоценностей, вагонами отправлялись в Германию из лагерей смерти не только одежда убитых, но и вырванные изо рта у трупов золотые коронки, остриженные перед удушением в газовой камере волосы узников. Снимали часто человеческую кожу, из которой делали сумки.

И все это господин Манин требует простить и забыть. Он пишет: «Все бывшие смертельные враги давно помирились... все только не мы». Рассмотрим некоторые примеры, которые приводит Е.Манин — немцы во время второй мировой войны оккупировали Францию, однако они не думали истребить поголовно всех французов. Англия пыталась сохранить свои колонии, но не проводила геноцида по отношению к какому-либо народу, а евреи лишь боролись за право иметь свое независимое государство, что касается Папы Римского, то он пришел в римскую синагогу извиняться за многовековые преследования евреев и вражду к ним со стороны христиан.

Никто не обвиняет современное поколение немцев в катастрофе: они в ней не участвовали.

Меня удивляет, что Манин вторит хору антисемитов, считая ненужными памятники и музеи о Катастрофе, не надо де выставлять на показ свои старые раны, ибо это приводит к противоположным результатам. Именно из-за этого, по мнению Манина, растет число тех, кто считает Катастрофу «выдумкой евреев». Тут господин Ма-

нин, обвиняющий всех в алогизме, сам утратил всякую логику.

Только после войны, благодаря воспоминаниям немнигих выживших узников лагерей смерти, созданию на их территории памятников и музеев — мир узнал о Катастрофе и ее масштабах.

Кстати, не только евреи судят преступников, совершивших преступления 40 лет тому назад. Совсем недавно в Югославии проходил суд над Артюковичем, который так же, как и Демьянюк, был депортирован из США в Югославию по требованию югославского правительства. Ему было за 70 лет, его из самолета выносили на носилках, он был фактически слепой. Однако это не помешало югославам судить его и вынести ему смертный приговор.

Совершенно некстати Е. Манин приводит слова Теодора Герцля:

«Я хочу, чтобы евреи были как все». Евреи всегда были такие, как все, но им это не позволяли.

На самом деле все народы равны. Среди еврейского народа, как и у других народов, есть свои правдолюбцы и мечтатели, торгошники и жулики, великие ученые и гангстеры, есть даже и шпионы. Никому, однако, не придет в голову охаивать весь грузинский народ из-за того, что два самых кровавых тирана — Сталин и Берия были грузинами.

Что касается победы Курта Вальдхайма на выборах, то здесь, как любят говорить американцы, «смешали яблоки с апельсинами». Вальдхайм победил своего соперника социалиста не столько благодаря поддержке антисемитов, а главным образом, из-за того, что стоявшие долго у власти социалисты себя не оправдали.

Преступления, в которых подозревается Вальдхайм, будут тщательно расследованы. Для этого создается авторитетная комиссия.

Суд над Демьянюком, преступления которого доказаны, — это суд над преступлениями против человечности. Замалчивание таких преступлений или снисхождение к преступникам, их совершившим, недопустимы ни при каких условиях. С этим не может мириться человеческая совесть.

На протяжении многих веков евреи в диаспоре пытались быть «тише воды ниже травы», но это не спасало их от преследований, не спасло и от Катастрофы.

С созданием еврейского государства у евреев появилась возможность, как и у других народов, оказывать сопротивление преследователям. Если, в связи с судом над Демьянюком и ему подобными несколько тысяч притаившихся антисемитов сбросят маски, что же, мы их узнаем и пусть они нас боятся: с открытым врагом бороться легче.

1986 г.

ПОЗВОЛЬТЕ НЕ СОГЛАСИТЬСЯ

Уважаемая редакция, в приложении к газете «Русский Магазин», «Город К», №4, 1995 г. опубликована статья Александра Гельмана «Туда и обратно» — заметки несостоявшегося эмигранта.

Откровенно, мне с самого начала не понравился игривый тон этих заметок. Отъезд из страны, где ты родился и жил (родины) всегда является трагедией, независимо от причин, побудивших тебя эмигрировать. Весьма произвольной мне также показалась классификация, которую самоуверенный автор дает различным группам эмигрантов.

Под рубрикой «Даешь Америку!» автор пишет: «Следом за сионистами-идеалистами стали уезжать люди, которые не хотели обустроить ничего, кроме своего личного благополучия». Разве идеалистами могут быть только сионисты? Почему автор отказывается в идеализме людям других убеждений? Всем известно: вслед за сионистами в начале и середине семидесятых годов эмигрировали диссиденты (и не только еврейской национальности). Одним из них грозила на родине тюрьма, другим КГБ само предлагало на выбор высылку из страны, третьи, как я, творили там подпольно или вообще не имели возможности проявить себя и всю жизнь ждали, когда железные ворота приоткроются.

Уезжали люди творческих профессий, интеллигенция, для которой главное в жизни — свобода. Действительно, большинство из них обосновалось в Америке. Ну и что? И ни о каком «обустройстве личного благополучия» речь не шла. Я, например, как и многие, оставила в Москве великолепную кооперативную квартиру, обставленную современной европейской мебелью, которую в Америке и за деньги не купишь, и в течение пяти лет жила в крохотной комнатухе с плитой, но без кухни. Оставила там библиотеку, которую мне здесь не собрать... Я уже не говорю о покинутых родных, друзьях и родственниках. А разве нельзя назвать идеалистами семьи, уезжавшие ради спасения своих детей, чтобы воспитать и образовать их в свободном мире? Многие из родителей имели там престижные профессии, а здесь должны «вкалывать» не по специальности. Если среди тех, кому автор, по его словам, «помогал собираться, провожал, просто звонил попрощаться или слышал об отъезде 50, 80, а может, и 120 родственников» не оказалось людей, эмигрирующих хотя и не в Израиль, но по идейным убеждениям — это не означает, что таких не было совсем.

Далее автор пишет: «Кое-кому отказывали, но большая часть желающих получала разрешение, так что риск был невелик».

Читаешь это и диву даешься: будто автор не знал о многочисленных

отказниках, которые годами ждали разрешения на выезд. Стоило молодому человеку отслужить в армии, как он получал отказ и второй раз подать заявление в ОВИР мог только через три года. Если человек имел на работе секретность (а в СССР, как известно, все было засекречено), его отъезд откладывался на пять, а то и на десять лет. И как автор, который сам не рискнул эмигрировать, смеет писать о других «риск был невелик». Он что, никогда не слышал об ученых-физиках, математиках и других профессиях, уволенных из научно-исследовательских институтов за подачу в ОВИР заявления на выезд и работавших ночными сторожами, истопниками и дворниками?

«Начало восьмидесятых годов, — пишет автор, — было вообще временем очень мрачным (будто прежние десятилетия при советской власти были лучезарными?) — Афганистан, взаимное размещение ракет в Европе, польские события... “Я выбираю свободу!” — вот самый распространенный, по крайней мере, на словах (?) мотив эмиграции». Не желает автор понять, что можно на деле выбирать свободу и пойти за нее на любой риск.

И последнее: Эмиграция становится эвакуацией — делает подзаголовок автор. Эмиграция никогда не может стать эвакуацией. Эвакуируется человек в своей стране из одного города или района в другой, а эмигрирует всегда за границу. Отсюда и последствия.

«После 1988 года вскоре поднялся такой вал эмиграции, по сравнению с которым волны 1971 (в 1971 не было еще волны, а был только маленький ручеек) и 1979 годов показались легкой зыбью». И как же автор определяет эмигрантов этой волны? Он называет их «паникерами». «Целые слои населения вдруг решили, что все рухнет, что завтра начнется что-то несусветное — то ли голод, то ли погромы, то ли гражданская война». «Несусветное» уже случилось. «Целые слои населения» в СНГ живут впроголодь из-за дороговизны; погромов еще нет, но антисемитизм из государственного стал «народным», гражданская война идет сразу в нескольких регионах бывшей страны Советов. Но мне лично думается, что после 1988 года хлынула огромная волна эмигрантов, потому что широко распахнулись ворота, и эмиграция из еврейской превратилась во всеобщую.

В некотором смысле, эмигрантов этой волны, действительно, можно назвать паникерами. Они испугались, что мышеловка может захлопнуться. И не совсем ошиблись. Железный занавес, увы, опускается. На сей раз с другой стороны. Эмигрировать из СНГ в Америку и вообще на Запад становится теперь непросто.

1995г.

ЯЗЫК — НЕ КОНСЕРВЫ

В газете «Русский Магазин» за февраль месяц была опубликована статья Израиля Ландсмана, в которой автор сетует и негодует по поводу того, как в наше время коверкается и деградирует русский язык, и приглашение редакции откликнуться на эту тему.

Меня проблема сохранения русского языка не только в общественном, но и в личном плане занимает больше, чем кого бы то ни было. Это естественно: я литератор. Если большинство эмигрантов волновал и волнует вопрос, как овладеть английским языком, я по приезду в Америку боялась, как бы мне не утратить русский.

За 20 лет жизни в США я не потеряла язык, который привезла. Стараюсь не разговаривать на нашем эмигрантском жаргоне, нечто вроде того: «Сегодня я встала в восемь “шарп”, выпила “оранж джус”, съела два “писа брэда” и пошла на остановку “баса” чтобы ехать на “аппойтмент” к “дантисту”». Разумеется — это гипербола, но в ней есть доля истины. Не следует относиться небрежно к своей речи, в частности, говорить на смешанном языке: рискуешь оказаться не понятым соотечественниками.

Да что эмигрантский жаргон! Одна из уважаемых нами газет вот уже на протяжении нескольких лет упорно и настойчиво искажает русский язык по принципу: что слышим (по-английски), то и пишем (по-русски). Нельзя написать «Охайо» — это ошибка. Требуется писать Огайо. Не г. «Коламбус», а Колумбус, не принцесса «Дайяна», а Диана, не Том «Броко», а Брокау...

Однако, не могу не заметить, что, например, английскому слову appointment нет соответствия в русском языке, которое бы точно определяло это понятие. Не скажешь: «У меня сегодня свидание (или встреча) с зубным врачом». У меня с ним не роман и не дело: он всего навсего лечит мои зубы. Не принято даже говорить: «У меня сегодня визит к зубному врачу», хотя так сказать можно. Кстати, визит — тоже обрусевшее английское слово. Вот и приходится, чтобы выразить понятие «аппойтмент», прибегать к целой описательной фразе: «Я сегодня записана на прием к зубному врачу». Это не экономично. Язык же, во всяком случае, современный, всегда стремится к экономии. Вот почему слово «аппойтмент», несмотря на трудное произношение, легко вошло в наш эмигрантский обиход.

В 1992 году после долгого отсутствия я поехала в Россию. Первое, на что я там обратила внимание, как за это время изменился русский язык. Словарь буквально наводнили американизмы: «бизнес»,

«сервис», «имидж», «статус», «регион», «презентация», «маркетинг», «триллер», «менталитет»... Всех не перечесть, ими пестрят газеты и журналы. Это не только дань моде. Мода преходяща, она не задерживается. Английские же слова, перечисленные мной, существуют в русском языке уже с десятков лет, столько, сколько идет перестройка.

Помимо американизмов пришли в русский язык и другие новые слова: «лажа», «тусовка», «попса», «мент», «чернуха», «порнуха»; выражения: «крутой парень», «отмывать деньги»... Появились и новые сокращения: «демпресса» (демократическая пресса), «инакомысл»...

Я не даю этому личную оценку. Нравится нам или не нравится, эти явления в русском языке — совершающийся факт. В «охранной грамоте», как требует для языка господин Ландсман, может нуждаться здание, построенное из дерева и камня, мраморный памятник, картина, нарисованная на холсте, а никак не язык. Язык — это живой организм. Он — не консервы. Ему свойственно обновляться. Одни слова и выражения устаревают и отмирают, другие нарождаются и укрепляются в языке. Это естественный процесс. Его невозможно задержать. Ему не скажешь фаустовское: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!»

В языке не бывает «сорняков». О речи отдельного индивида можно сказать: она засорена нецензурными словами. Язык в целом как общественное явление, как средство коммуникации, которым мы выражаем наши мысли, чувства, переживания, любые новые слова, пусть даже матерные, только обогащают. Я не «матолоб» и не сторонник употребления «матословия» (Ландсман сам, никого не спросив, образовал два новых слова) в литературе, особенно в количествах Эдички Лимонова. Сама, если и напишу когда неприличное слово, то обязательно с многоточиями. Но я отстаиваю право писателя употреблять мат, если, например, для реплики персонажа «крутого парня» требуется крепкое словцо. Все, что есть в жизни, рано или поздно находит свое отражение в литературе.

Пушкин и Лермонтов, «балуясь матом», в своих произведениях его не употребляли, очевидно, потому, что не описывали народного бытия, а изображали жизнь светского общества, где матом, как известно, не выражались. Кстати, мат Лимонова — это тоже своего рода эпатаж. Вам не нравятся книги, в которых есть мат, сделайте милость, не читайте их. Надо всегда помнить: свобода в литературе может быть либо для всех, либо ее не будет ни для кого.

По приезде с нашей «бывшей родины» я написала и издала книгу «Сто дней в России». Одним из моих читателей оказалась русская

женщина-врач, кандидат наук, приехавшая из Москвы по делам в г.Кливленд. Пропев мне дифирамбы, она, в основном, упирала на то, что ей понравился аристократический язык моей книги. Она давно такого не читала. Эпитет «аристократический» она повторила несколько раз.

И, что вы думаете... я после такого комплимента приобрела словари «Русская феня» и «Московское арго» и их изучаю. Мне в свое время язык писателей и вообще эмигрантов первой волны казался, по сравнению с моим, тоже аристократическим. Сейчас я понимаю: он был не только аристократическим, но и в какой-то степени архаическим. Теперь так не говорят.

Я не менее господина Ландсмана скорблю и печалюсь об утраченной красоте жизни, а с нею и о красоте языка. Однако, ничего не поделаешь: мы доживаем последние годы XX столетия.

Нашу житуху (простите за вульгаризм) невозможно описывать языком Бунина. У кого это в наши дни есть время «ощущать запах антоновских яблок»? Съел яблоко, и все тут. А от таких фраз, как «легкое дыхание первой любви» или «шелест янтарной кроны в темных аллеях», (снова прошу прощения) веет Институтом благородных девиц.

Что же касается ошибок у современных поэтов — в стихах всегда допускались поэтические вольности.

1996 г.

ПРАВЕДНИК

В Кливленде проходил Международный кинофестиваль. В числе фильмов из разных стран демонстрировался и русский фильм «Мусульманин», снятый на Московской киностудии в 1995 году. Режиссер картины Владимир Хотиненко — ученик Никиты Михалкова, автор нескольких, снятых уже в перестроечные годы фильмов «Зеркало для героя», «Патриотическая комедия», «Макаров», получивших премии как в России, так и за рубежом. Сценарий написал известный актер Валерий Золотухин.

Действие происходит в России в постсоветское время. Домой после семи лет плена из Афганистана возвращается русский солдат Николай Иванов. Авторы фильма дали герою имя и фамилию обыкновенные, а случай изображили исключительный. В искусстве — это правомерно.

Будучи в 1992 году в Москве и Петербурге, я видела инвалидов афганской войны. Они либо просили милостыню, либо торговали какой-нибудь мелочью. Николай вернулся не только целым и невредимым (известно, что моджахеды имели обыкновение отрубать пленным конечности), но и с мусульманской верой в сердце. Когда моджахеды вели Николая на расстрел, его выкупил и взял к себе вместо убитого сына афганский крестьянин. Он назвал его Абдуллой, как звали сына, и обратил в свою веру. Были случаи, когда пленные воины принимали мусульманство, очевидно, они это делали ради спасения своей жизни. Николай же поверил в Коран не за страх, а за совесть.

Родная деревня приготовилась к встрече с героем. Что ждет его на родине? За годы его отсутствия повесился отец, брат Федька превратился в алкоголика, Вера — любимая девушка стала проституткой. Но Николай не ропщет. Он работает в поле, помогает матери по хозяйству и молится своему Богу на непонятном для окружающих языке. Казалось бы, он никого не трогает и никому не мешает, но его праведный образ жизни вступает в противоречие с несправедливым бытием остальных жителей забытой Богом и забывшей Бога деревни. Ни он их, ни они его не понимают.

Мать и брат зовут его идти с ними воровать комбикорн для коровы. Николай говорит: «Мне красть нельзя».

Мать предлагает ему выпить стопку водки, чтобы помянуть покойного отца. Николай снова произносит: «Мне (пить) нельзя».

Любимая когда-то девушка хочет, выражаясь нашим западным язы-

ком, «делать с ним любовь». Николай объясняет ей: «до женитьбы это нельзя».

Особенно не может простить Николаю его праведности брат Федька. Он и до войны его бил, а теперь избивает. Но вот брат помолился Богу, отошел, хочет с Николаем помириться и просит его в честь примирения поцеловать икону Николая Угодника, именем которого того назвали. Николай произносит свое обычное: «Мне нельзя», и снова начинается мордобой.

Жить Николаю в родной деревне становится опасно. Мать по совету священника уговаривает его уехать. Но тут Федька-брат вешается на том же крюке, на котором повесился их отец. Николай спасает его, и произносит нечто вроде монолога: «Верьте во что хотите, только не давайте бесам поселиться в вашей душе». Вслед за этим как раз и происходит сцена, которую можно назвать «бесовской». Председатель колхоза продал кому-то землю, принадлежащую деревне, и ходит с портфелем, полным «баксами». В сумерках он полез купаться в озере, о котором ходят легенды, что в нем церковь затонула. Ему привиделся сатана, он выронил портфель, по воде плывут доллары... Утром вся деревня кидается их ловить. Не участвует в этом только «мусульманин». Именно в этот момент Николай объясняется в любви пробегающей мимо Вере. А она говорит: «После». Деньги для нее важнее.

А дальше наступает развязка. С момента появления Николая в родной деревне за ним все время следит какой-то субъект. Он тоже бегал ловить доллары. Николай узнает в нем бывшего политрука подразделения, где служил. Политрук считает его предателем и поклялся убить. Приехав в деревню, стал читать Новый завет и, надо полагать, поверил в Бога. «Это тебя спасло», — говорит он Николаю, показывая болтающийся на груди крест. Зритель ждет, что они обнимутся, и фильм закончится на мажорной ноте. Так, наверное, было бы в американском фильме. Но фильм «Мусульманин» снят русским режиссером. Держась за крест, политрук просит Николая: «Перекрестись». Николай, как уже было много раз, отвечает: «Мне нельзя». «Ну перекрестись ради меня», — почти умоляет его политрук. Николай молчит. Тогда политрук вынимает пистолет, приставляет его к виску Николая и спрашивает: «А так перекрестишься?» Николай продолжает молчать. Все происходит точно по Чехову: ружье, появившееся в первых кадрах фильма, в последнем стреляет. Герой, уцелевший в афганской бойне, вернувшийся невредимым из плена, погибает на родине.

Западному зрителю, да и русскому, пожалуй, фильм может пока-

заться антирусским. Но мы с вами, читатель, знаем, как советская власть развратила русскую деревню. В доперестроечные времена ругать можно было только Запад. Теперь свобода. И российские деятели искусств занялись очернительством, наперегонки ругают свою родину. Даже термин такой в литературе появился: «чернуха». И, как водится, изощряясь в ругани, сгущают краски. Вот и авторы фильма рисуют образ Николая исключительно белой краской, истратив всю черную на изображение жителей деревни. И доходят иногда до абсурда. Мусульманин хочет жениться на проститутке. Разве такое возможно?

Фильм может показаться и антихристианским. Картина начинается с того, что по усеянному васильками и ромашками полю бодро идет молодой русский священник с молитвенником в руках и поет песню о Богородице. В деревне есть церковь: маковка ее все время виднеется. Однако неизвестно, проходит ли там служба. Это в фильме почему-то не показано. Все жители деревни носят на шее крест, в избе у матери Николая висят образа, а живут они не по-божески. Почему? Напрашивается вывод: потому что «неверные», то есть не мусульмане. Режиссер не назвал свой фильм «Праведник», он назвал его «Мусульманин», поставив знак равенства между двумя этими понятиями. Это мы с вами, читатель, понимаем, что истинный христианин не убьет человека другой веры только за то, что тот не захотел перекреститься. Хотя пути Господни неисповедимы. Истинные христиане в средние века шли убивать, «освобождая Гроб Господен», а истинные мусульмане в наши дни совершают террористические акты, убивая невинных людей, и верят, что Аллах их за это призовет в рай.

Фильм идет под музыку и пение пасторали Чайковского из «Пиковой дамы»:

«Мой миленький дружок,
Любезный пастушок»...

А в это время среди приглаженной природы (операторы постарались именно так ее снять) пастух, с заросшим волосами лицом и нечленораздельной речью, ударяет хлыстом, погоняя овец и коров. Противопоставление это ни к чему: пасторальных деревень не было не только в России, их не было и в Европе даже в XVII и XVIII веках. «Любезные пастушки» — выдумка художников Барбизона.

1996 г.

КЛЮКВА И ТОПОР

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КИНОФАЛЬШИВКИ

Живя в Советском Союзе, я не читала советской литературы, не смотрела советских фильмов, не ходила в театры на советские постановки...

Другое дело теперь, когда Советского Союза больше не существует, а есть страна Россия... и там — гласность... перестройка... и вообще, полная свобода в искусстве, никакой цензуры: пиши... сочиняй... рисуй... твори... создавай, что хочешь. И я спешу в библиотеку за написанной и изданной там сейчас книгой, охотно иду на выставку тамошних художников, когда картины их сюда привозят, сломя голову, бегу смотреть очередной сделанный в России фильм.

Недавно в кливлендской «Синематеке» демонстрировался фильм Димитрия Астрахана «Изыди!», снятый в 1991 году на петербургской киностудии, бывшей «Ленфильм». Фильм этот на модную нынче в России еврейскую тему. Перед ним были фильмы «Дамский портной», «Блуждающие звезды» и фильмы, в той или иной степени эту тему затрагивающие, «Комиссар», «Закат», «Любовь». Между прочим, «Изыди!» был представлен на премию «Оскар» как «лучший иностранный фильм». «Прекрасный... и вызывающий», — захлебываясь, писала о фильме газета «Уолл-стрит джорнэл». «Необыкновенная сказка о смелости еврейской семьи, живущей в царской России», — рекламировала фильм кливлендская «Синематека».

До появления на экране первых титров жалобно звучит мотив еврейской молитвы... и перед глазами зрителя проходит страшная картина, которую можно назвать «После погрома». Оставшиеся случайно в живых евреи кладут на телеги мертвые тела своих убитых родных и близких, среди которых и дети... и с котомками на плечах уходят. Рядом, застыв в одной позе, стоит русский мужик с топором, с которого стекает кровь, и выражение лица у него такое, словно он сам не понимает, что наделал. Надо отдать должное режиссеру — сцена эта впечатляющая. «О, какие фильмы стали делать в России!» — с восторгом подумала я. Но это был поспешный вывод. По ходу действия становится ясно, что картина эта воображаемая. Это видения героя, которые появляются перед его глазами всякий раз, когда что-нибудь напоминает ему о возможном погроме. Ему то видится убитой женой, то изнасилованной дочерью... Сцены эти, снятые в черно-белых кадрах, повторяю, сделаны потрясающе, особенно картина,

где рядом с убитыми положены русские иконы. Надо полагать, за эти сцены фильм и был представлен на премию «Оскар». Между тем он ничто иное, как погром, увиденный глазами перепуганного еврея. А у страха, как известно, глаза велики. На самом же деле в деревне, где живет еврейская семья в единственном числе, что мало правдоподобно, никакого погрома не происходит.

Авторы «Изыди!» устроили мешанину из рассказов столь непохожих писателей, как Шолом-Алейхем и Исаак Бабель, с прибавлением большой доли отсебятины.

Фильм начинается с того, что еврей Мотл Рабинович получает в царской канцелярии право на владение молочным магазином.

— Почему ты открываешь магазин не в еврейской деревне? — недоуменно спрашивает Мотла чиновник.

— Иметь дело с евреями... — иронически отвечает ему наш еврей.

Меня эта фраза резанула, как фальшивая нота, и стало неприятно смотреть фильм. Дальше это неприятное чувство фальши только усиливается.

После канцелярии, купив на базаре корову, наш еврей отправляется в бордель. Пока он развлекается с проститутками, художник по его заказу рисует вывеску для его магазина. Позируют ему для этой цели две полуодетых девки. Ни один уважающий себя владелец магазина не заказал бы подобной вывески, ни один уважаемый покупатель не вошел бы в такой магазин, и более того — власти такой вывески не разрешили бы. Но авторов фильма, видимо, это не смущает, им нужно втиснуть в фильм как можно больше того, что в современной России называется «порнухой», иначе зритель не пойдет в кино.

С порновывеской наш еврей возвращается в родную деревню, где его кроме семьи и гостей у него родственников, встречают закадычный друг Иван и другие соседи. Из скабрёзного разговора друзей все о той же порновывеске мы узнаем, что и Мотл и Иван ходят к одним и тем же проституткам. После похабной сцены в борделе следует похабная сцена Мотла с женой. Жена Мотла Голда орет на него так же, как русская баба на своего мужика. И вообще... авторы фильма хотят нам показать, что жизнь еврея ничем не отличается от жизни русского, что совершенно неверно. Жизнь среднего советского интеллигента — что еврея, что русского — после 75 лет обезлички действительно ничем не отличалась. Но жизнь дореволюционного еврея, к тому же богатого, владельца магазина, мало походила на жизнь бедного, среднего или даже зажиточного русского крестьянина. Их пути могли пересекаться только по необходимости. Евреи в России,

особенно до революции, чувствовали себя чужими, русских соседей старались умиловить, но никогда не были с ними запанибрата: не в еврейском это характере. Но в фильме и нет еврейских характеров. Действующие лица — евреи — ни внешне, ни по манерам, ни по разговору евреев не напоминают. Оно и понятно. В конце в титрах промелькнули только три еврейские фамилии актеров, занятых в эпизодических ролях. Роль главного героя играет грузин Отар Менгвинетукадзе с благообразной и, если так можно выразиться, общевосточной внешностью.

Мотл собирается отпраздновать открытие магазина и приглашает всех соседей. Но он забыл купить в городе водку.

— Ничего, — всерьез отвечают ему русские мужички, — мы и чаю попьем.

Еще одна, хотя, казалось бы, незначительная фальшивая нота.

В искусстве в противоположность жизни случайных реплик не бывает.

Но тут появляется урядник и предлагает Ивану как старосте устроить Мотлу (он и его семья — единственные евреи в деревне) погром. Иван признается своему другу, что он вынужден пойти на это, иначе сына заберут в армию. И тогда они оба (одна голова — хорошо, а две — лучше) совместными усилиями и с помощью других мужиков устраивают погром «понарошку». Поджигают сортир вместо дома, выпускают пух из подушек, бьют ненужную посуду... Мотл сам протягивает им тарелки... и сам приказывает домашним кричать: «Помогите!» Снова появляется урядник и говорит: «Хватит». Мы понимаем, что и урядник не имел в виду настоящего погрома, так как перед этим видим сцену, в которой урядник жалуется своей жене: «Вся Россия протестует... Лев Толстой... а я вынужден выполнять приказ свыше». Бедный урядник! Чей приказ он выполняет, организуя погромы, хотя бы и инсценированные, — вышестоящего начальника? Царя-батюшки? Или, может, своего православного Бога? Этого нам авторы фильма не объясняют. Когда «погром» кончается, Мотл благодарит Ивана. За что? По-видимому, за то, что тот не устроил ему настоящего погрома. Меня от этого «спасибо» покорило.

Дальше действие сосредоточивается на молодом поколении. Сын Ивана Петр, художник, любит дочь Мотла. Когда на экране впервые появился Петр, я не сразу сообразила, кто он такой и кого артист играет. У сына Ивана, неизвестно в кого, длиннющий, как у Буратино, нос. И когда любимая, с которой он хочет тайно обвенчаться, испугавшись предстоящего, забила под перину, Петр берет ножницы, под-

носит их к своему носу и, приподняв перину, риторически спрашивает любимую: «Хочешь, отрежу кусок носа... Сколько отрезать?» За этой фразой угадывается извечный еврейский вопрос: «Тебе что, не нравится мой длинный нос?» Неужели режиссер не мог найти в России на роль Петра актера с курносым носом? Конечно мог. Но он выбрал актера специально, ибо хочет нам показать, точно мы сами не понимаем, что длинные носы бывают не только у евреев. Бывают... Кто спорит? Но в искусстве (вынуждена повторяться) принято изображать не случайное и единичное, а типическое и характерное. И потому это еще одна фальшивая нота в гамме. Сидевший рядом со мной зритель недоуменно пробормотал: «Она похожа на “шиксу”, а он на еврея».

Между тем Мотл едет в трактир за водкой, а там собрались черносотенцы — готовятся к погрому, передают друг другу адреса еврейских семей в городе. Такая сцена могла бы происходить в современном Петербурге или в Москве. Когда евреи жили в черте оседлости — в городских гетто или маленьких местечках, погромщикам не требовались их адреса, и так было известно, где они живут.

Трактирщик советует Мотлу бежать... и впопыхах даже не берет с него денег за водку.

Зритель все время ждет, когда же наконец Мотл начнет спасать себя и свою семью. Но герой только видит перед собой сцены возможного погрома и ничего не предпринимает, чтобы его избежать. Почему? Да потому, что режиссер с самого начала решил, что никакого погрома в фильме не будет.

Тем временем дети главных героев венчаются в русской церкви, после чего жених приводит невесту в избушку, где он снял комнату для брачной ночи у одинокой старушки. И даже тут авторы фильма не могут обойтись без скабрёзности, когда старушка учит молодых как «делать любовь»...

В разгар празднества, когда гости сидят за столом, появляются молодые и объявляют, что они муж и жена. И как, вы думаете, отнеслись к этому родители? Еврейский отец отказался от дочери? Русский поколотил сына? Обе матери в голос завывали от горя?.. Ничуть не бывало. Вначале они пришли в некое замешательство, но оно быстро прошло. Первым очнулся Иван... и как подабаёт широкой русской натуре, положив руки на плечи сына и невестки, радостно провозгласил: «Мотл, мы теперь с тобой родственники». «Пей! Гуляй! Мазал тов!» — празднество переходит в свадьбу. Но тут приходит урядник и сообщает, что в городе был погром. Все выходят на улицу, бегут к

краю деревни и видят вдали... в городе горит дом... и ничего больше. Вот тут бы режиссеру и показать эти кровавые картины реального погрома. Ан нет, он этого не делает. Почему? Да потому, что авторы фильма настойчиво пытаются нас уверить, что погром — это где-то там... за пределами русской деревни... и устроили его какие-то черносотенцы, которые неизвестно откуда берутся. Здесь же на деревню всего один антисемит — спившийся неудачник-мужичонка, у которого больной ненормальный сын. В его уста авторы и вкладывают все то, что антисемиты любят говорить о евреях: «Евреи меня спаивают, а сами не пьют! Они умные, а я дурак! Все кругом (это о русских соседях) евреи! Один я (бия себя в грудь) русский!» Последние две фразы — дань современности. Да и он в конце, перекрестившись, валится в ноги Мотлу, прося у того прощение. Авторы фильма хотят сказать, что только больные и неудачники становятся антисемитами. Здоровый русский народ антисемитом быть не может. А что думает по этому поводу читатель? И посему в деревне, где живет Мотл с семьей, а деревня эта, надо полагать, типическая — единичное в искусстве не изображают — никто погрома не устраивает. Напротив, всем миром уговаривают Мотла уехать. А он вместо того чтобы пуститься наконец с семьей в бега, заводит граммофон и слушает вальс «Амурские волны». Кстати, именно под этот мотив Мотлу видятся картины погрома. Но так, как друзья-соседи не отстают, он в ярости начинает скидывать со шкафов запылившиеся чемоданы и корзины и, к удивлению окружающих, особенно зрителей, сам вдруг орет: «Бей жидов!». Чтобы еврей мог такое произнести, он должен находиться в состоянии крайнего помешательства. Наш же герой сохраняет самообладание до последней минуты. Наконец соседям удается-таки посадить Мотла и его семью в телегу. Они его отправляют к знакомым Ивана, где он может переждать погром.

Вот тут-то и падает на колени у телеги единственный антисемит деревни.

Вдруг наш еврей встает с телеги, берет в руки топор, и высоко подняв его над головой, отважно устремляется навстречу погромщикам. Вы можете представить себе еврея в подобной ситуации с топором? Я — нет. Израильского солдата с винтовкой — да. Можно сказать, перефразируя слова Пушкина из «Моцарта и Сальери», «еврей и топор — две вещи несовместимые». Друзья сначала пытаются Мотла удержать... затем Иван поднимает с земли булыжник, у Петра в руках оказывается палка, к ним присоединяется урядник с ружьем... и вся эта боевая группа (ну точно картина в стиле Делакруа) храбро

противостоит приближающимся погромщикам. На экране — крупным планом мужественное лицо Мотла. Режиссер делает стоп-кадр. Фильм, начавшийся с фальшивой ноты (еврей не желающий жить с евреями), на фальшивой ноте и кончается.

Каково мне было смотреть эту последнюю сцену, мне у которой... Когда моему отцу было шестнадцать лет, в 1922 г. он на несколько дней отлучился из деревни Ручаевка, Гомельской области, где жила семья, в город Лоев подыскать квартиру, чтобы в ней можно было спрятаться от погромов. Вернувшись застал всю семью: отца, мать, двух сестер-подростков, младенца-брата и пятнадцать человек родственников зарубленными топором. На столбе красовалась надпись: «Я, Иван Голак, убил и буду убивать жидов». Царская власть была уже к этому времени свергнута, а стало быть, и не было «указания свыше» устраивать погромы. И никакие соседи их не пытались защитить — напротив, отец потом узнал: указывали погромщикам дома, где жили евреи, а некоторые и сами приняли участие в погроме.

А что преподнесли нам создатели этого фильма? Сказку из «Тысячи и одной ночи»? Развесистую клюкву с топором? Да нет, господа, это же наш старый знакомый — да, да, он самый, СОЦРЕАЛИЗМ в искусстве. «Изображение действительности в ее революционном развитии». А если проще... то агитка. Испугались утечки мозгов. Призывают евреев не эмигрировать. А наивные американцы воспринимают это как «смелый вызов». Вызов — кому? Антисемитам? Им в современной России нечего бояться. Открыто проповедуют свои черносотенные взгляды в печати и с трибун на митингах. Того и гляди, погром устроят.

Не верится, что фильм «Изыди!» создал режиссер-еврей. Впрочем, ничего удивительного. Еврей, который не собирается оттуда эмигрировать, вынужден, как и его герой, приноравливаться к национальному большинству, хотя в искусстве и объявлена свобода.

1991 г.

НА ВЗГЛЯД УТОМЛЕННОГО ЗРИТЕЛЯ

Я фильмов режиссера Никиты Михалкова в Советском Союзе не видела, т.к. покинула Союз в 1974 году, а Н. Михалков только в 1972 году окончил Институт кинематографии и снял свой первый фильм (дипломная работа) «Спокойный день в конце войны».

В США мне удалось посмотреть две его картины: «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» и «Неоконченная пьеса для механического пианино». Оба фильма — инсценировка произведений русских писателей прошлого, и не понравиться они мне не могли: я люблю русскую литературу.

И вот величайшее событие в истории русской (бывшей советской) кинематографии: Никита Михалков получил премию «Оскар» за картину «Утомленные солнцем», признанную лучшим иностранным фильмом за 1994 год.

Фильм начинается с показа ночной, а затем предутренней Москвы с кремлевскими звездами, красными флагами, общим портретом Маркса, Энгельса, Сталина (Ленина почему-то не видно), транспарантом: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». По Москве, чеканя шаг, проходит отряд красноармейцев, дворник поливает улицу... Один из героев спешит домой. Дверь ему открывает, по всем признакам приживала, который говорит по-французски или на исковерканном русском языке, что очень раздражает героя. Каким образом и зачем этот француз оказался в Советском Союзе? В те времена (действие фильма, надо полагать, происходит в 30-е годы) во Франции могли быть русские приживалы-эмигранты, а вот приживала-француз в Советском Союзе — это нечто новое. Даже гувернантки, прожившие всю жизнь в России, после революции постарались оттуда сбежать. Главное, не понятно, зачем этот персонаж вообще нужен: в фильме он больше не появится. Единственно: авторы сценария поручают именно французцу прочесть в газете о том, что в лесах под Москвой бывают шаровые молнии. Молния эта в фильме ударит, она эффектная, но погоды в картине не делает.

Когда герой умывается, он слышит телефонный звонок, который его пугает. В следующей сцене он разряжает револьвер, прикладывает его к виску и спускает курок. Затем звонит по телефону и говорит: «Я согласен».

На экране другая сцена: зимой на пустой танцплощадке, но почему-то с оркестром, одинокая пара танцует модное в 30-е годы танго «Утомленное солнце», на лавочке сидит маленькая девочка и болтает

ногами. Мотив этого танго будет много раз к месту и не месту повторяться в фильме. В картину, перегружая ее, втиснуты еще пять модных в те времена песенок.

... Среди красивой русской природы трехэтажная старая дача, и живет в ней большая семья, слишком большая для одного фильма: три ничем не отличающиеся друг от друга старушки, так что трудно понять, кто есть кто; старик-доцент, не ясно, кому родственник; пьяный придурок и придурковатая девица, зачем-то введенная в фильм; допотопная домработница в белом фартуке фасона, который носили горничные до революции.

Если все эти лица — дань русской драматургии, то у русских писателей, например Чехова, каждый персонаж несет смысловую нагрузку и пьесе необходим, чего в фильме «Утомленные солнцем» нет. Лишние персонажи мельтешат перед глазами зрителя, мешая следить за действиями главных героев. Их пока — трое. Потом появится четвертый.

Рядом с дачей сарай, и там парятся в русской бане легендарный комдив Котов, его молоденькая жена Маруся и маленькая дочь Надя. Вкусно парятся, со вкусом! В это время в близлежащей деревне — паника: «Танки идут»! Нет, не немецкие с черными крестами... а свои с красными звездами. Они уже окружили засеянное поле и вот, вот начнут топтать рожь.

Перепуганный председатель колхоза вскакивает на коня и мчится к Котову. Выволакивает из бани недовольного комдива («даже в выходной отдохнуть не дадут») и умоляет его помочь. Теперь на коне, как во времена Буденного, скачет сам Котов. Подъезжает к полю, отдает приказы (узнали его только после того, как надел фуражку рядом стоящего командира и расправил усы, что делает довольно часто), соединяется по полевому телефону с командующим, тот, само собой, оказывается его фронтовым другом... и маневры отменяются.

Зачем понадобилась авторам эта неправдоподобная сцена? Даже большевики не были такими идиотами, чтобы топтать свой собственный хлеб. Будто в СССР было недостаточно пустующей земли для военных тренировок. Сцена эта нужна, чтобы показать популярность Котова. В мирное время эти рубаки становились не у дел.

Действие фильма происходит во второй половине 30-х годов и длится всего лишь один летний день. Страна его празднует как День дирижаблестроения.

К этому времени в СССР произошли и происходят страшные события: раскулачивание крестьян, искусственно созданный на Украине

голод, продуктовые карточки по всей стране, судебные процессы «врагов народа», аресты и расстрелы ни в чем неповинных людей, террор... Между тем, авторы как приметы времени изображают безобидный ОСОВИАХИМ, пионерские маршировки (их в фильме чересчур), строительство дирижабля и культ Сталина. И бросают зрителю как наживку только одну фразу по радио: «Мы передавали речь Верховного прокурора СССР товарища Вышинского». Тем, кто в это время не жил в Союзе, эта фраза ничего не проясняет.

На даче появляется герой, стрелявший в себя из пустого револьвера в начале фильма. Появляется он комически, изображая «летнего Деда Мороза». Как только Митя снимает маску, становится ясно, что он давно на этой даче не был, что в прошлом он друг этого дома и что «у них с Марусей была любовь». Это видно по тому, как наливая чай из самовара, она сделала на подносе лужу и как у нее дрожат пальцы, когда она держит стакан.

Сцену дрожания рук режиссер повторяет не один раз, и длится она так долго, что руки начинают трястись и у зрителя. Вообще, замедленная съемка, когда один кадр держится на экране непозволительно долго — это то, что больше всего раздражает западного зрителя в русских фильмах.

В этот летний день в картине происходят еще несколько дачных эпизодов: купание в озере, участие в военных играх ОСОВИАХИМ(а), танец канкана под игру на пианино Мити, длящийся так долго, что Котов не выдержал и сел один обедать. Словом, как замечает Митя: жизнь на этой даче все десять лет, что он отсутствовал, продолжалась и продолжается как ни в чем ни бывало, но только без него, чего Митя не может простить. Между прочим, в фильме много ненужных эпизодов, которые утомляют зрителя и не дают сосредоточиться.

... Митя рассказывает Наде, дочери Котова, сказку, разумеется, ее слушают и остальные, из которой становится ясно, что влюбленных разлучил ни кто иной как комдив Котов, послав Митю «незнамо куда, незнамо зачем». Куда именно и зачем — мы, посмотрев картину, так и не узнаем.

Зритель ждет (во всяком случае — я), когда, наконец, Маруся прогонит неотесанного мужлана, за которого вышла замуж от отчаяния после неудачной попытки самоубийства (у нее на руках видны швы от порезанных вен) и соединится с Митей, которого действительно любила и, возможно, продолжает любить. Ан — нет... Вот что значит: 20 лет отсутствовать на родине. Как я могла забыть вечный постулат СОВЕТСКОГО искусства: если герой необразован, от земли, не

понимает по-французски — он положительный, а тот, который цитирует «Гамлета», играет на рояле и увлекается поэзией, само собой — отрицательный.

По этой схеме на протяжении всей советской власти писались книги, создавались пьесы и фильмы о Революции, Гражданской войне или о шпионах, которые я была вынуждена смотреть все свое «счастливое» сталинское детство.

...Поняв, что это ее будущий муж разлучил ее с любимым, Маруся в смятении бежит по лестнице. Котов гонится за ней, и они оба оказываются на чердаке. Душа Маруси возмущена. « Не подходи ко мне!» — кричит она Котову. А тот чисто по-мужски ее увещевает: «Ну поди сюда, милая». — и начинает стаскивать с себя рубашку. Физическая близость побеждает возмущение души... и герои, как говорят у нас на Западе: «делают любовь».

Маруся спрашивает: «Это ты послал Митю?» «Я», — признается Котов, — «но он мог бы не согласиться». «Его бы арестовали», — резонно замечает Маруся. Но Котов ей доказывает, что всегда есть два пути: можно промолчать, а можно и сказать, можно поехать, а можно и остаться, «А ты бы уехал от меня?» — снова спрашивает Маруся. «Я военный: куда пошлют, туда и поеду, но я это сделаю из любви к своей советской родине, а Митя поступил так от страха».

Вот она кондовая большевистская мораль, на которой воспитывали советского человека в противоположность христианской заповеди: «Не убий.» Если ты бандит по убеждению, то ты и не бандит вовсе. Вспомним: «Экспроприация экспроприаторов»

После любовной сцены наступает развязка: к полному изумлению зрителей «летний Дед Мороз оказывается энкавэдешником, и приехал он арестовать Котова, о чем тому секретно и сообщает. Само собой, Котов ведет себя, как супермен. Он абсолютно спокоен, ибо уверен: стоит ему позвонить Сталину (в доме два портрета, где он снят с любимым вождем), как это недоразумение выяснится. Вместо того, чтобы собираться в «дорогу дальнюю», он ведет дачников играть в футбол. До революции они играли в крокет и теннис, но Котов эти игры считает буржуазными, о чем поведала Надя, уверенная, что папа всегда прав. Нелепо смотрятся старушки, прыгающие на траве (или это сатира?) под модную тогда физкультурную песенку: «Чтобы тело и душа были молоды...».

Во время футбола, когда оба героя кинулись за мячом, и происходит между ними мужской разговор, которого мы давно ждем.

Зритель, наконец узнает, что Митя был завербован ГПУ в 1923

году, когда Котов его еще не знал. Возникает вопрос: если Митя всего навсего сексот, то почему его послали арестовывать Котова? Услугами сексотов пользовались тайно. Если же Митя рядовой энкавэдешник, то почему он в начале фильма сказал по телефону: «Я согласен.» У энкавэдешников согласия на арест даже их лучших друзей не спрашивали. У авторов сценария концы с концами не сходятся.

Далее разыгрывается водевильная сцена, когда за Котовым приезжает черная машина, а окружающие думают, что это машина Московской филармонии, приехавшая за Митей, а Котов просто пользуется оказией съездить на ней в город по делам. То, что окружающие не понимают, что происходит — это куда ни шло, но то, что в эту комедийную игру включились энкавэдешники и даже сажают в машину дочь Котова — верится с трудом. Энкавэдешники ни членов семьи, ни детей при аресте самых высоких чинов не стеснялись.

По дороге машина наталкивается на незадачливого водителя, который весь день не может отыскать село «Загорянка». Котов хочет ему помочь и пытается выйти из машины. Его избивают до полусмерти и надевают на руки наручники. В это время происходит ключевая символическая сцена: на небе дирижабль держит огромный портрет Сталина. Митя с перекошенным от страха лицом отдает честь портрету.

Сцена эта жуткая. Но так как для меня постулат: Митя — интеллигент — трус — энкавэдешник не срабатывает, то как сказал Лев Толстой, имея в виду произведения Леонида Андреева: «Пугает, а мне не страшно.»

Когда Митя убивает незадачливого водителя, чтобы не было свидетеля (тот узнал Котова), один энкавэдешник говорит другому: «Я бы до этого не додумался, вот, что значит образование: вражеское племя». Снова поклеп на образованность. Митя садится в машину, где окровавленный с подбитым глазом Котов. Больше мы его не увидим. После окончания фильма будет написано, что комдива расстреляли, жена умерла в ссылке и только дочь жива. Обычно такие надписи делаются, когда герой — реальное лицо. Последняя сцена — ванная в квартире Мити. Он перерезал себе вены. Когда вода в ванной становится красной — фильм кончается.

Хотя оба героя погибают, фильм смотрится как вполне СОВЕТСКИЙ. Идет 10-й год перестройки, а у авторов сценария «Утомленные солнцем» Котовы в героях ходят. А между тем, это Котовы разогнали Учредительное собрание, после чего Россия уже не могла стать демократической республикой. Это ОНИ подавили Кронштадский мя-

теж и Тамбовское восстание... это из НИХ, привыкших в революцию расстреливать без суда и следствия, формировались энкавэдешики, а вовсе не из потомственной русской интеллигенции, как изображено в данном фильме.

В заключение хочется сказать, что в фильме великолепно снята русская природа (главный оператор Вилен Калюта), очень хорошо играют оба актера. Олег Меньшиков своими рассказами и выражением лица держит зрителя в напряжении, да и Никита Михалков неплохо играет Котова, ему для этой роли даже грим не понадобился. Возможно, Михалков потому и сделал Котова положительным героем, что сам играет эту роль. В этом случае амбиции актера оказали плохую услугу авторам сценария, одним из которых является режиссер.

Маруся (Ингеборга Дапкунайте) на фоне любящих ее мужчин бледна и невыразительна: не поймешь, кого она любит и любит ли вообще ... Но подлинным «лучом света» в фильме является актриса-ребенок Надя Михалкова. На ней держится вся картина. Взаимная любовь отца и дочери (в жизни у них те же родственные связи), демонстрируемая в фильме, Котова очеловечивает, делает его симпатичным зрителю. Без нее Котов со своими наивными сентенциями о пользе советской власти: сцена на озере, когда Котов объясняет дочери, что затем и строят советскую власть, «чтобы пяточки у всех были бы нежные, как у Нади, ибо будет много аэропланов, дирижаблей, автобусов... дороги будут ровные, туфельки удобные...» и банальными рассуждениями о любви к советской родине, казался бы ходульным героем. Надя Михалкова получила «Оскара» заслужено.

1996 г.

СТРАСТИ ПО-ЕВРЕЙСКИ

В Москве — Иерусалиме прошел Всемирный Конгресс русскоязычного еврейства. И закипели страсти: а нужен ли он был? В прессе появились статьи, которые, на мой взгляд, заслуживают комментария.

«Не будь упрямей фактов», так называется статья Александра Норина. «Где же корень этой вереницы абсурдов?.. — вопрошает автор. — В непонимании того, что евреи — это не национальность, никогда национальностью не были... никогда национальностью не будут... Еврей и еврейство существуют только в присутствии и в связи с Торой, с Верой. Без Торы не может быть евреев. Евреи без Торы — это нонсенс... и более того, полип на теле человечества. Он никому не нужен. От него только вред».

А кто ж такие сабры, которые родились в Израиле у еврейских родителей, а между тем в руках не держали Торы по той простой причине, что, не верят в Бога, и другие светские евреи, живущие как в странах рассеяния, так и в самом Израиле? Это все равно, что заявить: англичанин без Евангелия — не англичанин. Помимо религии есть национальный характер, этнические особенности, то, что принято называть модным нынче словом менталитет и, наконец, гены. Они передаются по наследству, независимо, где человек живет, на каком языке изъясняется и какую религию исповедует. Итальянец, живущий в Америке, продолжает быть итальянцем, хотя, допустим, он и расплавился в «плавильном котле». Никто этого не оспаривает. Спорят почему-то только по поводу евреев. Немцы Поволжья — это немцы и никто иные, знают они немецкий язык или не знают его совсем.

Как бы ни отказывался крещеный еврей от еврейства, он менял только свою веру. Откреститься от национальности нельзя. Некоторым удавалось, правда, изменить пятый пункт в советском паспорте... и только.

Сталин не считал евреев нацией потому, что у нас не было общей территории и всеобщего языка. Теперь у нас все это есть: государство Израиль. Но, оказывается, не всем евреям это нравится. Вот что пишет по этому поводу автор заметки «Г-ну Нудельману просто скучно»:

«Сейчас мировая общественность в своем большинстве выступает против политики некоторых «сионских мудрецов» (автор вспомнил и опирается на антисемитскую фальшивку, изготовленную в царской России), которые мечтают создать в «отдельно взятой стране — еврейское, сионистское, демократическое государство, что является абракадаброй» Никакой абракадабры!!! Еврейское демократическое

государство на Ближнем Востоке существует и процветает уже более 50 лет. Однако автору не удается: «И резкий рост антисемитизма, а вернее, антисионизма вызван агрессивной политикой Израиля, который с 1967 г. оккупировал палестинские территории, объявил Иерусалим неделимой столицей, провоцирует теракты и хочет отгородиться от всех «китайской стеной».

Ну и ну! Оказывается, не палестинские террористы, а Израиль сам виноват в гибели сотен своих мирных граждан от бомб террористов-самоубийц. Как у человека поднялась рука написать такое? Вспомните убийство подростков на дискотеке, взрыв во время Пасхального Седера или бомбу в кафетерии университета.....

Автора пространной статьи «На отшибе глобальной деревни» опубликованной в разделе «Вести из Израиля» в НРСлове за 25 июля, врагом Израиля не назовешь. Ливра Зив-Ами — израильянка. Тем не менее, в своей статье она упорно и настойчиво пытается уверить себя и нас, что мы, евреи — это не народ, хотя у нас и есть свое государство. «Так что народом в общепринятом смысле нас, евреев, никак не назовешь. Мы — не народ. Мы модель человечества в миниатюре, конгломерат народов внутри одной семьи»

Вот уж действительно — абракадабра. Вам эта модель что-нибудь напоминает? Правильно, мне тоже: «Дружную семью советских народов». «У нас действительно есть миссия, — продолжает автор, — созидать внутри народа модель человеческого единства». Снова аукнулось с гимном СССР: «Союз нерушимый республик свободных...» «Для этого мы вернулись, — объявляет автор, — на Землю обетованную. И борьба с другими претендентами на нее идет не за обладание конкретной территорией, а за то, чье учение пойдет из Сиона: учение о единстве и созидании или учение о ненависти и взрывании небоскребов».

Израиль борется не за землю, а за право существовать, в котором ему отказывает весь арабский мир. Хватит с нас миссий. Евреи 2000 лет мечтали быть народом, как все другие народы. И умствования госпожи Лиоры Зив-Ами от лукавого.

2002 г.

СПАСУТ ЛИ НАС ВЕРА, РАЗУМ, ТАЛАНТ?

В газете «Резонанс» № 4 была опубликована статья Александра Гельмана «Помнить и не только помнить». В ней автор затрагивает вопрос, как должны вести себя евреи, что им следует делать и как жить, чтобы не случилось второй Катастрофы.

Тема эта сложная, требующая обширных знаний и глубоких исследований. Я же хочу откликнуться на нее по свежим следам на читательском уровне, поскольку целый ряд постулатов автора представляются мне спорными.

«Я никогда не слышал, — пишет Гельман, — никогда не читал о существовании на этом свете людей, которые бы считали, что нужно уничтожить всех французов, или всех якутов, или всех русских, или всех немцев». «Не было таких людей и нет, — категорически заявляет автор, — но были и есть существа в человеческом облики, которые считали и считают, что нужно уничтожить всех евреев.»

У французов, немцев, русских и даже у якутов была и есть своя земля. Кстати, Гитлеру пришло в голову завоевать Европу, покорить Россию и превратить русских в рабов. Так же поголовно нацисты уничтожали цыган. А Слободан Милошевич решил этнически очистить Югославию от всех, проживающих в ней албанцев.

Евреи веками страдали потому, что не выполнили завета Ницше: «Умри во время». Они не погибли, как другие древние народы вместе со своим государством — Иудеей, а две тысячи лет скитались по чужим землям, не сливаясь с другими народами по зависящим, от них — не хотели менять веру своих отцов, перенимать чужой образ жизни... и независящим от них причинам: ограничение в правах, жите и гетто...

Перечисляя, чего у евреев нет для того, чтобы себя защитить, автор пишет: «У евреев нет и никогда не будет обширных суверенных пространств, территории...» Уже 50 лет у евреев есть пусть не обширное, но суверенное пространство — государство Израиль.

Далее автор статьи предлагает такие формы спасения еврейского народа, которые вызывают улыбку. «У евреев для предотвращения новой Катастрофы есть только одна сила — еврейская ясная голова. Наше главное орудие противостояния антисемитизму — вера, разум, талант.» И далее: «Мы должны постараться, чтобы среди евреев было как можно меньше дураков и дур...» Веру можно в себе воспитать, а что касается разума и особенно таланта, то это — от Бога. Талант либо есть, либо его нет. Еще Шопенгауэр сказал, что легче сделать

умнее на целую голову все человечество, чем одного дурака превратить в умного.

«Мы не должны стесняться или скрывать того, что мы стремимся всеми силами и средствами расширять, углублять, умножать нашу интеллектуальную силу... В этом нет ничего опасного для людей других национальностей.» Именно это и делали европейские и, в частности, немецкие евреи на протяжении чуть ли не полутора веков, после того, как получили равные с другими народами права. Это не только их не спасло, но еще и явилось одной из причин их гибели. Я не знаю возраст автора, был ли он участником Второй мировой войны, пережил ли сталинские времена... но и младенцу ясно: если евреи, будучи численно ничтожным процентом населения в стране, занимают со своим «приумноженным интеллектом» ведущие позиции во всех областях жизни, науки и культуры — это вызывает недовольство коренного населения данного государства, особенно, если это население относительно однородно. Ибо в противном случае эти жизненные позиции достались бы пусть не таким «умным» и «талантливым», как евреи, представителям коренной национальности. В этом смысле наша «толковая еврейская голова» очень даже опасна для людей других национальностей.

«Поэтому нет ничего удивительного, — продолжает автор, — в том, что многие евреи России утверждают себя в науке, в медицине, в сферах управления производством, в банковском деле, в журналистике, в разных областях искусства и культуры».

Действительно, ничего удивительного в этом нет: евреи всегда так поступали. Но именно это самоутверждение русских евреев, в особенности в таких сферах, как банковское дело и журналистика и является одной из причин бытового антисемитизма в современной России.

Много места в статье автор уделяет проблеме «предвидения, предотвращения Катастрофы». «Если бы евреи после окончания Первой мировой войны своевременно обратили внимание на зловещие изменения в массовых настроениях немцев, итальянцев, если бы евреи своевременно выработали подлинно ТВОРЧЕСКУЮ ДЕРЗКУЮ ПРОГРАММУ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ (!) надвигающейся беды, ее можно было бы предотвратить». Каким образом?! Удивляюсь наивности автора. Боролись немецкие социал-демократы за сохранение Веймарской республики, только к власти пришел Гитлер, причем демократическим путем: получил большинство голосов на выборах. Немецкие евреи не имели возможности даже эмигрировать. Европу очень быстро

заняли нацисты, а в Америку, да и в Палестину их тогда не пускали.

И последнее: о спасении русской демократии. «И сейчас очень важно — и здесь в России, и повсюду в мире — приложить еврейскую ясную голову к тому, чтобы это движение (за демократию) не оборвалось». Писатель Тополь предлагает русско-еврейским олигархам для спасения России скинуться деньгами, а Гельман — приложить к этому «ясную еврейскую голову». Не пора ли нам перестать соваться с нашей «ясной еврейской головой» не в свои дела? Нас упрекали в том, что это мы устроили в России революцию со всеми вытекающими из нее чудовищными последствиями. Сегодня обвиняют в том, что мы насаждаем в России капитализм, в результате чего произошло обнищание большей части населения этой страны. Не хватит ли?

Лично мне представляется, что для предотвращения будущей Катастрофы у евреев есть только два пути: раствориться с помощью смешанных браков в других народах и исчезнуть, как нация, или жить всем на своей родной земле, т.е. в Израиле. Третьего не дано. Однажды в некотором царстве, в некотором государстве в чьей-то дурной голове может зародиться идея уничтожения евреев, и все начнется сначала, вернее, оно и не кончалось.

1999 г.

КУДА «МЫ» ИДЕМ?

Я выписываю журнал «Время и мы» свыше десяти лет. Не буду распространяться о своем к нему отношении, это и так ясно: с нетерпением жду выхода очередного номера.

№142 журнала «Время и мы» поверг меня, и не одну меня, в состояние глубокого шока. Во всю высоту его обложки — живописный портрет Сталина. Да какой! Не портрет конопатого убийцы, какого до него не знала история, а Иосиф Прекрасный, «Сталин нашей юности — полет». В портрет вмонтирована реальная фотография давно и справедливо всеми забытой его дочери. На страницах журнала напечатано интервью Александра Гранта со Светланой Аллилуевой.

Когда я читала это полуинтервью-полустатью, мне было стыдно за интервьюера: с таким подобострастием он относится к дочери Сталина. Называет заурядную женщину «человеком-легендой». «Шутка ли: Светлана, дочь Иосифа Сталина и Надежды Аллилуевой, человек — легенда». То и дело патетически восклицает: «Все-таки это Светлана Аллилуева. Дочь Сталина на родине Сталина». «Известного, да еще как известного автора» — это о ее писательстве.

Аллилуева в четырех вариантах написала только одну книгу о себе. Писатель, как известно, начинается со второй. Не случайно, несмотря на «славу» автора, обе ее последние книги не нашли американского издателя. В первой — от нее ждали откровений.

Отношение автора к объекту своего творчества — дело личное. Есть же в статье пассажи, мимо которых нельзя пройти. Описывая, как к Светлане плохо относились первая и вторая волны русской эмиграции, и даже Зарубежная Православная Церковь ее не приняла, автор замечает: «Диссидентов-шестидесятников на запад еще не пускали, а советских евреев еще не меняли на американскую пшеницу». Какое отношение имеет Аллилуева к диссидентам?! Она «defector», да не тот. Дочь Сталина бежала на Запад с целью хоть в какой-то степени реабилитировать своего отца, самого кровавого тирана всех времен и народов. Чтобы покинуть своих (пусть и взрослых) детей, зная наверняка, что ты их больше не увидишь, понимая, что дети могут (что и произошло) от тебя отвернуться — для этого надо было иметь веские психологические мотивы.

Рукопись книги «Двадцать писем к другу» она заранее переправила за рубеж. В ней Аллилуева всячески пыталась обелить Сталина, сваливая вину за совершенные им преступления на Берия. Когда читатели ей не поверили, и с реабилитацией не получилось, тогда Алли-

луева предприняла ловкий политический маневр и выдала «Только один год» — книгу, «которую от нее ждали», где всюду ругала советский строй и расхваливала Америку.

В своей последней книге «Для внушек» Аллилуева снова тянет ту же резину. В построении ГУЛАГ/а/ виноват де не один Сталин, а партия, Политбюро ЦК. Как-будто в течение последних тридцати лет жизни Сталина кто-то, кроме него, имел в Политбюро право голоса.

И в этом интервью она упрямо повторяет: «У них свои мнения, а у меня свое». Что ж, чтобы иметь мужество осудить хотя бы и после его смерти своего отца — для этого надо было быть Электрой, а не Аллилуевой. Советские евреи-эмигранты не могут испытывать ни малейшего сочувствия к дочери того, кто готовил им второй Холокост. Автору не следовало решать за нас. Мы сами разберемся в своих симпатиях и антипатиях.

Далее: «К Светлане обратилась некая «миссис Райт». И еще: «Миссис Райт их (Светлану Аллилуеву и Весли Питерса) поженила, интересуясь в первую очередь деньгами невесты». Александру Гранту не мешало бы вначале узнать, кто такая «НЕКАЯ миссис Райт»? Похоже, известный журналист даже книг той, у кого берет интервью, не читал. Ольга Райт была женой (к тому времени уже вдовой) мало сказать, выдающегося, гениального американского архитектора Фрэнка Ллойда Райта. Ей принадлежала ведущая роль — это было ее огромной заслугой — в создании уникальной коммуны архитекторов, где Фрэнк Л. Райт имел возможность обучать своих талантливых учеников и вместе с ними осуществлять свои проекты. Четвертый муж Светланы Весли Питерс был его преемником. Все эти уважаемые люди на голову выше и не чета некой Аллилуевой. В ее деньгах они не нуждались. Причина, по которой госпожа Райт пригласила в коммуну Аллилуеву, была мистической. Об этом писала известная американская журналистка, специалист по русской литературе, Патриция Блейк в своей статье «Сага о сталинском воробышке, мучительном путешествии Светланы с Востока на Запад и обратно», опубликованной в 1985 году в журнале «Таймс». Это есть и в книге «Далекая музыка» самой Аллилуевой. У госпожи Райт была дочь, погибшая в автомобильной катастрофе, которая родилась в Грузии, ее тоже звали Светлана и она была замужем за Весли Питерсом. На почве этих совпадений у бедной женщины родилась фантазия (чего не вообразишь с горя), что Светлана Аллилуева будет ей как-бы заменой родной дочери. Как к родной, к Светлане Аллилуевой в коммуне и относились. Увы, «Сетанка-хозяйка», как шутливо величал ее в детстве отец и велел пи-

сать ему приказы, хотела властвовать там, где была другая хозяйка — Ольга Райт. Никто не вынуждал ее покинуть коммуны и тогда, когда у нее родился ребенок. Напротив, она ушла из коммуны сама и требовала, чтобы муж последовал за ней, чего Весли Питерс, живший в коммуне с 1932 года и будучи там главным архитектором, естественно, сделать не мог. Странно: описывая в своей третьей книге, как она была влюблена и счастлива с Весли Питерсом, Светлана сегодня вспоминает и сетует только о понесенном ею материальном убытке: зря же потратила на него деньги.

Между прочим, дальнейший путь Аллилуевой показал: она не только не могла прижиться в коммуне архитекторов «Телесин Вест», но и в Америке вообще, в Англии, Грузии, Москве...

Главное: почему Александр Грант, задав Аллилуевой множество вопросов, не спросил ее о пресс-конференции в Москве в 1985 году после ее краткого возвращения в Советский Союз, где она поносила Америку, заявляя, что «за семнадцать лет жизни на Западе, она ни одного дня не была здесь свободной». Свою книгу «Только один год» она назвала коллективным творчеством под руководством ЦРУ — то бишь, не она ее писала. Пытаясь объяснить, почему «defector» вновь оказался в стране, из которой бежал, Грант пишет: «Все происшедшее с Аллилуевой и ее дочерью отчетливо отдавало большой игрой, в которой Иосифу Морозу (сыну Аллилуевой) была предоставлена роль «подставленной» шашки. Ему было поручено заманить мать с сестрой в Москву — и не больше». Не было никакой игры: к этому времени (1985 г.) главной пешкой перестали уже интересоваться не только на Западе, но и на ее родине. Сама Аллилуева сетует: почему сын себя так вел. «С самого начала, с 1967 года (год ее побега) он давал недобрые интервью — делал то, что ему говорили делать». «Они (ее дети) уже и тогда не были младенцами». А сама Аллилуева, что, была ребенком, когда попросилась назад в Советский Союз и ругала там приютившую ее страну. Только такая добрая и благородная страна, как Америка, могла ее простить и принять обратно. Да еще работники Американского посольства в Москве помогли ее оттуда выволить.

Во всех своих бедах Светлана привыкла винить других. Индийцы вынудили ее бежать в Американское посольство, кто-то дал чуть ли ни приказ поселиться в неприветливом Принстоне (как-будто в свободном мире приказывают, где жить? Здесь нет прописки), американские адвокаты присвоили де большую часть ее денег, замуж ее выдала миссис Райт, кто-то сознательно дал недобрый совет переехать в Англию и там отдать дочь в квакерскую школу, из которой та в

конечном счете сбежала, сын заманил ее в Москву, из Грузии выжил Шеварнадзе... Издателя Илью Левкова Аллилуева обвиняет в том, что он «был заинтересован в нераспространении» изданных им ее книг: ему же за это заплатили. Кто?! КГБ — разве не ясно? Страдая, как и ее отец, манией величия, она не хочет понять, что книги ее не расходятся потому, что их неинтересно читать. Как и Сталину, ей всюду мерещатся козни.

Я не собираюсь писать вторую статью о Светлане Аллилуевой: она давно уже перестала быть (да правомерно никогда и не была) общественной фигурой. Ее извилистый с шатаниями то в одну, то в другую сторону жизненный путь — ее частное дело.

Удивляет меня другое. Зачем столь уважаемый журнал, как «Время и мы», поместил на своих страницах интервью с Аллилуевой, да еще вынес на обложку название статьи «Светлана Аллилуева о Западе, о России, о себе»? Может, журналу и интервью с ней, и ее фотография для того понадобились, чтобы нарисовать на своей обложке романтизированный образ Сталина? В таком случае хочу спросить редакцию «Время и мы», куда «мы» идем, вернее, катимся? Ужели вслед за теми, кто сегодня пытается реабилитировать Сталина?

По поручению группы читателей
С уважением
Тамара Майская,
г. Кливленд, США

1999г.

UBI BENE, IBI PATRIA!

Прочитала в НРСлове от 16 января сего года статью литературного критика Валерия Сердюченко с подзаголовком от редакции: не согласен — возражай.

Статья острая, талантливо написана, в ней есть интересные мысли, но с основной я не согласна и хочу возразить.

Автор пишет: «Это не тупая власть и не отечественная разруха гонят по миру новых российских Алеко. Разруха находится в их головах. Эти путаники способны заразить бледной немочью каждого, кто им доверится...»

Что общего у живого эмигранта с его проблемами с вымышленным литературным персонажем, который остался в таборе из-за любви к пыганке? Что до путаницы (прошу меня простить) — она в голове у автора статьи. Американцы любят говорить: как можно путать апельсины с яблоками, а если по-русски: как можно мешать в одну кашу, уравнивая их психологически, отъезд из страны проживания, диссидентство, разлад с властями, гражданское неповиновение, выход на Сенатскую площадь... и даже поиски средневековыми рыцарями чаши Грааля? И все это названо красиво выписанными латинскими буквами словом Emigration. Статью правильнее было бы назвать «Сиди и не рыпайся». Это автор, выражаясь его языком, хочет «заразить нас бледной немочью». «Разве можно, — заявляет он, — представить крестьянина или рабочего, эмигрирующего по мировоззренческим причинам? Представить такое совершенно невозможно, потому, что их мозги устроены иначе, не так, как у интеллигента».

А семья пятидесятников, пожелавшая в 70-ые годы покинуть Советский Союз по религиозным убеждениям (разве религия — это не мировоззрение?) и вынужденная в течение 5 лет проживать на территории Американского посольства в Москве, боясь даже выйти во двор погулять.

Первые американские пилигримы: им что хлеба не хватало в Старом свете и они пустились в опасное плавание на корабле в Новый? Им не хватало религиозной свободы. И таких примеров можно привести массу. Напрасно литературный критик Сердюченко отказывает простолыдину в праве на духовную жизнь.

«Среднестатистический интеллигент, — пишет он, — лишен исторической памяти». Именно этим сам автор и страдает, рассматривая эмиграцию, как явление вообще, вне исторического контекста, не учитывая точно время, кто когда и при каких обстоятельствах эмигрировал.

«После Октябрьского переворота Россию покинули миллионы, но лишь несколько тысяч по идейным мотивам». Автор забывает, что последние спасали не только свои убеждения, но и жизнь. В Совдепии многих из них ожидало бы физическое уничтожение, или концлагерь. «Но спрашивается, — продолжает автор, — почему тогда Александр Блок, Борис Пастернак, Ахматова... не покинули страну». Блок долго добивался разрешения на отъезд и когда его получил не успел эмигрировать потому что умер. Если бы Мандельштам (сгинувший потом в ГУЛАГе) и Ахматова (выстаивавшая в очередях, чтобы хоть что-то узнать о своем арестованном сыне: «Но там, где стояла я триста часов, и где для меня не открыли засов», ошельмованная докладом Жданова, не публиковавшаяся 20 лет) предвидели, что им грозит, думаю, они Россию покинули бы. Те, кто тогда уехали, оказались дальновиднее тех, кто остался. А вспомнить судьбу людей, которые наслушавшись соловьиных трелей о том, что «родина их простила» вернулись на эту самую родину.

Разве можно сравнить все мытарства семьи Цветаевой в эмиграции с тем, что их ожидало по возвращении в Советский Союз: Сергея Ефрона расстреляли, Марина повесилась, а дочь Ариадна провела большую часть жизни на каторге.

У автора в статье встречается и такая фраза: «Тургенев отправился в загородный дом Виардо коротать свою эмигрантскую старость». Тургенев не был эмигрантом. Он был русский писатель, подолгу живший за границей. Из страны, с правом свободного выезда обязательно эмигрировать: уехал, приехал, снова уехал... У Тургенева большой друг — любимая женщина жила во Франции, а Гоголю для его здоровья был полезнее климат Италии.

Вот Бунин был эмигрантом. Он бежал от «окаянных дней» революции, Гражданской войны и большевистского террора. Уже после окончания Отечественной войны на все уговоры вернуться и всяческие посулы не поддался. Не хотел уподобиться вернувшемуся на родину Алексею Толстому, который чтобы выжить, вынужден был написать позорную книгу «Хлеб», где прославлял Сталина.

А мы — «эмигранты советского разлива», как непочтительно называет нас автор, разве мы не бежали из большой зоны, где поэтов ссылали за тунеядство, писателей сажали за публикацию их произведений на Западе, а хозяйственников судили за «экономические преступления», которые в свободном мире называются нормальным бизнесом.

Даже известные писатели не могли в Советском Союзе публиков-

вать все свои произведения. Разве там был напечатан роман Аксенова «Ожог» или «Необычайные приключения солдата Чонкина» Войновича.

Я сама там писала 20 лет подпольно, пряча очередную рукопись на антресолях. Когда появилась возможность эмигрировать, передо мной даже не стоял вопрос: ехать или не ехать. Я знала, что должна выжить отсюда свой труд, дать своим произведениям жизнь.

Солженицына изгнание спасло не только физически. У него появились идеальные условия для осуществления его грандиозного замысла: создания эпопеи «Красное колесо». Разве бы он мог поднять такую глыбу материала, продолжай он жить в Советском Союзе? У него не было бы на это свободного времени. Книги его там тогда не издавались, жить литературным трудом он там не мог, и чтобы существовать, ему пришлось бы работать, как и раньше, учителем математики. Да и где бы он добыл этот материал при засекреченности и закрытости советских архивов.

А что до разочарования — разве это только удел эмигрантов? Разве не разочаровалась часть российской интеллигенции в перестройке? Разве советских писателей, которые никуда не уезжали и дождались свободы слова дома, не постигла плачевная участь, когда лучшие в мире читатели, как любил ими хвастаться перед Западом Илья Эренбург, перестали их читать, предпочитая их книгам бульварное чтиво?

Я хочу напомнить господину Сердюченко главное, если он этого не знает. Обозначенная им словом «предпоследняя» волна — была в массе своей эмиграцией евреев. Это в России нас считают эмигрантами. В Израиле нас встречали как репатриантов. Да и в Америке нас приняла в свое лоно родная нам еврейская община. В Советском Союзе мы были «беспризорными душами» и «духовными сиротами» жили, не имея представления о своем еврействе. Здесь мы к нему приобщились. А наши дети и внуки, из-за которых многие уехали, в большинстве своем благополучно интегрировались в американское общество. Даже навещать Россию не желают.

В конце статьи автор, подводя итоги, резюмирует: «В известном случае, уже само по себе решение уехать за границу — это житейская капитуляция, поражение, удел слабых».

Мне кажется, тянуть ляжку безрадостной жизни хотя и на любимой родине — есть житейская капитуляция, поражение и удел слабых. Встрепенуться, выпрямиться, подняться и двинуться без оглядки от постылой жизни прочь в нелегкий и неведомый путь, пусть даже

и туда, куда глаза глядят — это победа духа и удел сильных.

И неважно, что последующая жизнь может оказаться хуже предыдущей. Во все времена, среди любого народа человеку были свойственны поиски лучшей доли. Еще древние римляне, а они были мудры, говорили: *Ubi bene, ibi patria*. «Где хорошо, там и родина».

2001 г.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Наш старый знакомый львовский профессор Валерий Сердюченко снова поместил в НРСлове свой опус. Иммигрантов он презирает, страну, где издается наша газета, всячески поносит и при этом здесь печатается. Свобода слова, над которой он изволит подтрунивать.

На сей раз Сердюченко ополчился на интеллигенцию. Одно название: «Городничие и очкарики» — чего стоит. В начале статьи автор, не жалея черной краски, на целую колонку малюет портрет интеллигента. Не буду цитировать: художество это недостойно пера университетского профессора. Для вора в законе интеллигент — это очкарик. Между прочим, наука создана «очкариками», а без нее не было бы цивилизации. Если Сердюченко упорно и крайне неверно считает, что народу не нужна культура, плодами цивилизации простые люди пользуются наравне с интеллигентами. Кто бы лечил, учил, просвещал, юридически и политически защищал, развлекал... народ, не будь интеллигенции? Не хлебом единым жив человек. Автор неправомерно противопоставляет интеллигенции — народ. «Это интеллигенция, а не народ страдает из-за отсутствия гласности, свободы слова и ущемления прав личности. Народу всего этого не нужно. Ему нужно хлеба и зрелищ. Это констатация факта». Сказал, как отрезал. Народ состоит из отдельных личностей, а личности не безразлично ущемление ее прав. Можно подумать, что в ГУЛАГ/е/ сидели одни интеллигенты, а Иванов Денисовичей там не было?!

По мнению автора: интеллигент глуп, несчастен и является жертвой всякой власти, потому что «неспособен помыслить себя в координатах Большого Исторического Времени». Эту фальшивую идею нам внушали с детства: жить надо не сейчас, не для себя, не в настоящем времени, а во имя Большого Исторического Futurum, которое никогда не наступало.

Ничего нового нам львовский профессор не сообщил. «В малом историческом времени Сталин есть изверг и мучитель народа. В большом историческом времени — он кесарь, который был неизбежен и необходим». Кесарям уже во времена Юлия Цезаря противостояли бруты и гракхи. Нам жителям XXI века кесари и вовсе не нужны. Миф о том, что Сталин был якобы велик и необходим своему времени — давно развенчан и разоблачен. Не стоит вытаскивать его из помойки. Этот злыдень миллионами уничтожавший своих соотечественников, затолкал страну в пропасть, из которой она до сих пор не может выкарабкаться. То, что там сейчас происходит — есть не только

результат перестройки. За время господства большевиков Россия осталась в своем развитии от Западной Европы на 70 лет, а в целом ряде факторов была еще и отброшена назад. Хотя Сердюченко и считает, что «власть не бывает антинародной», власть Сталина была антинародна.

Автор не унимается: «Власть такова, какова она есть и другой быть не может. Она действительно обла, стозева и лаяй (где это профессор подцепил такие слова), но стоит ей перестать быть таковою, и в народе учиняется смута, на улице появляются толпы, требующие хлеба и зрелищ, воцаряются маргиналы, посмодернисты, и распадается страна, что и произошло при Горбачеве».

Не иначе, как имперская заносчивость заслонила Валерию Сердюченко весь белый свет. Свои теории он строит на примере одной единственной страны: России. Будто в мире не существует других государств, и российскому историческому развитию нет альтернативы! Власть была у фараонов и царей. В стране, где мы теперь живем, «властей предержажших» — нет. Есть демократическое правительство во главе с всенародно избираемым и переизбираемым президентом. Я не стану тут объяснять, как работают три ветви американской власти: законодательная, исполнительная и судебная. Все, кто сдавал экзамен на гражданство, это знают. Должен это знать и профессор из Львова. При таком раскладе не может возникнуть ни диктатура, ни тоталитарный строй. «Властей предержажших» — нет, а в стране порядок, никакой смуты в народе. Не только хлеба, но и зрелищ всем хватает, каждому — на его вкус.

Сердюченко считает, что интеллигент по самой своей сути не способен управлять государством, и приводит в пример Ландсбергиса, Звиада Гамсахурдию и других. Вацлав Гавел — интеллигент, писатель и диссидент той же поры — прекрасно справляется с обязанностями президента.

В этой, как и в прошлой статье, у автора не обошлось без противоречий. В середине статьи он заявляет: «В биологической сцепке “власть-народ” интеллигенция всегда оказывается третьей лишней». В конце пишет: «Умная власть никогда не пренебрегала и не пренебрегает творческой интеллигенцией». Как это понимать? Начал за упокой, а кончил за здравие.

В. Сердюченко прав, что «русская интеллигенция располагает опытом, которого не знает ни одна интеллигенция в мире. Она семьдесят лет подряд была советской». Только опыт ее был сплошь отрицательным. «Высокий роман интеллигенции с властью стал давать сбои, ее

продолжали сытно кормить, но перестали ценить». У интеллигенции и советской властью был не роман, а вынужденный несчастный брак, и неправда, что ее «сытно кормили».

Отменно кормили номенклатуру, а интеллигенция там прозябала. Пусть нам профессор очки не втирает: мы там жили и знаем. «Никогда ей не жилось так комфортно, как в советскую эпоху». В чем выражалась эта ее комфортность?! В получке 120 рэ, которой не хватало даже на необходимое, проживании в коммуналке или хрущобе, в стоянии в очередях за продуктами и промтоварами, в невозможности получать информацию даже в области своей профессии?! Не говоря уже о том, чтобы посетить зарубежного коллегу и обсудить с ним научные проблемы. Даже переписываться на всех уровнях с границей было опасно. При Сталине за это сажали. Там, где жизнь идет по указке и царит насилие — нет и быть не может никакого душевного комфорта.

Я согласна с В. Сердюченко, что часть сегодняшней российской интеллигенции ввергнута в нищету. Это относится, в основном к пожилым людям. Трудно, а подчас и невозможно старому человеку, будь он интеллигент или простолюдин, начинать жизнь заново. Но *Se la vie*: она жестока. Молодежь же получила то, без чего не может состояться комфортная жизнь: свободу выбора. И многие из них в различных областях довольно-таки преуспели. «Она (интеллигенция) продолжает по инерции ругать коммунистов — а втайне мечтает об их возвращении». Я бы на месте автора поостереглась высказываться за других. Я бываю в России и не слыхала от своих друзей и знакомых, чтобы кто-нибудь из них «мечтал о возвращении коммунистов».

«Сегодня, — заключает автор, — платят только газетчикам и телевизионным обозревателям — но поди пробейся в этот круг акул и железных прохвостов...» Я никак не могла понять, почему статьи Валерия Сердюченко дышат такой ненавистью к иммигрантам, диссидентам, интеллигентам, к демократии, Америке?.. Ларчик открывается просто: бедному украинскому интеллигенту не удалось самому стать, «акулой».

2001 г.

А БЫЛА ЛИ ЛИЧНОСТЬ — ТО?

Прошло уже почти полвека после XX съезда КПСС, на котором Хрущев разоблачил культ личности Сталина, не существует больше Советского Союза, Россия худо-бедно стала на путь рыночной экономики, родилось новое поколение, которое не только Сталина, но и Ленина не знает, да и знать не хочет, а между тем находятся люди, которые до сих пор считают Сталина выдающейся личностью. Я имею в виду статью Вилена Люлечника «Штрихи к портрету тирана», опубликованную в «Русском магазине» №25. В статье речь идет о том, был ли у Сталина личный архив, и если был, то куда делся?

Люлечник пишет: «...чтобы разобраться с личностью Сталина и его позициями, следует отказаться от двух мифов: первый о том, что он был “необразованной и серой личностью”. Представление о “необразованности” и “серости” Сталина не соответствует действительности. Такие крупнейшие историки и публицисты как Волкогонов, Спирин, братья Рой и Жорес Медведевы, Радзинский и многие другие начисто отвергают подобное мнение».

Не все перечисленные авторы думают одинаково. Но зачем нам мнение историков, писавших постфактум? Есть оценка его современника, подлинного вождя Октябрьской революции Льва Троцкого: «Сталин был самой выдающейся посредственностью в партии». Подтверждение этому не трудно найти в истории. Сталин не был ни теоретиком, ни публицистом как Ленин, Троцкий, Бухарин... До революции он почти ничего не писал, если не считать статейки по национальному вопросу, которую похвалил Ленин.

Потому и не оказалось у него личного архива. Последователи могли уничтожить досье и другие компрометирующие их документы. Теоретические работы, «конкретные директивы, указания, заветы, относящиеся к дальнейшему построению социализма», которые, по мнению Люлечника, в архиве Сталина должны были быть, они бы уничтожить не стали.

Сталин не играл ни идейной, ни руководящей роли в революции 1917г. На раннем ее этапе он добывал для революции деньги, устраивая со товарищи налеты на банки, что вполне соответствовало его бандитской натуре. Не сыграл он никакой роли и в Гражданской войне. Это потом придумали, будто он руководил обороной Царицына. Руководил организатор Красной армии Троцкий, а Сталин был у него под началом и наломал таких дров, что Троцкий хотел его расстрелять: жаль, что этого не сделал.

Что же касается Великой Отечественной войны, то не надо быть историком, чтобы понимать, почему мы победили: людей не жалели, не считались с громадными (в несколько раз большими, чем у противника) людскими потерями.

Как же случилось, что именно этот, неприятный внешне, отвратительный внутренне, не блиставший никакими положительными талантами человек вылез на поверхность и оказался у руля огромного многонационального государства. Пока теоретики дискутировали: можно ли построить в России социализм, и каким путем к нему идти, Сталин, будучи секретарем ЦК (должность в те времена равная писарю) занимался интригами, преследуя одну единственную цель: захватить власть. Когда власть была уже в его руках, он уничтожил истинных революционеров и скомандовал народу: «Вперед, к победе коммунизма!» И страна стала маршировать. Что означала эта маршировка очень точно подметил великий русский писатель Салтыков-Щедрин в своем знаменитом произведении «История одного города». «В позднейшие времена (т.е. наши) мысль о сочетании идеи прямолинейности с идеей всеобщего осчастливления была возведена... в административную теорию». И еще: «Он был прохвост всем своим существом, всеми помыслами. Прямая линия соблазняла его не ради того, что она ... есть и кратчайшая,.. а ради того, что по ней можно было весь век маршировать и ни до чего не домаршироваться». (Салтыков-Щедрин «История одного города», Москва, 1986, стр. 178). Что с нами и произошло.

Советский Союз при Сталине — сетуют нынешние национал-патриоты — был супердержавой, с ним считались, его уважали... Скажем лучше — боялись. Величие государства не определяется наличием в нем сверхмощного оружия. (Монголы тоже воевать умели). Великой является страна с высоким уровнем жизни ее населения, наличием демократии и высокой культуры.

Работы Сталина (если их таковыми можно назвать), написанные им после революции («Основы ленинизма» — этот по существу конспект произведений Ленина), нужны были ему для укрепления личной власти генерального секретаря и оправдания его кровавой практики.

Люлечник умиляется, цитируя воспоминания Д. Шепилова: «Сталин даже о самых трудных категориях политической экономии говорил очень свободно и просто... Казалось бы, самые отвлеченные понятия он связывал со злободневными вопросами современности». Что же тут удивительного? Сталин сам был примитивным человеком и хорошо знал: народу надо отвлеченное преподносить в конкретной

форме, иначе народ этого не поймет. Вот он и кидал стране директивы, которые мы должны были заучивать и выполнять: «Ликвидация кулачества как класса», «Кадры решают все!», «Шесть условий товарища Сталина»... В ту пору ходил анекдот, что такое в действительности шесть условий товарища Сталина:

1. Не думай.
2. Не можешь не думать — не говори.
3. Не можешь не говорить — не пиши.
4. Не можешь не писать — не печатайся.
5. Не можешь не печататься — не подписывайся.
6. Не можешь не подписываться — отрекайся.

Вспомним изречение Сталина о малозначимой драматической поэме Максима Горького «Девушка и смерть». «Эта штука (одно это слово чего стоит) сильнее, чем Фауст Гете». А «Сталинское учение о языке» — этот, извините, бред сивой кобылы, который я должна была сдавать на экзамене в МГУ. Принимал экзамен заслуженный профессор, автор учебника Чемоданов, последователь выдающегося лингвиста Марра. Так как экзамен этот был внеурочным, его организовали скорополительно, профессор принимал его у себя дома. Сажу перед профессором у него в квартире, смотрю ему в глаза и ругаю его с точки зрения «сталинского учения». До сих пор вспомнить стыдно.

Миф о «величии» Сталина мертв и не нуждается в реанимации. То, что кровавую эпоху называют «сталинской» не делает чести ни его имени, ни эпохе.

2002 г.

АВТОР ПРОПОВЕДИ: «ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ» ЗАПУТАЛСЯ ВО ЛЖИ

Александр Исаевич Солженицын, всемирно известный русский писатель, лауреат Нобелевской премии, много лет живший в изгнании в США, «пророк всея Руси», каковым он себя полагает, вернувшись на родину, стал работать над темой, которая, судя по всему, волновала его давно: сосуществование двух народов: русского и еврейского, «скованных одной цепью» на протяжении двухсот лет. Первый том его книги «Двести лет вместе» был опубликован четыре года назад. Все с нетерпением ждали второго тома, где автор будет описывать более близкую нам судьбоносную эпоху в истории России, события, многие участники которых еще живы. И вот этот том вышел.

ЭЙФОРΙΑ ФЕВРАЛЯ

В этой пространной книге Солженицын собрал обширный материал: он описывает множество исторических фактов, приводит десятки документов, цитирует большое количество авторов... Между тем, в ней отсутствует главное — анализ: каковы были исторические и социальные причины революции 1917 г.

Солженицын, монархист по своим убеждениям, считает, что русскому народу революция не была нужна, а нужна она была евреям. «Февральская революция была совершена — русскими руками, русским неразумием. В то же время в ее идеологии — сыграла значительную, доминирующую роль та абсолютная непримиримость к русской исторической власти, на которую у русских достаточного повода не было, а у евреев был. И русская интеллигенция усвоила этот взгляд». (стр.42).

Первым же законом Временного правительства был «Указ об отмене ограничений в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности». Сразу исчезла черта оседлости, не стало процентной нормы в учебных заведениях, еврейских юношей начали принимать в офицеры... Милюков лично обратился к евреям: «Россия теперь демократическая страна... и защищая ее на фронте, вы защищаете свою родину». Евреи восторженно на это откликнулись.

Царица всеобщая эйфория, а мир между тем, как пишет Солженицын, катился в пропасть: произошел Октябрьский переворот, и началась Гражданская война.

НУЖЕН ЛИ БЫЛ ЕВРЕЯМ ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ?

И тут Солженицын заявляет, якобы вся Европа считала, что «Большевизм — это власть еврейских комиссаров. Все большевики были евреями, и все евреи — большевиками». Поэтому с новой силой вспыхнул антисемитизм как в самой России, так и в эмиграции. Для доказательства Солженицын приводит огромное количество высказываний, в том числе и еврейских авторов. У них он старается найти подтверждение своим мыслям. Он цитирует Стефана Цвейга, известного австрийского писателя еврея, на тему: должны ли евреи принимать участие в политической жизни в стране своего проживания. В 1939 г., отвечая на этот вопрос еврейской газете «На перепутье», Цвейг писал: в современном мире не принимать участия мы не можем, но мы не должны стремиться к лидерству. «При наличии равных с другими прав евреи имеют далеко не равную со всеми ответственность, а во сто тысяч раз большую. Служить — пожалуйста, но лишь во втором, в пятом, в десятом ряду и ни в коем случае не в первом, не на видном месте. Еврей обязан жертвовать своим честолюбием в интересах всего еврейского народа». Я привела полностью цитату, зная, что многие разделяют эту точку зрения. Я с ней не согласна. Это все равно, как было бы предложить Цвейгу быть не хорошим писателем, а лишь посредственным, чтобы не выделяться. Если у человека есть талант к лидерству, каковой был у Троцкого, зарывать свой талант в землю — грех. А что до ответственности: евреи так или иначе всегда и во всем виноваты.

Правда, когда Ленин предложил Троцкому быть председателем Совета Народных Комиссаров, тот отказался, мотивируя тем, что он еврей. Между прочим, в США 11 сенаторов — евреи, и один из них, Джозеф Либерман, выставил свою кандидатуру на пост президента страны.

Все действия большевиков, творимое ими зло Солженицын рассматривает как борьбу против России, ее традиций, направленную исключительно против русского народа, русской культуры и даже против русского языка — это оригинальная и основная мысль самого Солженицына. Евреи же, по его мнению, в ходе революции оказались в привилегированном положении и получили небывалую власть над русским народом, что русскому человеку, естественно, было тяжело терпеть.

КАК ЕВРЕИ ЛЮБИЛИ БОЛЬШЕВИКОВ

Между тем, — это не совсем так. Евреям Октябрьский переворот не был нужен, они получили равные гражданские права после Февраля. Больше всего евреев было в партии эсеров, достаточно их было и в партии меньшевиков, было еврейское, социалистическое общество «Бунд», которое противопоставляло себя большевикам и не желало иметь с ними ничего общего, были религиозные евреи, не принадлежавшие ни к какой партии, 200 тысяч евреев эмигрировали... и, наконец, были евреи-сионисты. В 1917 г. 2-го ноября была принята Декларация Бальфура о создании «национального очага» для евреев в Палестине. Жаботинский предупреждал: «Россия — чужая страна, наш интерес к ней отстраненный, прохладный, хотя и сочувственный, ее тревоги, огорчения и радости — не наши, так же как наши не ее». Но до создания государства Израиль было еще очень далеко, и неизвестно, состоялось бы оно, не будь Катастрофы. Поэтому в Палестину тогда уезжали немногие: Жаботинский, поэт Хаим Нахман Бялик... Он писал на языке иврит.

О том, как евреи «любили» большевиков, говорит хотя бы анекдот того времени (мне рассказывал его отец): арестовали несколько человек-противников советской власти, среди них одного еврея. Следовательно спрашивает его:

— Какие у вас разногласия с большевиками?

Еврей отвечает:

— По вопросу о земле.

— Почему о земле? — удивляется следователь. — Вы что — землевладелец?

— Нет, отвечает еврей. — Большевики меня хотят закопать в землю, а я их.

Солженицын все это признает и вместе с тем продолжает утверждать: «Когда переворот уже совершился, активное молодое секуляризованное еврейство легко и быстро совершило перепрыг с коня на коня — и с не меньшей уверенностью погнало теперь в большевистской скачке». (стр.100).

Вопрос не в том, сколько евреев было в большевиках. Евреи не пришли откуда-то извне и не оккупировали Россию. Рассматривать революцию с точки зрения национальности ее участников, как это делает Солженицын, — порочный метод. Россия была многонациональной страной, и участвовали в революции не только русские и евреи, но и латыши, грузины, армяне... А Дзержинский, к примеру, и вовсе

был поляк.

Красная армия не состояла из одних только комиссаров. Основную массу ее составляли русские солдаты, вчерашние крестьяне. Солженицын не объясняет, почему они шли в Красную, а не в Белую армию. Белые не собирались отнимать землю у помещиков и раздавать ее крестьянам. Если учесть, что 80% населения в России были крестьяне, первые декреты большевиков «декрет о мире» и особенно «декрет о земле» решили исход революции и гражданской войны.

НА СЛУЖБЕ У СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Гораздо больше, чем «вожди» Троцкий, Зиновьев, Каменев... (их Солженицын называет отщепенцами от еврейского народа), хотя сами они не считали себя евреями, возмущает его такой факт. Когда после Октябрьского переворота царские чиновники устроили саботаж, не желая служить советской власти, еврейская интеллигенция и полуинтеллигенция кинулась из местечек в крупные города и стала работать в советских госучреждениях. Ленин (Солженицын называет Ленина русским отщепенцем) считал, что именно они спасли революцию.

По Солженицыну: еврей, который сидел в советской конторе и перекладывал там бумажки, тем самым предавал Россию. На замечание: «что эта еврейская интеллигенция и полуинтеллигенция просто не имела в советских условиях почти никаких источников существования, кроме государственной службы», Солженицын злобно, именно злобно, возражает: «Это стыдно читать. А остальное население имело полную свободу хоть ковыряться на колхозных полях, хоть копать котлованы, хоть таскать носилки на строительствах пятилеток...».

В каждой книге, помимо содержания, идейной направленности, есть еще интонация, играющая не маловажную роль. Интонация этой книги — антиеврейская, если не сказать хуже. Историк должен освещать факты бесстрастно. Книга «Двести лет вместе» написана Солженицыным с пристрастием, враждебно по отношению к евреям.

Чуть ли не на каждой странице Солженицын обвиняет, порицает или упрекает в чем-нибудь евреев, а если иной раз и скажет доброе слово в адрес еврейского народа, тремя строками ниже помещает антисемитскую цитату, так что создается соответствующий общий тон.

Название «Двести лет вместе» предполагает два объекта исследований. Солженицын ни слова не пишет о том, что какая-то часть русской интеллигенции пошла служить советской власти. Поэт Валерий

Брюсов не за страх, а за совесть трудился в Наркомпросе, Луначарский... Маяковский подвизался писать стишки для Окон роста: «Нигде кроме, как в Моссельпроме», вернувшиеся из эмиграции Горький и Алексей Толстой... А были и царские генералы, например, Тухачевский, перешедшие на сторону красных. Солженицын анализирует только поведение евреев, поэтому книга его страдает перекосом в одну сторону. Точно, как в известной песне Высоцкого: «Евреи, кругом одни евреи...»

ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ КАЯТЬСЯ ЗА РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ НАШИХ ОТЦОВ?

Солженицын настойчиво требует от евреев, чтобы они покались. К этому же он призывает и русских. «В этом-то духе еврейскому народу и следует отвечать и за своих революционных головорезов, и за готовые шеренги, пошедшие к ним на службу. Не перед другими народами отвечать, а перед собой и перед своим сознанием, перед Богом. — Как и мы, русские, должны отвечать и за погромы, и за тех беспощадных крестьян-поджигателей, за тех обезумелых революционных солдат, и за зверей-матросов». По Солженицыну: только когда мы покаемся, мы начнем понимать друг друга.

Странно, что он не требует того же от грузинского народа. Сталин и Берия лишили жизни и отправили в ГУЛАГ такое количество людей, что расстрелы, чинимые большевиками в первые годы после Октября, по сравнению с этим бледнеют. Солженицын приводит в пример немецкий народ: он де покался. Немцы покались в лице государства.

Я индивидуалист и не признаю коллективной вины. А если бы и признавала, за кого и перед кем мне прикажете каяться?! В 1922 году (Гражданская война к тому времени уже кончилась) моему отцу было 16 лет. Семья их жила в Белоруссии в деревне «Ручаевка» Лоевского уезда, Гомельской области. Отца как старшего сына послали в г. Лоев снять квартиру. Опасались погромов и хотели на время переселиться. Когда отец вернулся домой, он застал всю семью: отца, мать, двух сестер-подростков и грудного брата, зарубленными топором. Я упрекала своего отца, но не зато, что он потом стал коммунистом, а за то, что не уехал тогда в Америку.

Возмущает Солженицына, что евреи не только не хотят признать хотя бы часть своей вины за то, что произошло с Россией, но и склонны все валить на русский народ, который, по их мнению, в силу свое-

го раболепия и азиатчины де неспособен ни создать свободное демократическое государство, ни жить в нем.

Отмечает Солженицын засилие евреев в карательных органах. Если человека арестовывали, то ему, как правило, попадался еврей-следователь, который его допрашивал или еврей-палач, который его расстреливал, чаще следователь. Правда, он пишет, что так было до 39 г. В 37-38 гг. посадили много евреев — работников этого ведомства. До 39 г. евреев в органах было 60% (откуда взял такую чудовищную цифру?!) В 39—м 6%.

УСПЕХИ ЕВРЕЕВ НА ПОПРИЩЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

К 30-м годам евреи в Советском Союзе заняли видное место в инженерии, различных отраслях науки, медицине, музыке, в области искусств, и особенно в кино. Как и почему это произошло — Солженицын объясняет по-своему, отнюдь не выдающимися способностями еврейской нации.

Солженицын пишет: Октябрьская революция преследовала людей по классовому признаку: дворян, духовных лиц, царских чиновников, купцов, богатых крестьян, техническую и гуманитарную интеллигенцию. Вместе с тем большинство из них были русскими по национальности. Он делает отсюда далеко идущий вывод: советская власть в 20—е годы сознательно уничтожала русский национальный генофонд. «Светлые Двадцатые годы были ожесточенными преследованиями и по классовому признаку, в том числе неповинных детей за прошлую, даже, невиданную ими жизнь их родителей, — но тогда: не евреи были те дети, не евреи были те родители». (стр 274). Снова — упрек. Детей «бывших» не принимали в ВУЗ/ы/ и даже исключали уже состоявшихся студентов. Еврею же, по Солженицыну, антипролетарское происхождение (ой ли?!) прощалось. В те годы евреи составляли более 15% всех студентов. Солженицын цитирует Еврейскую энциклопедию: «Они легко опережали в учебе неразвитых пролетарских выдвиженцев и рабфаковцев» и быстро делали карьеру.

В 20—е годы создавалась так называемая пролетерская культура. Солженицын вырисовывает здесь две фигуры: Эйзенштейна и Мейерхольда, пытаюсь обоих очернить. Эзенштейн де «использовал свой дар — по заказу» и изображал в своем знаменитом фильме «Броненосец Потемкин» то, чего заведомо не могло быть: расстрел матросов под брезентом и бойню на одесской лестнице. Мейерхольд, «ав-

торитарная звезда советского театра», по его мнению, выхолащивал из пьесы содержание, втискивая все в форму, а главное, был близок к власти. И ни слова о дальнейшей судьбе Мейерхольда: о том, что театр его закрыли, а его самого расстреляли.

Солженицын сетует: «Разумеется, евреи были лишь частью трубно шагавшей пролетарской культуры. И в победном воздухе раннесоветской эпохи искренне не замечалось, не ощущалось потерей, что советская культура интенсивно вытесняла культуру русскую — ее задушенные или вовсе не прозвучавшие имена» (стр.275) Солженицын не заметил, что среди задушенных были и евреи: вспомнить хотя бы судьбу Бабеля или Мандельштама.

Возмущается Солженицын и тем, что большевики де испортили русский язык: он стал «железопрокатным советским ВОЛАПЮКОМ». За 200 лет существования русской литературы никто так не корежил и не коверкал русский язык, как это делает Солженицын. То он вытаскивает на свет архаические, давно не употребляемые слова вроде «обустроить» («Как нам обустроить Россию»), а чаще выдумывает собственные: непроизносимые, с диким звучанием, непонятные по смыслу, и выдает их за народные.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Даже советской власти было не под силу вытеснить русскую культуру из России, а вот еврейская культура после нескольких лет свободного развития была подрублена под корень. Постепенно закрыли школы, преподававшие на идиш, иврит еще ранее объявили реакционным языком. В Москве выходила одна газета на идиш «Дер Эмес», и был один еврейский театр, которым руководил гениальный актер Соломон Михоэлс, пока его не убили, а театр закрыли. Еврейская община как этническая, религиозная и национальная организация исчезла. «На ниве еврейской культуры все выворочено и растоптано. Все основы национально-еврейской культуры расшатаны, все святыни наши втоптаны в грязь». — писал уже в 1923 г. Д.С. Пасманик, один из авторов сборника «Русская революция и еврейство».

Солженицын неистовствует: «Публично громила православие целая шайка воинствующих безбожников во главе с Губельманом-Ярославским. Особенно возмущало, что еврейские коммунисты принимали участие в разрушении русских церквей». (стр. 275). По приказу Кагановича в Москве был взорван Храм Христа Спасителя. Он не хочет признать, что таким же гонениям, если не хуже, подвергалась и

иудейская религия. Закрывались не только церкви, но и синагоги. На такой огромный город как Москва была одна единственная синагога. Во время праздников евреи стояли в переулке, не имея возможности даже войти внутрь, а мацу мои бабушка и дедушка получали (когда это было еще возможно) от родственников из Америки.

КТО РАСКУЛАЧИВАЛ И ЗАГОНЯЛ КРЕСТЬЯН В КОЛХОЗЫ?

По поводу раскулачивания и коллективизации Солженицын пишет: «Стратегически задуманный Лениным удар по русскому народу как главному препятствию для победы коммунизма — успешно осуществлялся и после него. В те годы — коммунизм всей своей жестокостью мозжил русский народ». (стр. 273). Ну а осуществлять коллективизацию, само собой, поручили еврею. «Предстояла палаческая коллективизация — и в этот решающий момент Сталин наметил на нее зловещего исполнителя Яковлева-Эпштейна». (стр. 284). «О содействии же в коллективизации правящих коммунистов-евреев — стоит помнить, что оно было усердно и талантливо». (стр.273).

В продолжении всей книги Солженицын с каким-то садистическим сладострастием раскрывает политические псевдонимы, выискивает еврейские фамилии, силясь доказать, что именно еврей-коммунист приходил к крестьянину забирать у него подчистую хлеб, обрекая того на голод, и загонять его в колхоз.

Это были 30-ые годы. Троцкого в стране уже не было, Сталин выдворил его в 1929 г. Прежние вожди, как например, Бухарин, призывавший ранее крестьян: «Обогащайтесь!» — права голоса в правительстве не имели. Сталин узурпировал власть, и обвинять евреев в том, что они делали в сталинские времена — неправомерно. Они оказались такими же подневольными гражданами, как и остальное население этого тоталитарного государства-монстра, под названием СССР.

В ГУЛАГЕ

Самое возмутительное, что написано Солженицыным о евреях в этой книге — это то, что евреи-зэки якобы занимали привилегированное положение в исправительно-трудовых лагерях. Они де не были заняты на общих работах, а, выражаясь архаичным языком Солженицына, «обустроились» в придурковых должностях: санитарями в тюремных больницах, не имея медицинского образования, кладовщика-

ми, нормировщиками... Такое, действительно, — стыдно писать. Заключенных были миллионы, а придурковых должностей — разве что сотни. Солженицын пытается объяснить это тем, что многие начальники ГУЛАГ/а/ были евреи, работали там и вольнонаемные, а евреи в противоположность русским, здесь он делает реверанс в сторону еврейского народа, друг другу помогают.

Не знаю, насколько можно верить заметке, появившейся недавно в «Новом русском слове», «Перспекте» и в других газетах, где приводятся архивные данные КГБ о том, что Солженицын был стукачом. Известно, что он сидел в «шарашке» под Москвой, которую потом описал в своем романе «В круге первом». В этой «шарашке» сидели и работали ученые. Кстати, там отсидел семь лет двоюродный брат моего отца Эммануил Фридман, химик, был заместителем Вавилова, директора Физического Института Академии Наук, один из Салинских лауреатов за изобретение люминисцентного освещения. Посадили его после войны «за сионизм» за то, что, будучи в командировке в Праге, посетил синагогу, а при обыске у него дома нашли и конфисковали Еврейскую энциклопедию. Солженицын был учителем математики в средней школе. За какие такие заслуги он вместо девятого круга ада попал в первый и почему он упрекает других?

ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-45 ГОДОВ

Что думает Солженицын по поводу участия евреев в Отечественной войне 1941-45 гг. — особо распространяться не буду, об этом много писали. 501 тысяча евреев были в действующей армии во время войны. Многие из них за героизм были награждены различными орденами и медалями.

Солженицын сначала приводит обывательское мнение, что евреев на фронте не было, они все эвакуировались в Ташкент. Затем Солженицын свидетельствует, что это — неправда: евреи на фронте были, он их там видел, правда — ни одного не хоронил, были они и на передовой. А дальше, как-бы вскользь, замечает: были 2-й и 3-й эшелоны фронта, где располагались штабы, интендантские службы, госпитали, обслуживающий персонал, актерско-фронтные бригады... И было «там евреев значительно гуще, чем на передовой». (стр. 365).

Сам Солженицын служил в артиллерийских войсках, определял по звуку местонахождение орудий и за всю войну не сделал ни одного выстрела.

ХОЛОКОСТ

По поводу Катастрофы — уничтожения 6 миллионов евреев нацистами — Солженицын цитирует высказывания некоторых евреев-антисемитов (бывают такие), кстати, он делает это на протяжении всей своей книги. «Катастрофа была в значительной мере наказанием за грехи, в том числе — за грех руководства коммунистическим движением.» (стр. 389). И еще: «Постепенно память о Катастрофе перестала быть памятью. Она стала идеологией еврейского государства... Государство Израиль приняло на себя роль апостола культа Катастрофы среди других народов, ее священника, собирающего с народов положенную десятину. И горе тем, кто отказывается эту десятину платить». (стр. 388).

Если перевести это замысловатое высказывание на нормальный язык: Солженицын хочет сказать, что Израиль эксплуатирует Катастрофу.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СТАЛИНА

Солженицын считает, что евреи были лояльны к советской власти вплоть до того момента, когда их стали дискриминировать после войны в конце 40-х годов. Думаю, дискриминация началась раньше. В 1939 г. когда Литвинова сняли с поста наркома иностранных дел и поставили на его место Молотова — тот заявил: эту синагогу я разгону, и начал увольнять сотрудников с еврейскими фамилиями. Сам пакт Молотова — Рибентроппа можно рассматривать, как предательство по отношению к еврейскому народу. Литвинов был еще некоторое время послом в США, в 1943 г. его отозвали. Перед своим отъездом он написал личное письмо Рузвельту о том, что Сталин развязывает антисемитскую кампанию. Евреев уже перестали принимать в такие учебные заведения как Институт международных отношений, Институт внешней торговли, Институт востоковедения...

На праздничных портретах членов Политбюро красовался только один еврей, Каганович.

По Солженицыну дискриминация началась в 1948 г. борьбой против космополитов. В качестве посла от Израиля приехала в Москву Голда Меир.

Мы знаем, что Советский Союз проголосовал в ООН за создание еврейского государства и поддержал Израиль в его борьбе за независимость. Сталин не иначе как надеялся, что Израиль пойдет по соци-

алистическому пути и станет ему верным вассалом, как порабощенная им Восточная Европа. Израиль пошел по западному пути.

Голду Меир восторженно встречали ее соплеменники, и многие советские евреи изъявили желание стать израильскими гражданами. «Видимо напуганный таким раскалом еврейских национальных чувств, (которого он не ожидал), — пишет Солженицын, — Сталин с конца 1948 г. и на все свои оставшиеся годы вперед — круто изменил политику относительно евреев». (стр. 398).

Выходит, мы снова оказались сами во всем виноваты.

Солженицын описывает закрытие Еврейского Антифашистского Комитета, убийство Михозлса, расстрел деятелей еврейской культуры, дело врачей...и вместе с тем в каждую строку вставляет лыко. О Переце Маркише говорит, что тот прославлял советскую власть. Даже там, где все ясно, пытается напустить туман сомнения. О деле врачей пишет, что поначалу это не была антисемитская акция, т.к. арестованы были и русские врачи. Объясняет это «общим психозом Сталина, его боязнью заговоров, подозрительностью к врачам, особенно при ухудшении его здоровья». (стр.408).

О том, что собирались евреев из крупных городов выселить — Солженицын называет это «мифом о депортации» и пытается доказать, что ни тогда, ни теперь — этому нет подтверждений, да у Сталина это бы и не получилось.

ИСХОД ИЗ РОССИИ

Солженицын соглашается, что дискриминация евреев продолжалась и при Хрущеве: ограниченный прием в некоторые вузы, невозможность продвижения по службе, суды над валютчиками...

При Брежневе антисемитизм стали называть борьбой с сионизмом. Между тем, после победной Шестидневной войны в Израиле в 1967 г. у советских евреев стало пробуждаться национальное самосознание. Появились кружки изучения иврита и истории еврейского народа. Началась борьба за право эмиграции, которая закончилась Исходом евреев из России.

Раздражает Солженицына то сочувствие и участие, которое проявил в этом вопросе Запад, начиная от поправки Джексона-Вэника, до писем протеста, всевозможных конференций, митингов, материальной помощи... «Уничтожали 15 миллионов крестьян в раскулачивание, — пишет Солженицын. — Выголаживали насмерть 6 миллио-

нов крестьян в 1932, не говоря о массовых расстрелах и миллионных лагерных гибелях,.. И лишь когда коснулось отдельно евреев — тут через весь Запад пробила искра живого сочувствия». (стр.487). Дело в том, что это были уже другие времена: железный занавес в некоторых местах прорывался.

Солженицын считает, что евреи себя не оправдали: только в первые годы 1971-1975 они репатриировались в Израиль, а дальше стали эмигрировать в другие страны за интеллектуальной свободой и лучшей жизнью. Он приводит слова известного американского писателя еврея Артура Кестлера: еврей или должен стать израильтянином, или перестать быть евреем.

В заключение Солженицын пишет: «И кажется очевидным, что правда о нашем общем прошлом — и евреям, как и русским, нравственно нужна. Этой книгой я хочу протянуть рукопожатие взаимопонимания — на все наше будущее (стр. 475).

Думаю, совместного будущего у нас, слава Богу, уже не будет. Прожили вынужденно 200 лет вместе и хватит: пора разойтись.

В дополнение можно сказать, что книга «Двести лет вместе» — сумбурная, путанная, читать ее невероятно трудно. Она страдает ненужными повторениями и перегружена излишним количеством цитат. Для подтверждения авторской мысли достаточно двух, трех высказываний. Солженицын цитирует, цитирует и цитирует... как-будто бы хочет спрятать за цитатами свое, извиняюсь, антисемитское нутро.

2003 г.

ПИСЬМО О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

Пользуясь призывом редакции НРСлова «не согласен, возражай» — хочу высказать и свое мнение по поводу спора, поднятого Вадимом Ярмолинцем в его статье «Портрет на фоне обиды». Точка зрения Ярмолинца о том, что «Войнович — это завистливый фельетонист эпохи Солженицына, а Солженицын Толстой своего времени» — кажется мне в корне неверной. Мне представляется, что оба писателя по величине — равны, просто — один из них реалист, другой — сатирик. Солженицын совершил гражданский подвиг, написав «Архипелаг ГУЛАГ». Никто у него этого не отнимет, хотя о ГУЛАГ/е/ писали и другие и, между прочим, еще до Солженицына. С точки зрения литературы, Солженицын написал три хорошие вещи: «Один день Ивана Денисовича» (кстати, ростки антисемитизма были уже и там: образ Цезаря Марковича), «Матренин двор» и «Раковый корпус». «В круге первом» я уже читала с трудом, а эпопею «Красное колесо» так и не осилила: длинно и, простите, — нудно. И не я одна. Покойный Максимов, редактор журнала «Континент» и поклонник Солженицына, также отзывался о «Красном колесе» отрицательно.

Было много неблагоприятных откликов на эту эпопею, причем с литературной точки зрения. Для литературы важны — форма, стиль, язык... Форма прозведений Солженицына устаревшая, да и проблемы, которые он ставит, в русской литературе — не новы. А что касается языка, за 200 лет существования русской литературы никто так не корежил и не коверкал русский язык, как это делает Солженицын. То он вытаскивает на свет архаичные, давно не употребляемые слова вроде «обустроить» («Как нам обустроить Россию?»), а чаще придумывает собственные: непроизносимые, с диким звучанием, непонятные по смыслу и выдает их за народные.

У меня есть друг американский профессор русского языка и литературы, у которого любимый писатель Лев Толстой. Он мне жаловался, что не может выносить, когда Солженицына приравнивают к Толстому. И, действительно, сравнение Солженицына с Толстым — это кощунство, кощунство по отношению к Толстому.

2003 г.

КТО ВЫДАСТ ГРАМОТЕ ОХРАННУЮ ГРАМОТУ?

Прочла в НРСлове статью Дмитрия Быкова «Пропавшая грамота» и вновь почувствовала боль в сердце за наш, как писал Тургенев, «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык».

Меня проблема сохранения русского языка занимает не только в общественном плане, но и личном: имею несчастье быть преподавателем русского языка и к тому же литератором.

Если большинство наших эмигрантов волновал и волнует вопрос, как овладеть английским языком, я по приезде в Америку боялась, как бы мне не утратить русский... и в результате утратила. Нет, я не забыла тот словарный запас, который привезла с собой. Но когда я после долгого отсутствия поехала в Россию, я услышала там не тот язык, на котором говорю я. Автор статьи прав, произошел распад языка. «Половина слов уже не знакома, а другая — помесь жаргонизмов с англицизмами»: «лажа», «попса», «мент», «крутой парень», «чернуха», «порнуха»... Раньше речь интеллигенции отличалась от речи простонародья. Теперь именно интеллигенция «оттягивается по полной программе», «трахается», «тусуется»...

Сам Быков, кстати, в своей статье употребил слова: «слабуха», «проплатить»...

За последние 10—15 лет, русский язык наводнили англицизмы: «имидж», «менталитет», «маркетинг», «кастинг», «триллер»... Всех не перечтешь, ими пестрят газеты и журналы. Как будто нельзя выразить эти понятия русскими словами? Между прочим, в этом в какой-то степени виноваты мы, эмигранты. Мы первые стали пересыпать свою речь англицизмами, от нас это пошло в метрополию.

Все эти явления в русском языке — факт. Увы, нравится нам или не нравится, мы не можем выдать языку охранную грамоту. Язык — это живой организм. Ему свойственно обновляться. Одни слова и выражения устаревают и отмирают, другие нарождаются и укрепляются в языке. Это естественный процесс. Так и происходит на «нашей бывшей родине». (Кстати, это неправильное выражение: родина у человека одна, и она не может быть бывшей).

А каково положение с русским языком у нас в эмиграции?

Говорим мы примерно так: «Тудей я встала в восемь шарп, сделала эксерсайзы, выпила оранж джус, съела бейгель с кримчизом и пошла на остановку баса, чтобы ехать на аппойтмент к дантисту.» Разумеется, это — гипербола, думаю однако, комментарии излишни.

Что касается письменного языка, в некоторых русскоязычных за-

рубежных газетах имеет место неправильное написание иностранных имен и географических названий. Нельзя писать по принципу: что слышим (по-английски) то и пишем (по-русски). Не принцесса Дайяна, а Диана, не Том Броко (он не украинец) а Брокау, не Каламбус, а Колумбус, не Охайо, а — Огайо.

2006 г.

БЕСПАРДОННО

Передо мной книга, изданная в России издательством «Захаров» в 2003 году. Название книги «Без прикрас», сбоку скромно: «Воспоминания». Автор книги Нина Воронель, поэт-переводчик, драматург, журналист... вместе с мужем, известным физиком Александром Воронель, издают в Израиле журнал «22».

С интересом раскрываю книгу: Нина Воронель моя ровесница, в прошлом, как и я, москвичка, повествует о хорошо знакомой мне жизни. Автор обладает большим чувством юмора, владеет иронией, пишет хорошим русским языком... Но чем дальше я читаю эту книгу: восхищение сменяется недоумением, начинаю испытывать гнев и закрываю ее с возмущением. В чем дело?

Нина Воронель и ее муж Александр были многолетними друзьями семей известного писателя и узника ГУЛАГ/а/ Андрея Синявского и его напарника по суду поэта-переводчика Юлия Даниэля. И вот на протяжении книги автор объявляет и пытается уверить читателя, что Андрей Синявский, живя в Советском Союзе, был агентом КГБ, а высланный ими на Запад, стал ИХ АГЕНТОМ ВЛИЯНИЯ. Термин принадлежит покойному редактору журнала «Континент» (царствие ему небесное) Владимиру Максимову.

Я не была знакома с Синявским лично, хотя училась на филологическом факультете МГУ на два курса его младше. Однако, у меня с ним существовала, как теперь принято говорить, некая виртуальная связь. Мы оба были в семинарах профессора Дувакина: я в семинаре по теории литературы, Синявский — в семинаре «Маяковский». Когда начался процесс, советские власти потребовали от Дувакина характеристику Синявскому, надеясь, что тот его разоблачит. Вместо этого Дувакин пропел ему дифирамб, сказав примерно следующее: «Синявский был моим учеником, и я горд, что высидел лебеда». После этого Дувакина изгнали из МГУ и лишили возможности преподавать. Еще до того, как я смогла прочесть произведения Синявского, у меня не было оснований не верить Дувакину.

Вместе с другими я стояла три часа на морозе перед зданием суда, ожидая когда Синявскому и Даниэлю вынесут приговор и видела, как из увозил черный ворон. Потому, как сказал однажды Лев Толстой, «Не могу молчать».

Что побудило Нину Воронель, многолетнего близкого друга Синявского, объявить его «агентом КГБ»? В середине 80-х, год автор сознательно не уточняет в журнал «22» поступило покаянное письмо от извест-

ного в Москве долголетнего сексота и доносчика Сергея Хмельницкого, еще в молодости заложившего своих университетских друзей: историка Юрия Брегеля и В. Кабо, получивших большие сроки и спасшихся только благодаря хрущевской реабилитации, и выдавшего вольно или невольно (он сам и Нина Воронель, уверяют, что невольно) Синявского и Даниэля. В этом письме Хмельницкий сообщает, что был связан с КГБ, и что с ним по этому же ведомству служил и Синявский. Письмо это было опубликовано в номере 48 журнала «22», и как пишет Нина Воронель, в виду того, что номер этот стал библиографической редкостью, она «подробно рассказывает об этом в своей книге». На самом деле, она не только не приводит никаких фактов, но не раскрывает главное: в какие годы Хмельницкий и Синявский «встречались в КГБ»? Единственная цитата, которую автор приводит в книге — это разговор Хмельницкого с Синявским:

«С.Х. — Как часто ты докладываешь «им» об Элен?

А. С. — Раз в неделю. А откуда ты знаешь?»

Проследим хронологию и сопоставим факты. В 1983 г. Синявский окончил писать автобиографический роман «Спокойной ночи», который был опубликован во Франции на французском языке. В этом романе он рассказывает о своей дружбе с Элен Пелетье, впоследствии Замойской, дочь французского атташе, которая училась с ним в МГУ на одном курсе. Было это в 47-49гг., страшное время перед смертью Сталина. Об этой дружбе проводали товарищи из органов, она им очень понравилась, они вызвали Синявского и стали требовать от него, чтобы он сделал Элен Пелетье предложение. Синявский отнекивался тем, что он православный, а она католичка, что у него есть невеста... но те не унимались. Вот ежели бы «им» удалось женить Синявского на французенке, да еще вынудить ее принять советское подданство, то может быть, тогда они бы и получили тандем «агентов влияния», наподобии известного французского поэта, тогда коммуниста, Луи Арагона и его жены писательницы Эльзы Триоле, родной сестры Лили Брик. Но с Синявским этот номер не вышел. Андрей обо всем чистосердечно признался Элен. Они разыграли ссору — разрыв, довели ее до сведения органов, используя Хмельницкого, которого Синявский открытым текстом разоблачает как агента КГБ. После выхода романа «Спокойной ночи» в свет Хмельницкий и побежал каяться. Он обратился с покаянием к тем же самым людям, которые много лет назад еще в Союзе призывали его покаяться, давили на него, устраивали ему обструкцию... а он нахально оправдывался. Да и как можно сравнивать профессионального стукача с интеллигентом, оказавшимся на примете КГБ слу-

чайно, только из-за «знакомства с иностранкой».

После того, как роман «Спокойной ночи» был напечатан, критик в газете «Монд» сомневалась, что все это правда, и нашла, что история с КГБ — это литературный прием Синявского. Тогда Элен Замойская написала письмо в газету «Монд», подтверждая, что все это — правда, а позже письмо Синявскому. «Ты открыл мне планы КГБ и роль С. Хмельницкого и мы тогда его использовали, чтобы обмануть КГБ. НО САМОЕ ВАЖНОЕ ТО, ЧТО ТЫ НИКОГДА НЕ БЫЛ «ПРЕДАТЕЛЕМ». И это имело для меня не только личное значение». (Из письма Э. Замойской от 22 августа, 1986 г.).

Андрей и Элен остались друзьями. Именно она потом с риском для себя (для иностранцев это тоже было чревато) передавала на Запад рукописи Синявского и Даниэля. Далее Синявский пишет, что его спасла смерть Сталина, наступили новые времена, и товарищи из органов НАВСЕГДА исчезли из его жизни. Если бы это было иначе: его бы не арестовали, не судили, и не посадили бы на семь лет. И тут Нина Воронель выкидывает такой кульбит, аж дух захватывает. Оказывается, по ее версии, советские власти вкупе с КГБ, без него в «империи зла» ничего не затевалось, устроили процесс Синявского — Даниэля, возмутившего мировое общественное мнение, нарочно, исключительно для того, чтобы придать вес фигуре Синявского (не понятно: причем здесь Даниэль?), и выслав его после отсидки на Запад (тогда еще не «высылали», а только посылали) «сделать его крупномасштабным агентом влияния, к мнению которого прислушивается даже американский президент».

Как можно всерьез писать, извините, такую несусветную чушь?! Смешно читать. Я во время процесса слушала радио «вражеские голоса». Они говорили: «Не из-за Синявского произошел Кубинский кризис и не Синявский виноват в конфликте с самолетом У-2... мы прочли их произведения и посмеялись». Стоит чуть пошевелить мозгами, чтобы понять: в силу своего менталитета, уникальности и неповторимости его личности Синявский никогда, ни при какой погоде не мог быть НИ ЧЬИМ агентом влияния. Для Синявского существовало только то, что он Синявский придумал, он Синявский сказал, он Синявский написал. Автор вначале говорит, что Андрей всегда «хотел быть один», а потом начинает себе противоречить. И вот на протяжении всей книги Нина Воронель выстраивает цепочку фактов, якобы доказывающих ее диагноз: Синявский был советским агентом влияния. Вот эти факты.

Попав на Запад, Синявский переменялся. В России он был русским националистом, здесь примкнул к либералам, что очень не понравив-

лось Максимову, который в своей знаменитой Саге назвал либералов «носорогами», имея в виду пьесу Ионеско «Носорог». Я ничего удивительного в этом не нахожу. Меня в Союзе называли «правой (т.е. аристократической) фрондой». В Америке я примкнула к демократам, что вполне логично.

Синявский не хотел дать интервью по поводу высылки Андрея Сахарова. Его жена Мария Розанова тогда заявила: «Писатель Синявский не занимается политикой». Это была его принципиальная позиция. Еще на суде Синявский всячески подчеркивал, что он не политик, не общественный деятель и даже не бунтарь... а только ЛИТЕРАТОР. Его последнее слово подсудимого было словом литератора.

Непонятна вражда Синявского к журналу «Континент» и его редактору Владимиру Максимову. Не буду вдаваться в подробности их взаимоотношений, скажу только главное: в конце жизни они помирились. Максимов извинился перед Синявским за то, что по милости Нины Воронель, считал его агентом КГБ, и они СООБЩА написали открытое письмо постсоветской русской интеллигенции, озабоченные беспределом, царящим в нынешней России. Об этом в книге «Без прикрас» нет даже намёка, а между тем, автор обязана была это написать.

Синявский написал в ЦРУ донос на газету «Русская мысль», издающуюся в Париже. Мы это письмо читали: оно было опубликовано в НРСлове и уже по одному этому не могло быть доносом. Трое литераторов: Синявский, Эткинд и Любарский обратились к американскому правительству с просьбой выделить им денежный фонд для издания в Европе русскоязычной газеты, т.к. единственная (тогда) газета «Русская мысль» не отвечает требованиям современности. Они вовсе не просили, как придумала Нина Воронель, закрыть «Русскую мысль». Они хотели издавать свою газету, и жаль, что их проект не осуществился.

Автор книги «Без прикрас» сравнивает лагерную жизнь Эдуарда Кузнецова с лагерной жизнью Синявского. Эдуарду Кузнецову не разрешали иметь ручку (жена сумела передать ему только стержень), бумагу и писать. Он писал тайно, на листках-отходах от производства, и чтобы вынести их из лагеря, их надо было проглотить. У Синявского была нормальная ручка и бумага, и он имел право два раза в месяц посылать жене письма. Сравним их «преступления» перед советской властью: один хотел угнать самолет, другой всего навсего без спросу печатался за границей. Эдуард Кузнецов писал «Мордовский марафон», т.е. описывал лагерную жизнь, а мудака Синявский, сидя в лагере, подавал «Голос из хора», высказываясь в основном на темы литературы и искусства, и мысленно прогуливался с Пушкиным. Именно там он на-

писал свою книгу «Прогулки с Пушкиным».

Синявским удалось вывезти из Союза антикварную 18 века мебель. По мнению Нины Воронель, здесь была необходима помощь КГБ. Я уезжала в 1974 г. и помню: запрета на мебель не было. Можно сказать, абсолютного запрета не было ни на что. В Новодевичьем монастыре заседала комиссия, которая разрешала или не разрешала к вывозу картины (нужно было согласие автора), иконы, старинные предметы искусства... и назначала пошлину. Если комиссия что-то не разрешала, можно было обратиться к Т. Лебедевой, тогда замминистру культуры. В частности, мне комиссия не хотела разрешить вывезти мой портрет работы художника-абстракциониста, а Лебедева разрешила. Так что мебель Синявские могли вывезти легально, заплатив или даже не заплатив пошлины. Стоит также учесть: Синявские уезжали не по израильской визе, и к ним, наверняка, так особо, как к нам, не придирались.

Нина Воронель также замечает: «Вот же Юлий Даниэль не захотел такой ценой (связь с КГБ) выехать на Запад». Даниэль не собирался никуда уехать, понимая, что поэту-переводчику на русский язык за границей делать нечего. Синявский занимался здесь тем, для чего был рожден: преподавал русскую литературу в Сорбонне. То, что он преподавал родную литературу не на родине, а в изгнании, виноваты зигзаги истории государства Российского.

Нина Воронель в своем опусе «Без прикрас» не только вывалила ведро грязи на голову покойного Синявского, не стесняясь и латинского изречения: *De mortuis aut bene, aut nihil*. Она оскорбила Ларису Богораз, превратно объясняя причины ее революционности, сотворила монстра без единой положительной черточки в ее характере из Марии Розановой, жены Синявского и редактора журнала «Синтаксис», непристойно высказалась об Ольге Ивинской, великой любви Бориса Пастернака, задела критика Ефима Эткинда, неприглядно изобразила дочь Маргариты Алигер Таню, лягнула попутно Валентина Катаева... Да всех не перечтешь... Чистым, «без прикрас» от нее удалось уйти только Андрею Димитриевичу Сахарову. Само собой, на этом мрачном фоне автор возвысила себя до небес. Нина Воронель явно злоупотребляет своим остроумием. Похоже, для нее главное: из любой жизненной ситуации своей, чужой, знакомых, незнакомых, мировых знаменитостей... сотворить на бумаге анекдот. Слов нет, в нашей жизни — много анекдотического, но случается и трагически-серьезное. Таким был процесс Синявского — Даниэля. Он уже вошел и историю. И негоже опошлять его нелепыми выдумками.

2004 г.

НЕТ ПРОЩЕНИЮ!!!

На кампусе Case Western Reserve University проходил фестиваль документальных фильмов. Заглянула в программу и... ужаснулась: один из фильмов назывался FORGIVING Dr. MENGELE, ПРОСТИТЬ ДОКТОРА МЕНГЕЛЕ. Слово «прощение» рядом с именем этого чудовища, который проводил жестокие, бесчеловечные опыты на детях-близнецах в концлагере Освенцим, показалось мне невероятным. От одного названия у меня сделался шок. Прочла аннотацию. Героиня фильма, румынская еврейка Ева Мозес Кор, в десятилетнем возрасте вместе с сестрой-близнецом Мириам была в Освенциме жертвой доктора Менгеле и почему-то хочет простить своего мучителя. В аннотации было также сказано, что после демонстрации фильма Ева Кор будет отвечать на вопросы. Ожидала увидеть выжившую из ума старушку, которая в силу старческого маразма не осознает ни своих мыслей, ни своих поступков. То, что я увидела и услышала, потрясло меня до такой степени, что я до сих пор не могу прийти в себя.

Фильм начинается с показа чернобелыми кадрами: цепь баракаов лагеря Биркенау, знаменитые ворота Освенцима 1 с издевательской надписью «Труд освобождает», и другие страшные картины. Некоторые из них я видела воочию (будучи в Варшаве, посетила Музей Освенцим), другие узнала по фотографиям, иные раньше не видела: они из личного архива Евы Кор.

В Освенцим прибывает эшелон с еврейскими узниками. Его встречают эсесовцы с собаками. Селекция. Родителей Евы Кор и ее старшую сестру сразу отправляют в газовую камеру. Фотография, на которой девочки их видят в последний раз.

Ева Кор и ее сестра-близнец Мириам попадают в лапы Ангела Смерти. Так прозвали узники др. Менгеле. Три раза в неделю детей-близнецов от 1 до 13 лет ведут в лабораторию, где льется кровь, вводят им уколами в организм различные, неизвестные микробы. Один близнец — подопытная морская свинка, другой — контроль. Если один умирает — другого умертвляют уколом в сердце, чтобы сравнить результаты вскрытий.

Однажды Ева видит трупы двух детей: кожа да кости, почти скелеты, глаза и рот у них открыты. По трупам ползают мухи. Смотреть на эту фотографию жутко. Между тем Ева не испытывает страха. Она почувствовала ГНЕВ. Не к тем, кто этих детей убил, а ГНЕВ к самим детям. КАК ОНИ ПОСМЕЛИ ДАТЬ СЕБЕ УМЕРЕТЬ?! ОНА ЕВА СЕБЕ УМЕРЕТЬ НЕ ПОЗВОЛИТ! ОНА ДОЛЖНА ВЫЖИТЬ! Ей повез-

ло: через 10 месяцев 27 января 1945 г. советские войска освободили Освенцим. Из 1500 близнецов, т. е. 3000 детей выжили 200.

Ева и ее сестра Мириам вернулись на родину в Румынию, в 1950 г. уехали в Израиль. В течение шести лет сестры разыскивали других выживших жертв др. Менгеле. Им удалось найти 122 человека, 80 из них в Израиле. Через десять лет в Израиль из Америки приехал еврей, который в прошлом отсидел четыре года в немецком концлагере. Ева вышла за него замуж и переехала в Америку. Работала здесь риэлтером, родила сына и дочь.

В 1984 г. Ева основала частный музей Холокоста, назвав его C.A.N.D.L.E.S. — по первым буквам слов: Children of Auschwitz Nazi Deadly Lab Experiments Survivors.

Ева была здорова, сестра ее Мириам напротив всю жизнь болела и в 1993 г. умерла. Еву мучает вопрос: была ли болезнь ее сестры результатом уколов др. Менгеле? Чтобы это узнать она едет в Германию и разыскивает там врача Ганса Мюнча, который тоже служил в Освенциме. Он селекциями не занимался, участия в экспериментах др. Менгеле не принимал, хорошо относился к узникам, несколько спас жизнь. Поэтому после войны его не судили. Ганс Мюнч рассказал Еве, что др. Менгеле ничего не записывал, не вел дневников, и ни единым словом не обмолвился о том, что он делает, обслуживавшему персоналу, т. к. опыты его были дилетанскими. Это версия фильма Евы Кор. На самом же деле известно: Менгеле посылал свои медицинские изыскания в Германию, и немецкая фармакология до сих пор пользуется его опытами. Сама же Ева (в фильме об этом ни слова) получила от одной из фармацевтических фирм компенсацию 7000 долларов и три страницы медицинских записей из Музея Освенцим.

Др. Мюнч рассказал Еве, что уже пятьдесят лет его мучают ночные кошмары от виденного в Освенциме. Ева уговорила его приехать, когда будет отмечаться 50 лет освобождения Освенцима и свидетельствовать, что газовые камеры действительно существовали, и невинных людей: евреев, цыган, гомосексуалистов и не согласных с политикой Гитлера в них убивали циклоном Б. Она считает это своей заслугой в свете того, что некоторые утверждают: Холокоста не было. В фильме видно, как Ева буквально тащит под руку Ганса Мюнча. На этом же митинге при всем честном народе: главы некоторых государств, различные делегации, молодежь из Израиля, а главное, бывшие узники Освенцима — товарищи Евы по несчастью, она провозглашает свою **ДЕКЛАРАЦИЮ ОБ АМНИСТИИ**.

«Я, Ева Мозес Кор, близнец, который пережил эксперименты Ио-

зефа Менгеле в Освенциме пятьдесят лет назад, отныне даю амнистию всем нацистам, которые принимали прямое или не прямое участие в убийстве моей семьи и миллионов других». «Я, единственный выживший член нашей многочисленной семьи, от их имени и от себя призываю Конгресс США, Израильский Кнессет, Германских законодателей и всех, в чьей это власти, издать закон о роспуске организаций, занимающихся расследованием нацистских преступлений», «Взгляните в небо здесь в Освенциме. Души миллионов жертв с нами. И я говорю, призывая их в свидетели: довольно, довольно! Пятьдесят лет — более, чем достаточно. Внутри себя я излечилась, и поэтому мне не доставит радости видеть нацистских преступников в тюрьме, и я не желаю видеть вред, нанесенный Иозефу Менгеле, его семье или их бизнесу. Я призываю всех бывших нацистов выступить вперед и сознаться в совершенных ими преступлениях, не боясь, что их будут за это преследовать.» «Здесь в Освенциме, я надеюсь хоть и в малой мере сообщить миру послание о прощении, послание о мире, послание о надежде, послание об исцелении.

НЕТ БОЛЬШЕ — ВОЙНАМ, НЕТ — ГАЗОВЫМ КАМЕРАМ, НЕТ — БОМБАМ,

НЕТ — НЕНАВИСТИ, НЕТ — УБИЙСТВАМ, НЕТ — ОСВЕНЦИМАМ.»

Далее — подпись Евы КОР, январь 27, 1995, Освенцим, и подписи свидетелей.

Надо отдать должное создателям фильма (Bob Hercules, Cheri Pugh) он сделан на высоком профессиональном уровне. Хорошо компануются сцены прошлого с сегодняшней жизнью Евы Кор. Непонятно только, как авторы относятся к идее ПРОЩЕНИЯ.

Когда фильм кончился, аудитория разразилась аплодисментами. Далее на сцену вышла Ева Кор, села на стул и стала отвечать на вопросы.

Зрительница, сидевшая в первом ряду, сказала ей:

— Я не прощаю вам вашего прощения.

Ева не растерялась и ответила:

— А я прощаю вам ваше непростение.

Все засмеялись. Потом стала говорить молодая женщина (она смотрела этот фильм аж второй раз и уже успела побеседовать с сыном Евы) о том, как ее в юности на вечеринке в ее собственном доме кто-то изнасиловал. Она простила своего насильника, живет и радуется жизни. Она так долго об этом разглаговльствовала, что я не выдержала и крикнула ей через весь зал:

— Вы были одна, а здесь идет речь о гибели 6 миллионов!

Она замолчала. Встала бывшая, как и Ева, узница Освенцима, и задала ей вопрос:

— КАК ВЫ МОЖЕТЕ ПРОЩАТЬ УБИЙЦ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ?!

Она повторяла свой вопрос снова и снова. Ева ей в ответ бубнила: нельзя жить с ненавистью, после прощения в душе наступает просветление, и ты можешь спокойно жить дальше.

Дали слово мне.

— Я литератор-эмигрант, русская еврейка. У меня в жизни было много тяжелого: семью моего отца убили бандиты, сама я пережила Ленинградскую блокаду. Но когда я была в Музее Освенцим как турист, а не узник, там все настолько страшно, что у меня едва не случился инфаркт. Увидев мертвых детей в бытность свою в Освенциме, вы на них разозлились за то, что они позволили себе умереть и решили: вы Ева Кор себе умереть не позволите. Вам повезло: вы выжили. 6 миллионов евреев тоже не хотели умирать, но их методически убивали самым зверским образом. Если вы желаете простить др. Менгеле, а с ним и всех нацистов — это ваше личное дело. Никого другого оно не касается. Прощайте их, пожалуйста, тихо, про себя. Прощение — интимный акт. Он не нуждается в огласке и публичности. Вы же творите из него профессию, политику...

Когда я, придя домой, рассмотрела брошюры ее Музея и Учебного центра С.А.Н.Д.Л.Е.С. которые Ева раздавала, я нашла нужное слово: БИЗНЕС. Самый настоящий семейный бизнес. Вывеска его на дороге такова: «Давайте уберем всю ненависть и предрассудки из нашего мира, и пусть это начнется с меня». Благодаря ее нетрадиционной точке зрения Ева Кор стала знаменитой. У нее полно спонсоров. Одним из них является Еврейская федерация г. Индианаполис, что крайне удивительно. Ева путешествует по США со своим фильмом и лекциями, посетила десятки университетов (я ознакомилась с ее сайтом в интернете). У американской публики ее идея о ПРОЩЕНИИ находит поддержку. Возмущаются только евреи, особенно те, которые, как и Ева Кор, пережили Холокост. Но она своих оппонентов даже слушать не желает, упрямо верит в свою правоту. О ее фильме была критическая статья в Cleveland Jewish News, в статье газеты Plain Dealer ей намекнули, что этот фильм понравился бы Мелу Гибсону... антисемиту.

Возмутила меня не только Ева Кор, разочаровали меня и зрители. Одна девушка со слезами на глазах заявила, что с философией Евы Кор жить можно, а с моей — нельзя. Едва удостоив ее взглядом, я буркнула ей американское thank you. Две женщины подошли ко мне и

сказали, что они сочувствуют моей боли. Никто не сказал, что я права, и ни один не вспомнил о гибели 6 миллионов евреев.

В наше время, когда в разных странах поднимают головы нацисты, когда в Европе почти возродился былой антисемитизм, когда Израиль едва ли не один на один борется с террористами, и некоторые его за это еще и осуждают, какое послание несет миру фильм “Forgiving Dr. Mengele”? Очень простое: над евреями можно издеваться, евреев можно убивать. Они за это еще и спасибо скажут.

2006 г.

«ДЕВИЗ ЕЕ ЖИЗНИ — КРАСОТА»

НА ВЫСТАВКЕ АЛЕКСАНДРЫ БРИН

Одна из причин моей эмиграции: я задыхалась от недостатка информации в Советском Союзе. В частности, я жаждала увидеть современное западное искусство.

Помню, очутившись ранним утром впервые на улицах Нью-Йорка, тут же обратилась к первому попавшемуся прохожему:

— Скажите, где здесь Музей современного искусства Гуггенгейма?

— Вам нужен Музей Гуггенгейма или Музей современного искусства? — ответил мне молодой человек.

С тех пор я побывала в Вашингтоне, Риме, Париже, Мадриде... Посетила огромное количество музеев и несметное — художественных выставок.

И вот наряду с подлинными произведениями искусства я насмотрелась здесь всякого.

В Риме в Музее современного искусства в последней галерее, очевидно, как итог всего там виденного, поставлен прожектор с разноцветными стеклами. Прожектор медленно вращается, и на белом экране каждые несколько минут перед вами возникает новая абстрактная картина. Художник здесь не требуется.

На одной из выставок я видела такую инсталляцию: стоял самый что ни на есть обыкновенный стул, к нему была приставлена короткая лесенка и сверху лежал топор. Эта «скульптурная группа» (так она именовалась в каталоге) была отмечена наградой.

Пару лет назад мир был помешан: публика покупала за большие деньги и всерьез к ним относилась абстрактные картины, намалеванные шестилетней девочкой.

Много тут происходит странного под видом так называемого «современного искусства».

Но вот я на ретроспективной выставке нашей соотечественницы Александры Брин. В библиотеке Shaker Heights экспонируются 42 ее работы.

Для начала небольшая биографическая справка.

Саша родилась и жила в Кишиневе в Молдавии, когда та входила в состав Советского Союза. Профессионально начала рисовать с 17 лет. Окончила художественную школу, художественное училище и Калининградский университет.

Иллюстрировала детские журнады, рисовала плакаты для кино и

спектаклей, работала в области моды.

В Кливленде трудилась в компании American Greetings, изобретала и рисовала открытки. В 1997 году почта США выпустила конверт в память о Катастрофе с маркой с изображением Рауля Валленберга, шведского дипломата, спасшего несколько тысяч евреев и специальным гашением по картине Александры Брин «Последняя прогулка». Добавим — в концлагере.

В советской Молдавии Саша не могла выставлять свои картины. Здесь она широко пользуется этой возможностью. Два года назад также была большая экспозиция ее работ в ЖСС.

Окидываю беглым взглядом выставку Сашиних картин — никакой экстравагантности, без которой сегодня почти не обходится чуть ли не любая художественная выставка.

Я бы охарактеризовала Сашин Retrospective (так называется ее выставка по-английски) словами великого русского поэта А. С. Пушкина, адресованные его героине Татьяне:

«Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
.....
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней.»

Но «простота» эта, как и у Татьяны, кажущаяся. Помимо того, что у автора тонкое восприятие и глубокое проникновение в жизнь, природу, сущность вещей, в каждую картину вложен большой труд художника. Саша не отделяется тремя небрежными мазками, как некоторые современные живописцы.

Девизом Александры Брин является КРАСОТА. В аннотации к выставке она пишет: «Для красоты в жизни нет границ ни в пространстве, ни во времени. Она — всюду. Оглянись вокруг, и ты ее увидишь.»

Приглянется Саше старинный мостик около особняка в Европе, остатки древних стен в Яффе или церквушка в Кастроме... лелеет и вынашивает она это видение и через некоторое время, иногда через несколько лет, переносит на канву. Две картины: две арки в Люксембурге выписаны так объемно и выпукло, что хочется в них нырнуть и посмотреть, что там за поворотом.

Пишет Саша и с натуры акварели. В тех краях, где жила я, осень была унылой порой, здесь ее недаром называют Indian Summer. Картина «Береза»: дерево (его вырастили соседи — наши эмигранты) с

пожелтевшими листьями на фоне ярко голубого, почти синего неба. А вот отдельно осенние листья, пронизанные солнцем. Любовно выписан каждый лист.

Радостью веет от этого лучезарного этюда.

Особое место в творчестве Александры Брин занимает изображение жизненных сценок в местечках, «штэтел». Иначе как чудом это не назовешь. К тому времени, как Саша научилась рисовать, «штэтел» уже не было и в Молдавии. В России они начали исчезать сразу после революции. В связи с отменой черты оседлости евреи стали переселяться в города. Оканчательно они исчезли после того, как нацисты уничтожили еврейское население этих местечек.

Каким образом Саше запали в душу эти образы? Может, это отголоски слышанных когда-то историй от дедушек и бабушек или прочитанных рассказов Шолом-Алейхема... «Разговор»: две женщины, по тому, как они склонили головы, понимаешь, что они сообщают друг другу важные новости, а может, и просто сплетничают. А вот гравюра «Философы»: два еврея встретились, чтобы порассуждать о мировых проблемах. И в маленьких местечках у потомков Авраама сохранились великие мысли.

Оригинальная по содержанию картина «Любовь отца». Мужчина страстно, даже можно сказать, иступленно прижимает к груди своего ребенка. Мы привыкли, что в стихах, песнях, да и в живописи (это идет от изображения Мадонны) воспевается любовь матери. Саша нам напоминает, что и отцовская любовь не уступает материнской.

Не чуждо Александре Брин и новаторство. И она внесла свою лепту в технику изображения современного искусства. Свой метод она называет *Imbrattatura*. Делается набросок карандашом, дорисовывается тушью, чаще коричневого цвета, и напоследок проводится кисточкой с чистой водой. Гравюры у Саши получаются не черные, как у большинства художников, а буро-коричневые. Это уникально, и такой цвет приближает их к жизни.

И еще одно маленькое изобретение: «Распускающиеся розы» и «Тюльпаны». Чтобы бутоны цветов были выпуклыми, Саша рисует лепестки на прикрепленных к гравюре семечках.

2007 г.

Тамара Майская

«ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ»

Library of Congress Control Number: 2007942808

ISBN: 0-9771194-4-0

Copyright © 2007 by author

Photo copyright © 2007

Chicago, USA 2007

Cover Design by artist Alexandra Brin

Design & Layout: Irina Solovieva

All rights reserved including the right
of reproduction in whole or in part in any form.

Published by “**KONTINENT**”

www.kontinent.org